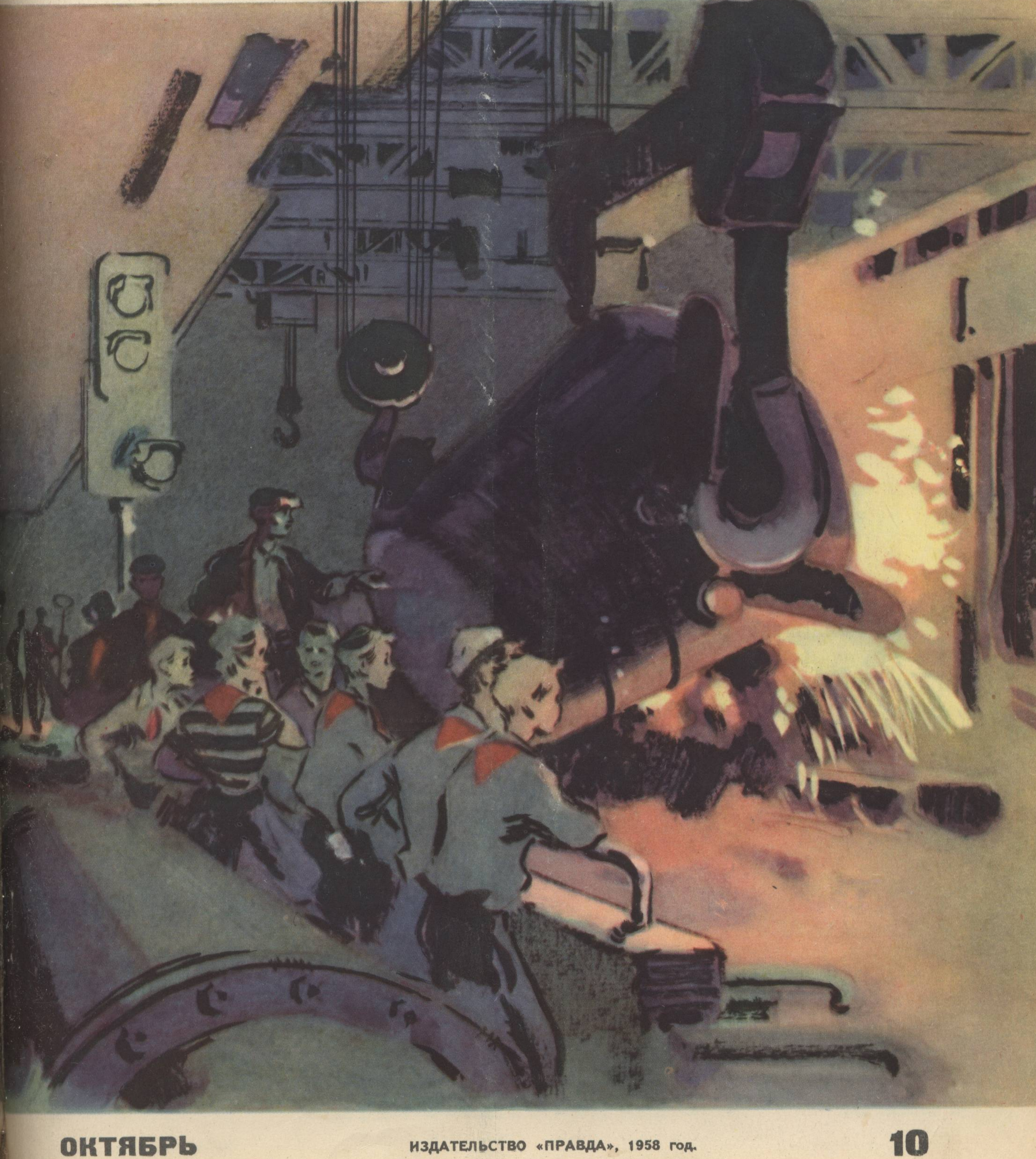
ПИОНЕР

ОКТЯБРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1958 год. 10

Героическими подвигами встретил комсомол свой юбилей. Досрочно закончено строительство комсомольских домен. Вот лучшие из строителей поднимают знамя над «Донецкой-комсомольской» — домной № 5 «Азовстали».

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ВСЕГДА ГОТОВ!

Год издания 35-й.

ОКТЯБРЬ

№10 — 1958 г.

★

В этом номере:

Комсомолец.— Стихи Саши Федотова. Рисунок Г. Колганова 3

Комсомольский экипаж.—Рассказ А. Некрасова. Рисунки П. Кузьмичева 4

Так начиналась жизнь...— Стихи В. Соколова. Рисунки Б. Игнатьева 9

За это отвечает комсомол.—Короткие рассказы о сегодняшних делах комсомольцев 12

Письма к Сашке.— Стихи Праксседес Уррутиа. Перевел П. Грушко. Рисунки В. Цельмера 24

Комсомол в боях и в труде.— Рисунки молодых художников 26

Четыре дня.— Рассказ Р. Бершадского. Рисунки П. Кирпичева. 28

Девчонка.— Рассказ Анны Аксеновой. Рисунки Н. Цейтлина. 33

Памятные годы (Из воспоминаний).— А. Дорохов. . 38

Документы о комсомоле 39

Со ступеньки на ступеньку.— Т. Конникова. Рисунки В. Тарасенко. 45

Чего не хватало Сереже.— Очерк Л. Фридман . . . 49

В Ленинградском порту.— Зарисовки А. Крылова . 53

Тифлисский рассвет. Рассказы о Камо (Окончание).— Виль Орджоникидзе. Рисунки П. Пинкисевича 54

Мускулы. Мертвый лес. Ерш. Будильник.— Стихи Г. Горбовского. Рисунки Ю. Кискачи. 66

Вместе с комсомолом. 67

На «Витязе» (Из записок путешественников).— В. Минеев 70

В мире книг 76

В часы досуга 80

На вклейках:

Былые походы. А. Бородин.

За помощью к партизанам. Б. Жолток.

Молодые строители Каховки. С. Репин.

Подвиг гвардии рядового Николая Семенкова. В. Переяславец.

На обложке:

рисунок В. Сигорского

«Мартеновский цех. Здесь работает наш вожатый!»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ГЕРОИЧЕСКОМУ КОМСОМОЛУ — ПИОНЕРСКИЙ САЛЮТ!

Комсомолец

С бригадой ударной Кузбасс воздвигать
Ты ехал с путевкой райкома,
Стахановцам помощь спешил оказать,
Как прежде — чекистам ревкома.

Когда же тревожно запела труба,
Сзывая на битву с фашизмом,
Бойцы впереди увидали тебя,
Отважного сына Отчизны.

С боями прошел сквозь лишенья и дым,
Сражался у стен Сталинграда,
Сражался под Курском, брал Ригу и Крым
И первым был там, где преграда.

Любовно с народом ты землю лечил
От ран, нанесенных войною,
Сады лучше прежних в стране разводил,
Заводы гигантские строил.

Теперь за штурвалом комбайна стоишь
На землях целинных Алтая.
И морем колосьев пшеница шумит,
Большой урожай предвещая.

Саша Федотов,
школа № 28. Станция Курган,
Южно-Уральской ж. д.

Рассказ А. НЕКРАСОВА.

Рисунки П. Кузьмичева.

Комсомольский экипаж

Я ехал один на сереньком, видавшем виды «Москвиче». Лето было в разгаре, и я боялся, что за Уралом встретят меня выжженная трава, тучи горько-соленой пыли и нестерпимый зной. Но как раз перед моим приездом обильные дожди досыта напоили степь, и все кругом радовало глаз по-весеннему свежей зеленью.

Наезженная грунтовая дорога, плотная и гладкая, как ремень, мягко ложилась под колеса. День кончался. Длинная тень, обгоняя машину, бежала впереди. В небе кое-где кружили хищные птицы. Суслики, стоявшие на часах, заслышав мотор, с тревожным свистом бросались в густую траву.

Вдруг впереди у дороги я заметил что-то вроде высокой буквы «Т». Вспомнилась война. В те годы мне много приходилось плутать по задонским и приднепровским просторам, и такие вот знаки, поставленные чьей-то доброй рукой на степных перекрестках, не раз помогали мне выбирать верную дорогу.

«Но здесь-то,— подумал я,— не из чего выбирать: дорога одна...»

И чем ближе подъезжал я к знаку, тем больше разбирало меня любопытство: какую же новость сообщит мне этот скромный степной маячок?

Новость оказалась не из приятных: на сучковатой доске, кое-как прибитой к кривому столбику, расплывшимися буквами было выведено: «Мост на ремонте. Объезд 40 км».

«Сорок километров туда, сорок обратно. Это лишний бензин, лишнее время... Нехорошо...» — подумал я. Но спорить все равно было не с кем, и я покорно свернул туда, куда показывала стрелка.

Так я проехал часа полтора. Совсем стемнело. Одна за другой зажглись звезды. Казалось, конца не будет этой дороге. Вдруг вместе с прохладным ветерком донесся откуда-то чуть различимый горький запах костра.

Стало веселее на душе. Я прибавил газ и почти сразу увидел внизу, впереди, слабенький огонек. Осторожно съехав по крутому спуску, я затормозил у самой воды и выключил мотор.

В наступившей тишине стало слышно, как шепчутся о чем-то высокие камыши. Широкий паром, приткнувшийся к берегу, казался спящим морским чудовищем. Под бочок, словно детеныши, прижались к нему две лодки. В неровном свете костра шалаш, сложенный из камыша, был похож на огромную задремавшую птицу. Лунная дорожка, золотым мостиком перекинувшись через речку, манила на тот берег.

Неожиданно появился откуда-то хозяин степной переправы.

Поскрипывая деревянной ногой, он вышел из темноты и закурил, чиркнув спичкой. Я успел разглядеть изрытое глубокими морщинами, обросшее седой щетиной лицо, жилистую шею, огромные мозолистые руки...

— Здорово, дед, переправиться можно? — спросил я, не выходя из машины.

— Почему нельзя? Можно, сынок,— ответил он, улыбнувшись беззубым ртом.— Только я бы не посоветовал. Лучше оказии подожди. Дороги здесь не асфальт, а конь-то твой не больно надежный.

— Оно так,— согласился я,— да ведь что поделаешь, спешу...

— Это я понимаю, что спешишь. У нас теперь все спешат. Да спешить-то, однако, тоже нужно с умом. Верно говорю: отдохни, ухи похлебаешь, а подъедет кто, вместе и тронетесь. Давай распрягай коня.— И старик опять улыбнулся так приветливо, что я, не раздумывая больше, вышел из машины.

Над костром в самом деле висел чугунный котел с ухой. Старик подал мне чистый солдатский котелок, подал ложку.

— Хлеб-то есть? — спросил он, когда я принялся за наваристую уху.

— Да я так, без хлеба...

— Без хлеба какая еда,— возразил старик.— Ты постой, я схожу...— И он заковылял к шалашу.

Когда старик вылез из шалаша с ломтем хлеба в руке, следом за ним, потягиваясь, вышел стройный парень лет семнадцати.

— Мой старший внук и помощник, Воронов Федор Иванович,— представил старик.— А третий, тот спать у нас мастер, того нескоро разбудишь. А вы кто же будете?

Я назвался.

— Так,— сказал старик.— Значит, про целину написать. Хорошее дело. А я, стало быть, тоже Воронов, Павел Антонович.

Мы помолчали.

— Тихо тут у вас,— сказал я наконец.

— Да ведь как сказать, тихо? — возразил старик.

— У нас, я так думаю,— перебил Федор,— тихих мест совсем не осталось. Уж на что тут была тишина, а поедете, сами увидите, какой звон по степи идет... Как раз к уборке поспеете.

— Да нет,— сказал я,— я не про то. У вас-то тут тишина какая.

— Опять как сказать,— не согласился старик.— С весны, правда, было тут спокойно. Гурты другой раз переправим, случайный какой обоз. По три дня, бывало, стояли. А сейчас дожди... Мост наверху сорвало, понтоны разнесло. Когда еще их соберут, а хлеб на целине не ждет. Вот и тянутся все через нас. Тут другой переправы на сто верст нет.

— Не скучаете, значит?

— Где скучать! Это нынче вот так что-то, а то и днем и ночью, как челнок. Другой раз и не поспишь. Да вон, легки на помине, едут. С запада... Слышь, Федя?

— Точно,—сказал Федор, прислушавшись.

Прислушался и я, но в степной тишине ничего не расслышал.

— Ты, Федя, давай Леньку буди да факелы готовь. Похоже, колонна,— сказал старик и, обернувшись ко мне, добавил: — Вот вам и оказия. Сейчас поглядите, как мы тут скучаем.

Федя забрался в шалаш. Минуту спустя он вернулся к костру вместе с мальчиком лет девяти. Спросонья он тер кулаками глаза и переминался с ноги на ногу.

— Вот теперь вся моя команда в сборе,— сказал Павел Антонович.— Это младший мой внук. Тоже Воронов. Звать Ленькой. Однако уже пионер. Ты давай-ка, Ленька, лодки отчаль да к берегу переставишь. Да глянь, нет ли воды в трюме. А ты, Федор, фонарь зажигай, да будем канаты набивать.

И сразу все ожило на переправе: с треском разгорелся камыш в костре, запылали два ярких факела у спуска, застучали, заплескали весла, фонарь «летучая мышь» яркой звездочкой поднялся к вершине короткой мачты.

Потом все вместе мы навалились на рукоятки ворота, врытого в землю, и пошли по кругу. Ворот заскрипел жалобным скрипом. Тяжелый стальной канат змеей пополз из темноты, виток за витком ложась на толстую колонну барабана, и вдруг, с шумом прорезав реку, взметнулся и закачался снизу вверх, рассыпая звонкие брызги. Потом натянули другой, тоненький ходовой трос, а когда все опять умолкло, в наступившей тишине стало слышно что-то вроде далекого-далекого грома. И словно отсветы зарниц заблистали где-то над степью. Гром нарастал, приближался. Потом нетерпеливый, требовательный сигнал прозвучал совсем близко, откликнулся другой...

Мы поднялись на откос и увидели целую вереницу парных огней, бежавших по степи.

Минуту спустя пышущие жаром, новенькие, тяжело груженные железными бочками машины уже стояли гуськом у спуска. Из

кабин один за другим выскакивали на землю уставшие от дальней дороги, запыленные, но шумные, веселые и все как один молодые шоферы.

Из передней машины вышли двое. Один из них, парень лет двадцати пяти, в ладном комбинезоне, с планшетом на ремне, должно быть, старший, шагнув к нам навстречу, властным голосом сказал:

— Начальник колонны Басов. Кто тут хозяин у вас?

— Я тут хозяин,— в тон ему ответил старик.— Шкипер переправы Воронов.

— Переправа готова?

— Готова...

— Тогда грузи, дед, раз готова. Рейс-то сколько у тебя выходит, туда и обратно, по часам? И по скольку машин грузишь?

— Со всем — с причалом, с выездом и с заездом — минут двадцать пять, а то и все тридцать будет. А грузить по одной.

— Не пойдет,— сказал начальник колонны.— У меня тут тридцать две машины. Это что же, мне до вечера здесь загорать? А ну, пойдем посмотрим...

Он уверенно зашагал к парому, деловито осмотрел въезд, причал, ударил рукой по канатам, из конца в конец два раза прошагал по палубе, громко стуча каблуками.

— Не пойдет,— повторил он,— по две будем грузить.

— Ишь ведь ты как,— сказал Павел Антонович,— по две... Да кто же тебе по две-то разрешит, гражданин Басов?

— А я и спрашивать никого не стану,— сказал тот беззлобно и, повернувшись к берегу, звонко скомандовал: — А ну, заезжай по две, первая к носу, вторая к корме! Пошел!

Головная машина фыркнула и, брызнув по черной воде светом фар, осторожно пошла под гору. Следом за ней двинулась вторая...

— Леня, ты лодки-то подчаль под корму,— тихонько сказал дед и обернулся к Басову.— А ты, милый человек, тут не командуй. Тут я в ответе, я и командир.

Павел Антонович с удивительной быстротой оказался на берегу. Вприпрыжку, смешно взмахивая руками, он заковылял навстречу машинам и вдруг с неожиданной силой в голосе закричал:

— Отставить!

И так решительно, так властно прозвучал этот окрик, что передняя машина, взвизгнув тормозами, встала на откосе, как вкопанная.

— Вот я тебе отставлю! — с угрозой в голосе сказал Басов.

Шагнув следом за стариком, он повторил еще громче:

— По две заезжай, первая к носу, вторая к корме!

Машины снова тронулись. Старик, обернувшись к Федору, стоявшему у борта, молча кивнул на лебедку.

Федор без слов понял деда. Небрежным, но точным ударом ноги он сбросил причальную петлю, неслышно подошел к лебедке и закрутил рукоятку. Тонкий ходовой трос натянулся. Паром плавно отвалил и медленно отошел от причала.

— Паром! — крикнул кто-то на берегу.

Басов одним прыжком вернулся к реке, но было уже поздно: метра три темной, глубокой воды отделяло паром от причала.

— Ну подожди ж ты, старый ворон! — в сердцах проговорил Басов.

— И подождем,— невозмутимо ответил старик.— Нам не к спеху...

Смешно взмахивая руками, Павел Антонович заковылял навстречу машинам...

— Силен! — возмутился начальник колонны.— Смотрите на него: на целине хлеб поспел, там комбайны стоят без горючего, минуты на счету, а ему «не к спеху»,— передразнил он.— Да ты понимаешь, что говоришь?

На берегу зашумели. Со всех сторон, с угрозами надвигаясь из темноты, тесной толпой обступили паромщика здоровые молодые парни. Казалось, вот-вот они сомнут старика. А он спокойно переждал, пока стих шум, и сказал рассудительно:

— Я-то все понимаю. А вот ты, видно, молод все-то понять. Ну, погрузим мы по-твоему, по две. Встать-то они встанут: палуба широкая. Да ведь груз-то какой! Хорошо, как по-хорошему, а ну, как неладно выйдет со спешкой-то с вашей! Посуда валкая, чуть качнет, и сыграет машина за борт. Потопим паром, и будете вы здесь стоять. Да не вы одни... Тут теперь магистральная линия. А там хлеб поспел...

— Первый раз, что ли, нам на пароме? Авось, не потопим,— сказал Басов.

— На авось в таком деле надежда плохая,— возразил старик.— Тут расчет требуется. Спешить-то, парень, тоже нужно с умом...

— Брось-ка ты демагогию разводить! Скажи проще: шкуру свою бережешь?..

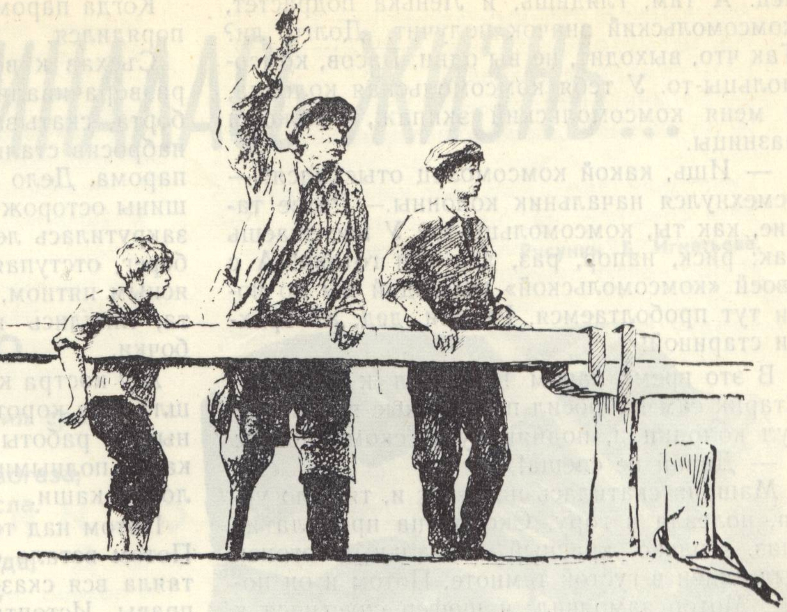
— Моей шкуре цена небольшая. Я, сынок, тут, как часовой у моста. Я не шкуру берегу, а коммуникацию.

— Ишь, какие слова знает! — усмехнулся Басов.— Ну, ладно, дед, давай налаживай свою «коммуникацию». Не век же нам тут стоять.

— А как ладно-то? По-твоему или по-моему?

— Выходит, по-твоему. Не драться же с тобой. Эй, парень, как тебя, Федя, что ли, давай причаливай!

— Постой, Федор,— крикнул старик,— постой, не спеши! А ты мне, Басов, дай по всей форме слово. Вот тут и товарищ из центра, корреспондент, послушает. А то ведь ты, видать, горячий: причалим, а ты опять скажешь: «По две!».

На борту парома стоял весь экипаж Вороновых...

— Ладно, честное комсомольское: по одной! Только, старый грач, как начнешь икать, так и знай: это мы тебя не добром поминаем. Это же восемь лишних часов!

— Ну давай, Федя, чалься! — негромко крикнул паромщик.— А икать буду ли, нет ли,— мое дело. Мне икать не привыкать. Всем-то не угодишь...

— «Всем...» — с досадой сказал Басов.— Мы разве «все»? Мы не «все», мы комсомольская колонна. Понятно? Да где тебе такое понять! Ты и молодым-то не был. Так, небось, без зубов и родился.

— Ты зато больно зубастый,— усмехнулся старик.— Давай, зубастый, грузи, да потихоньку, не горячись...

Грузовик медленно вкатился на причал. Заскрипели толстые горбыли, паром мягко осел под тяжестью груженой машины. Старик сам командовал, где встать, сам подложил колодки под скаты и снял причальные петли.

Взявшись вчетвером за рукоятки, мы стали крутить лебедку. Мокрый трос побежал, похрустывая, по блокам. Берег медленно отступил. Там, на берегу, толпились люди, красным, коптящим пламенем полыхали факелы, догорал костер...

— А насчет комсомола ты зря,— сказал Павел Антонович, не бросая рукоятки.— Тебя еще и в помине не было, а я уже комсомольский билет носил. И с белыми сражался комсомольцем и ногу в боях потерял. Федор вот — внук он мне — тоже комсомо-

лец. А там, глядишь, и Ленька подрастет, комсомольский значок получит. Долго ли? Так что, выходит, не вы одни, Басов, комсомольцы-то. У тебя комсомольская колонна, у меня комсомольский экипаж, только и разницы.

— Ишь, какой комсомолец отыскался! — усмехнулся начальник колонны.— Разве такие, как ты, комсомольцы-то? У нас знаешь как: риск, напор, раз, два — и готово! А с твоей «комсомольской» командой мы до ночи тут проболтаемся. Рискни, дед, а? Тряхни стариной!

В это время паром подвалил к причалу. Старик сам набросил причальные петли, вынул колодки и, подняв руку, скомандовал:

— Давай не спеша!

Машина скатилась на берег и, тяжело урча, полезла в гору. Скоро она пропала из глаз. Только красный сигнальный огонек был виден в густой темноте. Потом и он погас. Мотор замолчал, и шофер спустился к парому.

И опять заскрипела лебедка, и опять, чуть поплескивая, пополз по воде паром.

Поднеся руку поближе к фонарю, Басов взглянул на часы.

— Первый час,— сказал он, ни к кому не обращаясь.— По тридцать минут... Это к вечеру только управимся... Эх, дед,— хлопнул он старика по плечу,— кровь в тебе остыла! Рискни: возьми по две! Тряхни стариной. Риск — благородное дело!

Старик ничего не ответил. Бросив рукоятку, он проковылял по палубе взад и вперед, глянул за борт, посмотрел на берег, на другой...

— Буксирных тросов много у тебя? — спросил он неожиданно.

— На всех машинах. А что? — не понял начальник колонны.

— А вот что: сейчас, как подойдем, давай разгружай бочки прямо в воду. Свалим их и возьмем на буксир. А машины порожнем можно и по две поставить. Ясно тебе?

— Дело! — сказал Басов.— Ишь ты, старый грач, что удумал! Молодец! А не утопим, не растеряем?

— А это не твоя забота: чалить Федор будет. Он не смотри, что молодой, он с головой парень. Ты ему двоих дай, больше и не надо... Четверых на разгрузку, шестерых на погрузку туда.— Дед рукой показал на тот берег.— Двоих на расчалку. Это, выходит, двенадцать. А остальным, чтобы под ногами не толкались, кашу варить. Харчи-то есть у вас? А котел я дам.

Когда паром причалил, Басов быстро распорядился.

Съехав к воде, машины одна за другой разворачивались задом, на них раскрывали борта, скатывали тяжелые бочки в реку и, набросив стальные петли, чалили под корму парома. Дело спорилось. Две порожние машины осторожно въехали на паром. И снова закрутилась лебедка, и снова поплыл назад берег, отступая в темноту. А за кормой неясным пятном, вроде большого редкого плота, тянулись на три четверти затонувшие бочки.

А у костра копошились повара. И не прошла еще короткая летняя ночь, все свободные от работы уже сидели кто где с котелками, полными горячей, дымившейся на холодке каши.

Потом над тем берегом загорелся рассвет. Потом встало солнце. В дневном свете растаяла вся сказочная прелесть степной переправы. Истоптанная сотнями ног и колес, земля казалась страшной раной на спокойном зеленом берегу. И повсюду на этой земле, раскинув руки, лежали утомленные работой сильные, молодые, здоровые люди. Басов тоже вздремнул под утро. А старик так и не сомкнул глаз. Он придирчиво проверял, так ли наброшены петли, так ли встали машины, сам подкладывал колодки под колеса, сам вынимал их...

Когда вкатилась на паром последняя машина, примостил рядом с ней и я своего «Москвича».

На том берегу бензин уже погрузили. Машины, готовые к дальнему рейсу, стояли одна за другой. Шоферы ждали сигнала.

— Вот у нас какая тишина,— сказал Павел Антонович, протянув мне руку на прощание.

Я не успел ответить: с передней машины раздался сигнал. И вдруг, раскрыв дверцы кабин, встав, как один, на подножки, в тридцать три глотки шоферы дружно гаркнули:

— Комсомольскому экипажу шкипера Воронова спасибо!

Потом тридцать две сирены трижды прокричали хором, и одна за другой машины с полным грузом горючего дружно тронулись на восток, на комсомольскую целину.

А на борту парома стоял весь экипаж Вороновых. Только Федя и Ленька были очень серьезны, должно быть, устали за ночь, а Павел Антонович приветливо махал, как флагом, красной от ржавчины огромной рукой и широко улыбался.

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ЖИЗНЬ...

Рисунки Б. Игнатьева.

Вл. СОКОЛОВ

ДЕТСТВО

Я помню день, когда забросил сразу
Я все свои обычные дела.
В тот вечер мама два противогаза,
Себе и мне, с работы принесла.

Я и не понял: для чего, откуда,
Но, на игру сзывая ребятню,
Таскал с собой резиновое чудо
И примерял по десять раз на дню.

Откуда-то их был десяток добыт.
И вот, пока сражение текло,
Любой из нас, растягивая хобот,
Глазел на мир сквозь потное стекло.

А на спину поваленные стулья
Строчили беспощадно по врагу,
И в светлых комнатах шальная пуля
Подстерегала на любом шагу.

И падал навзничь Петька или Сашка
Не на ковры — навстречу синяку,
С бумажною звездою на фуражке
И сумкою зеленой на боку.

А уж случалось — свет надолго гаснул
Вслед за тревожно стонущим свистком,
А уж в парадные не понапрасну
Затаскивали ящики с песком.

И часовой на западной границе
Все зорче вглядывался в темноту.
А там росли опасные зарницы,
Стальные птицы брали высоту.

Там на дома неслись фугасок гроздья.
На океанах шли суда ко дну.
Четвертый класс мы кончили в
предгрозье,
Из пятого мы перешли в войну.

Двенадцать лет — огромный, взрослый
возраст,
Но разве нежным мамам объяснишь,

Что наше место там, где крики «Воздух!»
И ширь ничем не защищенных крыш?

И мы тайком туда, где зажигалки,
Оставив женщинам подвальную тоску,
Вслепую лезем, стукаясь о балки,
По теплому чердачному песку...

А там, пылая в треугольной раме,
Гремит ночной московский наш июль,
Зажженный заревом, прожекторами,
Пунктирами трассирующих пуль.

Мы замерли. И ноги вдруг, как вата,
Но, несмотря на то, что бел, как мел,
Нам командир сказал:
— За мной, ребята! —
И по железу первым загремел.

Навстречу две дежурных комсомолки
Уже спешили, нас назад гоня.
И, как сосульки, падали осколки,
И рос напор зенитного огня.

Чердак опять. А бой ревет над крышей,
Несовершённым подвигом маня.

И вдруг внесли его, плащом укрывши,
Как, может быть, внесли бы и меня.

Он так лежал, как в этой же рубашке
Лежал однажды на своем веку,
С бумажною звездою на фуражке
И сумкою зеленой на боку.

Он так лежал, как будто притворялся.
И мать бежала. «Петя, подымись!»
А он молчал. Не встал. Не рассмеялся.
Игра кончалась. Начиналась жизнь.

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

Шли месяцы все холодней и мглистей,
Отцам и матерям беля виски.
Как выстрелами срезанные листья,
Валились календарные листки.

Сугробы. Лед. Продутый ветром
Шадринск.
Я не забыл собранья до зари,
Той школы, снегом занесенной, адрес,
Тех чисел черные календари.

Я помню, помню ночь перед собраньем!
Все думалось, что поздно и темно,
А новый день уже рассветом ранним
Заглядывал в замерзшее окно.

А я вопрос предусмотреть старался
Любой, чтоб не ответить невпопад,
И автобиографию пытался
Сложить из пары городов и дат.

Уснуть не мог. Ворочался на койке,
Тревожа спящей комнаты покой.
«Пятнадцать лет. В седьмом... Четыре
тройки.
Общественной работы никакой...

Герой любимый? Павка и Матросов...»
Назавтра же... О, как не вспоминать
И этот град сочувственных вопросов
И этот лес знакомых рук: принять!

А ветер мел по улице холодной
Снежок. И становилось все темней.
Лишь лампочка звездою путеводной
Светилась у райкомовских дверей.

И секретарь был с нами строг вначале
И улыбнулся, видно, неспроста
Тому, что нас на первый раз послали
Произвести переучет скота.

Но мы не спорили.
Не возразив ни слова,
Мы вышли всей гурьбой! Нас ветер гнал
бегом.

Мы были даже к этому готовы,
Хоть и мечтали вовсе о другом.

ДОРОГА

Наша трудная школа!
Ты не парта одна.
Ты и голод, и холод,
Матерей седина.

Мы биномы учили
С «ППШ» наряду.
Нам повестки вручили
В сорок пятом году.

Шли солдаты до дому,
Им — салют и почет.
Взяли нас военкомы
На военный учет...

Мы совсем не герои,
Но скажу я опять:
Научились мы строить,
Научились стрелять.

И какие б там бомбы
Ни готовили нам,
Горячи наши домны,
Строй защитников прям.

И в строю этом верном,
Приглядись-ка, мой друг,
Ты узнаешь, наверно,
Стольких сверстников вдруг.

Одноклассников стольких
И друзей по труду
В этом племени стойких,
В этом грозном ряду.

Ты спешишь? Понимаю...
Руку дай мне, прощай!
Я и сам уезжаю
Далеко, на Алтай.

В мире дремлющих елок,
Там, где будет завод,
Молодой наш поселок
Пятый месяц живет.

Он такой еще малый
В складках хвойных одеж,
Что на карте, пожалуй,
Ты его не найдешь.

Разбегаются рельсы,
Чуть заслышат гудок,
И на северо-запад
И на юго-восток.

Под мосты, под колеса,
Переплетом и в ряд...
Ребятишки с откосов
Вслед вагонам глядят...

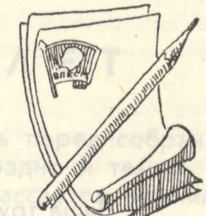
До свиданья, родные!
Здравствуй, ветер путей!
Мать-отчизна Россия,
Принимай сыновей!

★

ЗА ЭТО ОТВЕЧАЕТ КОМСОМОЛ

Нет такого трудного дела, за которое не взялся бы комсомол. А взявшись за дело, он делает его до конца, так что народ и партия говорят ему спасибо.

Дел таких непочатый край в нашем большом советском хозяйстве. Здесь вы прочитаете коллективный репортаж журналистов, художников и фотографов о том, как работают комсомольцы на тех участках великой советской стройки, которые им поручила партия.

Борис ВОЛОДИН

Фото А. Пчемяна.

Этот город очень молод. Ему всего девять лет, а большинству его жителей — от девятнадцати до тридцати. Сюда приехала молодежь со всех городов и сел Азербайджана и из других республик страны.

Здесь — «СК».

Эти буквы видишь почти на каждом шагу. Сел в городской автобус — на маршрутной табличке «СК». Развернул сумгаитскую газету — «СК» почти на каждой странице. На улице, в кино, в учреждении все говорят об «СК». «СК» — значит «синтетический каучук» И это название завода, на котором синтетический каучук вырабатывают.

Каучук! Он прочно вошел в нашу жизнь. Каучук — это изоляция электрических кабелей, шины автомобилей и самолетов, прокладки в моторах, амортизаторы, перчатки хирургов, резиновые сапоги рыбаков и электриков. Если бы вдруг, по мановению волшебника, каучук исчез внезапно из нашей жизни, из мира быстроходных и быстролетных машин, автоматических заводов, радио и электричества,— жизнь бы замерла. В мгновение вспыхнули бы миллиарды искр короткого замыкания, и яркий электрический огонь, освещающий теперь дома и улицы, сменился бы непроглядным мраком.

Современная техника без каучука немыслима. Натурального каучука в нашей стране мало. Химики научились искусственно составлять молекулу этого вещества — сложную цепочку из тысяч атомов углерода и водорода. На первых наших заводах «СК» каучук получали из спирта, а спирт—из картофеля. В Сумгаите применяют другое сырье — горючие газы. Представляете, как это здорово! Ну что такое газ? Его даже не увидишь. А он превращается в ощутимую вещь — в мягкий, эластичный каучук, который, кстати, гораздо дешевле, чем «картофельный».

Недалеко от Сумгаита — бакинские нефтепромыслы. Горючие газы — неизменные спутники нефти. Вместе с нею они выходят из толщи земной коры по буровым скважинам. Их много образуется и на перегонном заводе, где из нефти получают бензин и керосин. Нефтяные газы — это метан, бутан, этилен, пропилен и другие вещества. Они со-

стоят из углерода и водорода. Каучук — тоже. Только у этилена в молекуле шесть атомов, а у каучука — несколько тысяч.

Газы идут в Сумгаит из Баку по газопроводу. Давление в пять атмосфер гонит их по трубам, проложенным в песчаной степи, поросшей редкой жесткой травой. На заводе смесь нефтяных газов разделяют в специальных установках. Каждый газ служит свою службу.

...Под палящим южным солнцем, под блеклым от зноя небом гудят, пышут жаром огромные печи. Их нагревает синеватое пламя метана. Только глянешь на них — жарко становится. А в ста метрах от печей — трубы, покрытые толстой ледяной коркой.

Газ пропилен превращают в жидкость. Температура жидкого пропилена — сорок градусов ниже нуля. По этим трубам он и течет в заводские холодильники.

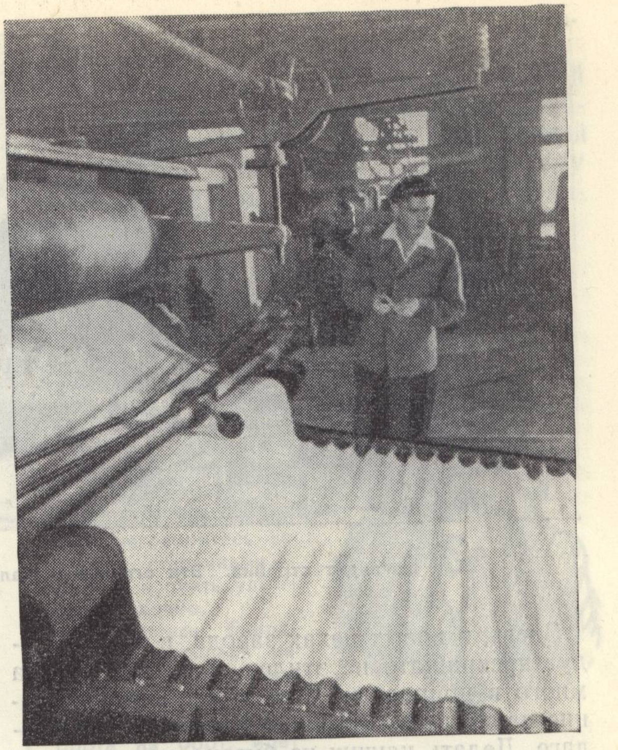
Из газа этилена изготавливают каучук. Этилен проходит через метановый жар и пропиленовый мороз. Его сдавливают в компрессорах, пропускают сквозь потоки серной кислоты и через специальные очистительные установки — большие полые колонны с десятиэтажный дом высотой. Им опорой служат стальные переплетения, похожие на гигантские этажерки.

Холод, и пламя, и действие специальных химических веществ заставляют по-новому сцепляться между собою частицы углерода и водорода. Они образуют сначала молекулы спирта, потом все более и более сложных веществ и, наконец, выстраиваются в длинные сложные цепочки — молекулы каучука.

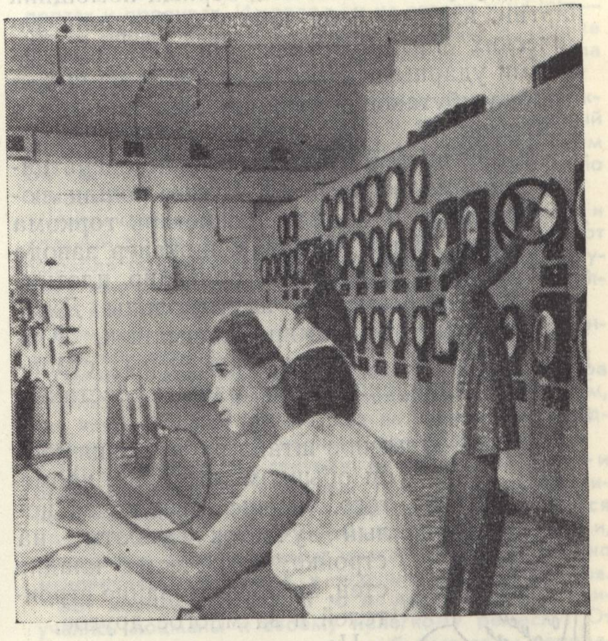
И вот, наконец, выходит из-под вальцов машины широкая упругая желтая лента, припудренная тальком, чтоб не слипалась. Это сумгаитский каучук!

Идешь по заводу и удивляешься его безлюдности. В любом цехе «СК»: у огромных заводских установок, огнедышащих печей, у гудящих моторов — только один — два дежурных. А во всей смене цеха — шесть — семь человек. Это инженеры, техники, аппаратчики. Всеми сложными превращениями этилена они управляют на расстоянии.

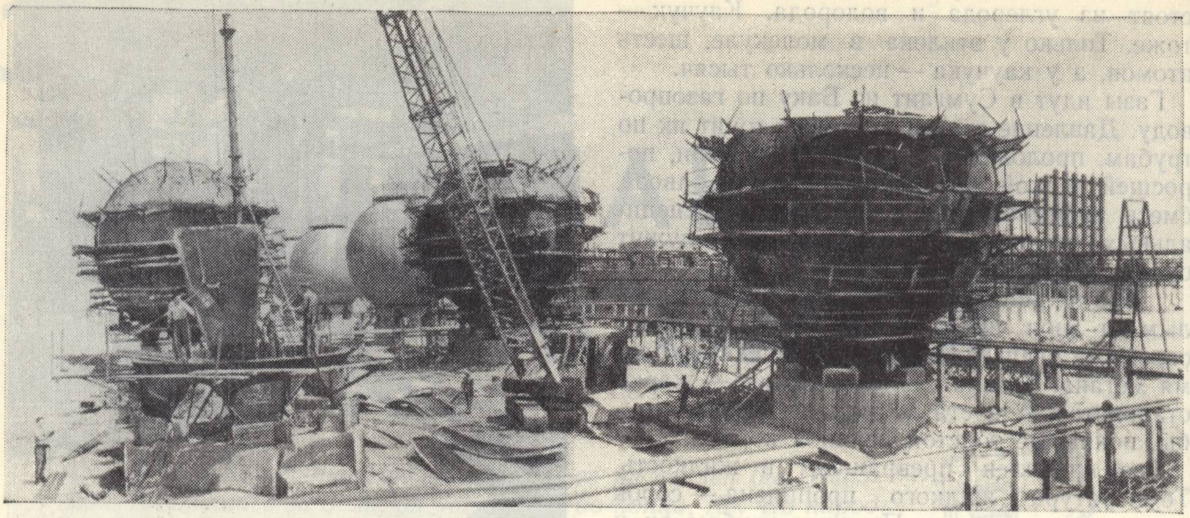
А рядом с действующим заводом идет стройка. На морском берегу вырастают здания новых цехов и огромные стальные шары — газохранилища. Стрелы кранов несут тяжелые бадьи, наполненные бетонным раствором, а в самой вышине, в небе, среди стальных переплетов вспыхивают голубые звезды. Там работают электросварщики.

...Желтой широкой лентой идет из-под вальцов машины готовый синтетический сумгаитский каучук.

Отсюда, из комнаты контрольно-измерительных аппаратов, молодые химики управляют печами, компрессорами, холодильными установками, по приборам следят за длинной цепью превращений газов в каучук

Так выглядит стройка. Эти огромные стальные шары будут наполнять газом бутаном...

Здесь, в новых цехах завода, в каучук будут превращать не этилен, а бутан. Бутана много в природных газах. Их месторождение нашли неподалеку от Сумгаита, в Карадаге. Делать каучук из бутана еще дешевле и удобней. Бутан не нужно сначала превращать в спирт.

Партия сказала, что стране нужно много новых заводов и фабрик, выпускающих пластмассы, искусственное волокно, красители, каучук. И комсомол, верный помощник партии, взял на себя заботу о будущих химических предприятиях. Он объявил их своими ударными стройками. Одна из них — стройка «бутановой группы» завода «СК» в Сумгаите.

На «бутановой группе» создан оперативный комсомольский штаб. В него вошли люди надежные и боевые: секретарь горкома комсомола Айдин Мамедов, инженер завода «СК» Галина Шляндина, бригадир плотников Мамед Мамедов, комсомольцы Джамил Кулиев, Владимир Таламанюк, Ашраф Керимов. Главные инженеры строительных управлений — постоянные советники штаба.

Каждый из членов штаба работает на своем обычном месте, но, кроме того, он еще отвечает за целый участок работы на стройке: за качество кладки стен, за обслуживание строителей и за многое другое.

Но построить завод — это не только возвести стены из бетона и камня. Стены и потолок не дадут каучука. Нужно смонтировать газопроводы — сотни километров труб — и установить в цехах насосы, приборы, компрессоры...

Оборудование для «СК» изготовляют разные заводы страны: одни поблизости, в Баку, другие на Украине, на Урале, в Поволжье. По планам заводы должны были прислать на стройку моторы и механизмы зимой, в ноябре, в декабре, а то и в будущем году. А сумгаитцы обгоняли планы! Наступил момент, когда оборудования для монтажа стало не хватать.

Как быть? Неужели работа затормозится?

Члены штаба написали письма комсомольцам заводов, которые должны были изготовить механизмы:

«От вас зависит судьба комсомольской стройки. Без вашей помощи мы ничего не сможем сделать, товарищи. Найдите возможность сверх плана, раньше времени изготовить машины и приборы для Сумгаита».

А на бакинских заводах они побывали сами, говорили с молодыми рабочими и пригласили представителей заводов к себе на заседание. Пригласили в штаб секретаря горкома партии, работников республиканского совнархоза. И на бурном, деловом совещании все вместе обсуждали, что мешает немедленно изготовить оборудование для стройки, что нужно сделать и чем может помочь заводам штаб.

И вот на станцию стали прибывать вагоны и платформы. На ящиках с грузами было написано: «Для комсомольской стройки»...

«Сумгаит комсомольский штаб Мамедову тчк ножницы пельс отгружены 24 июля поздравляем комсомол весь коллектив днем строителя желаем дальнейших успехов комсорг Семендяев начальник управления Рябиков»,—

телеграфировали из Сталиногорска.

Отвечали комсомольцы Ярославля, Пензы и Бобруйска: они отправили в Сумгаит насосы, электродвигатели и приборы, которые были изготовлены досрочно.

Вот чего добились комсомольцы ударной стройки! Каждый день задержки они считали днем, украденным из их собственной жизни. И они добиваются успеха, потому что живут единым дыханием со всей великой страной.

☆

Лоцманы с „Дельты"

А. АНДРЕЕВ

К утру наш теплоход снова стал на якорь.

Замолчали машины. Захлопали двери, в коридорах раздались шаги. Пассажиры, высыпав на палубы, осматривались по сторонам.

Левый берег чуть виднелся за голубой дымкой. На правом, зеленом от свежей травы, раскинулся поселок — девятнадцать домиков, дочерна изглоданных ветрами, да три высоких ненецких чума. К северу до самого горизонта в лучах незаходящего солнца ослепительно сверкал Енисей. С юга, всем бортом повернувшись к нам, стояла на якоре трехмачтовая красавица шхуна.

Вот бы где побывать!

Мы уже знали, что это лоцманская шхуна. Да и флаг — белый с широкой голубой каймой, поднятый на грот-стеньге,—говорил об этом. Мы уже знали, что шхуну зовут «Дельта», и заранее предвкушали беседу с седобородыми лоцманами с «Дельты»— знатоками здешних голубых дорог.

Наконец мы пошли к капитану просить шлюпку.

Капитан отказал.

— Против течения не выгрести, а тут еще ветер с юга. Только намаетесь,— сказал он.

Но нам не хотелось сдаваться. Мы стали доказывать, что нам, журналистам и писателям, просто необходимо побывать на «Дельте», потому что кому-кому, а уж лоцманам-то есть что вспомнить, есть что порассказать про здешние места. Ведь, небось, не первый десяток лет каждый из них водит здесь корабли от моря до Игарского порта!

Вот енисейский лоцман С. В. Тимофеев.

Капитан улыбался. Наконец он согласился всетаки дать нам тяжелый моторный катер. Но тут кто-то вбежал в каюту и сказал, что там, на шхуне, спустили шлюпку.

— Вот и отлично! И мне меньше хлопот. Сейчас подойдут сами, тогда уж наговоритесь со своими старичками,— сказал он и опять улыбнулся загадочно.

Вооружившись биноклями, мы высыпали на борт и во все глаза смотрели, как, прыгая на волнах и переваливаясь с борта на борт, идет к нам тяжело груженная моторка. Но чем ближе подходила она, тем глубже в душу забиралось сомнение: лоцманы ли к нам едут? Уж не подшутил ли кто над нами?

А это лоцман М. С. Овчинников.

Я многих лоцманов видел на своем веку: и в норвежских шхерах, и на Суэцком канале, и в других портах и проливах. И везде — и на севере и на юге— что-то общее было в их лицах, в глазах, в осанке этих людей. Должно быть, сама работа накладывала на них свой отпечаток.

Да и то сказать, нелегка работа лоцмана! Буквально каждый камушек, каждую примету, каждый сантиметр пути должен знать лоцман, прежде чем он встанет у штурвала и поведет корабль по «своему» участку.

Англичане любят говорить, что «капитан первый и главный после бога на корабле». Но когда на борт корабля поднимается лоцман, тогда и капитан уступает ему свое место на мостике и покорно исполняет все его приказы.

Большая власть дана лоцману, но и ответственность его велика.

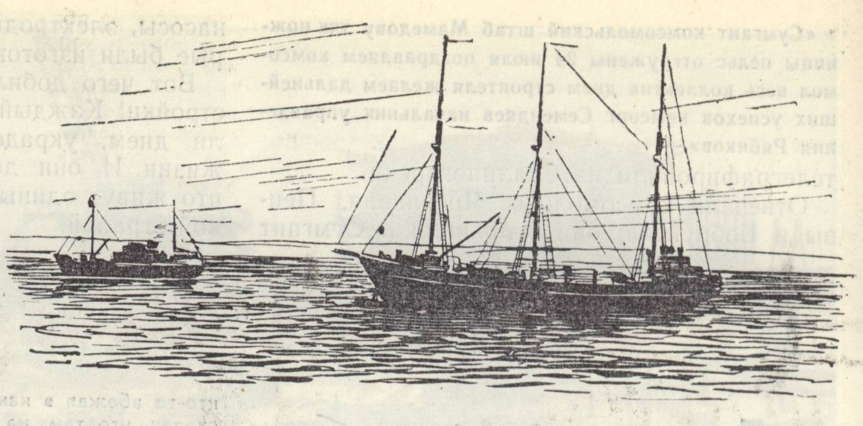
Погубить корабль, груз, людей и в открытом море недолго. А ведь лоцман приходит на корабль там, где всего труднее дорога, где на каждом шагу подстерегают судно опасности и преграды.

Тут ошибешься на секунду, на градус, на фут — и огромный корабль в тысячи тонн загрохочет днищем по скалам, притрется бортом к мели, ткнется носом в берег, погнет винты, пропорет обшивку, и, послушный воле человека, красавец-великан в одно мгновение превратится в игрушку волн и ветров.

Вот поэтому годами, а то и десятилетиями приучались лоцманы к своему нелегкому ремеслу. От деда к внуку, от отца к сыну в былые годы передавалось лоцманское искусство. Да и сейчас есть немало трудных фарватеров, на которых из рода в род передаются секреты проводки кораблей...

Мальчишкой приходит будущий лоцман на такой фарватер, годами привыкает, приучается к делу, а когда уже первая седина посеребрит виски, тогда впервые сам ведет корабль.

И поэтому, должно быть, неразговорчивы, угрюмы, медлительны и как-то подчеркнуто нелюдимы были все те лоцманы, которых приходилось мне видеть в былые годы на трудных морских дорогах. Почти все они были людьми пожилыми, почти все носили бороды, почти все ходили в крепких сапогах выше колена, почти все курили трубки...

Всем бортом повернувшись к нам, стояла на якоре шхуна «Дельта».

А тут в шлюпке, подходившей к нашему борту,— безусые ребята, веселые, горластые. Стоят обнявшись, поют что-то... Какие же это лоцманы?

Но оказалось, что это самые настоящие лоцманы. Они легко взбежали по трапу, прошли вместе с нами в салон, и началась беседа.

Началась она с откровенного нашего удивления. Все нас удивило: веселый нрав, и внешность, и возраст наших гостей. Но когда мы сказали об этом, лоцманы с «Дельты», смеясь, ответили:

— Вы-то что! А вот как капитаны удивляются, когда мы к ним подходим! С вами-то мы посидим, побеседуем да и распрощаемся. А ведь им-то пароходы нам доверять. Бывает, другие и не верят. Приходится документы предъявлять.

Потом на смену удивлению пришло ненадолго разочарование: ведь мы ждали рассказов здешних старожилов, думали услышать о тех далеких, забытых уже годах, когда каждый корабль, приходивший с моря в устье Енисея, был событием, когда Советской власти еще не было на этих берегах, когда купец да урядник были полновластными хозяевами на огромном Таймырском полуострове и на великой сибирской реке.

Но обо всем этом гости знали меньше нас. Откуда им, комсомольцам, совсем недавно вставшим со школьной скамьи, знать эти вещи? Зато свое дело они знают и делают так, как не сделает ни один лоцман прежних времен. Ведь любой корабль и порожним и с грузом проводят они без аварий и простоев.

— И откуда,— удивлялись мы,— у этих ребят такое умение?

Мы и об этом спросили. А они, все так же смеясь, ответили нам:

— Как откуда? Ведь нас же учили.

И, наверное, час, а то и больше пришлось нам говорить, пока поняли мы, в чем тут дело.

А дело оказалось очень простое.

Лет тридцать назад встала перед молодой Советской страной задача: бросить сибирский лес на рынки Европы. Лесу много у нас, а в Европе всегда хорошо платили за русскую древесину. Но это легко сказать — бросить... От Сибири до наших старых портов тысячи километров пути. Пока по железной дороге довезешь этот лес, он в такую копеечку обойдется, что себе дороже выйдет торговать им. Стали думать, как морем доставлять лес в Европу. И решили

так: на Енисее построить морской порт; туда плотами и баржами сгонять лес, поставить там лесопилки, а с севера, с моря, приводить иностранные корабли прямо в Енисей за пиломатериалами.

Построили порт. Назвали его Игарка. Поставили ледоколы на морских дорогах на случай, если не вовремя надвинутся с севера льды. А в низовьях Енисея поставили лоцманов — стариков, знатоков этих мест — водить иностранные корабли в Игарку. Это трудный путь. И мели, и скалы, и течения, и туманы—всего хватает. Но старики-лоцманы хорошо знали здешние места, и с каждым годом росла слава Игарского порта: оттуда самый лучший лес шел в Европу. И с каждым годом все больше и больше разрастался порт, все больше и больше кораблей приходило в Енисей за игарским лесом.

Пришло время подумать, кем заменить стариков-лоцманов.

И тут, как и везде у нас, по-новому решили эту задачу. Вышли гидрографы на нижний плес Енисея, изучили, промерили каждый метр великой реки, на всем пятисоткилометровом пути от устья до Игарки поставили створные знаки, вехи, маяки, наладили радиосвязь на всем трудном участке дороги... А пока готовили Енисей к новой большой работе, готовили и работников для Енисея.

Совсем на другой реке, за тысячи километров от Енисея, по комсомольскому призыву пришли ребята в специальное училище. Их учили управлять кораблями, читать азбуку обстановки, пользоваться приборами и лоциями, говорить на чужих языках... Но крепче всего научили этих ребят верить тем, кто подготовил реку для большой работы. И когда молодые лоцманы пришли на Енисей, на реку, где в былые годы не каждый старожил решался провести корабль, эти молодые ребята по обстановке, по лоции, по приборам уверенно находили безопасные пути, уверенно вели большие корабли вверх и вниз по Енисейскому плесу.

Долго еще говорили мы в тот день с лоцманами. Потом ездили к ним на «Дельту». Видели их библиотеку, видели их каюты, видели их учебники. Все они учатся. Такая у них работа, что в году только три—четыре месяца они заняты делом. А все остальное время учатся языкам, изучают новую, совершенную аппаратуру, изучают экономику—много чего изучают эти безусые ребята. Но зато когда к борту иностранного корабля подходит «Дельта» и двое молодых лоцманов становятся на мостике, капитаны иностранных кораблей, немало лоцманов повидавшие на своем веку, только диву даются: откуда берутся такие ребята, которые и на лоцманов-то как

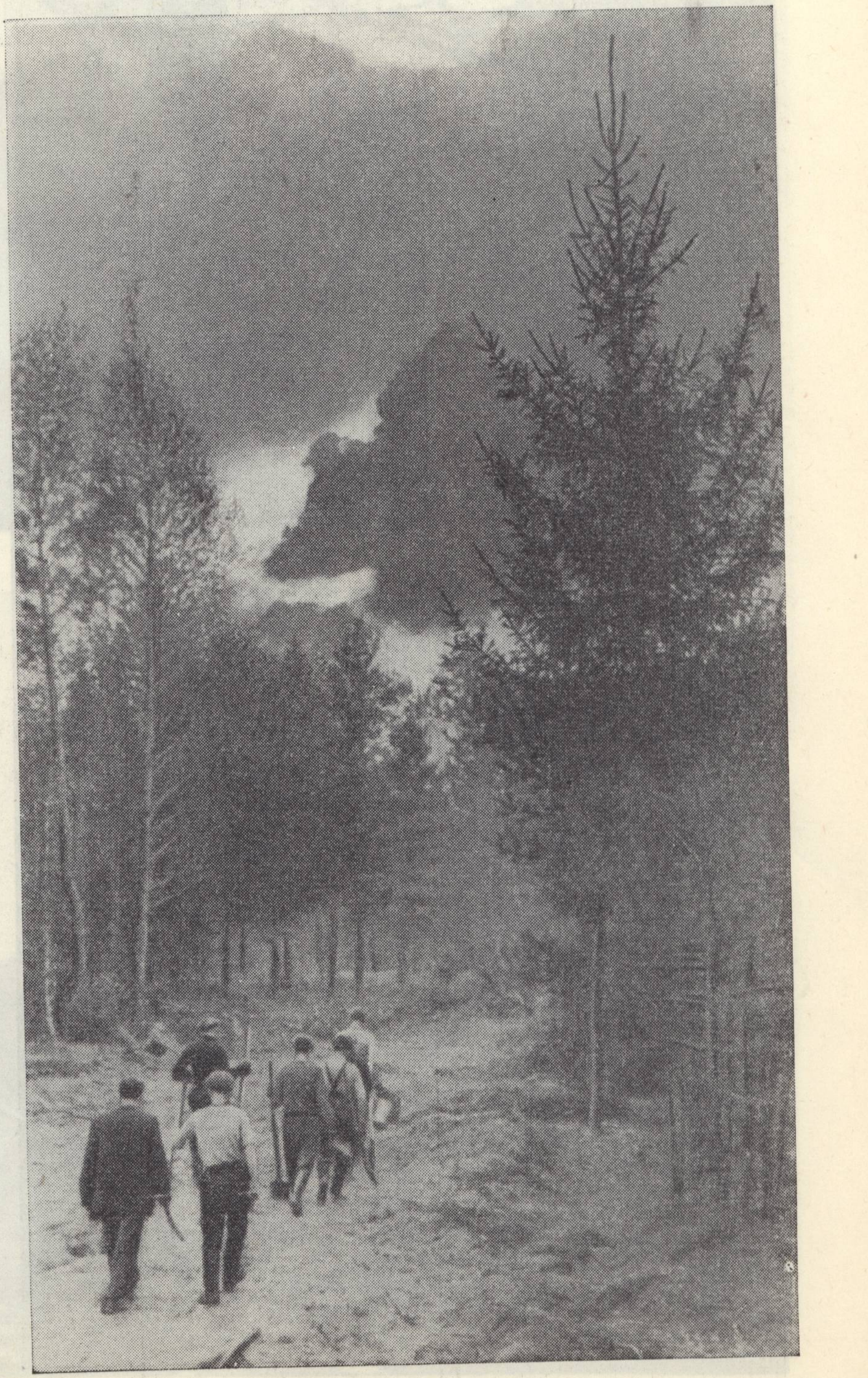
будто не похожи, а корабль ведут умело и на любой вопрос отвечают обстоятельно, словно не первый десяток лет занимаются этим делом?

Мы поздно расстались с лоцманами. Утром собрались было снова к ним, но «Дельта» подняла якорь и ушла вниз, к устью. А к вечеру и мы двинулись на север. У кромки льдов нас ждал ледокол...

А когда на обратном пути мы зашли в Игарку, там уже полным ходом кипела работа. Восемь больших иностранных кораблей набивали трюмы игарским лесом, а наши друзья, молодые лоцманы с «Дельты», одетые с иголочки, веселые и спокойные, гуляли по улицам заполярного города и ждали, когда погрузятся корабли, чтобы вывести их к морю.

Штурм тайги

Фотоочерк Юл. СЕМЕНОВА.

Тайга — это тысячекилометровое безмолвие, это непроходимые буреломы, это студеные, вспененные стремительным падением с горных круч реки, это малинники по склонам сопок — излюбленное место отдыха медведей.

Тайга — это сорокаградусные морозы, это двухметровые снега, которые глушат человеческий голос, ломают стволы берез. Это сорокаградусная жара, когда глаза разъедает пот и дышать трудно из-за лесных пожаров. Тайга — это весенние ливни, низвергающиеся с неба непроглядной белой стеной, это многоголосое пение птиц, это сумрак и свет, это зеленая держава, пройти из конца в конец которой невозможно...

Но если бы меня спросили, что же главное, определяющее тайгу сейчас, я бы ответил без колебаний: люди. И ни один, даже самый строгий, учитель географии не потребует иного определения, потому что это — самое правильное в наши дни...

С таежной могучей силой человеку сражаться очень

трудно. Но вопрос о том, нужно ли вообще сражаться с тайгой, ни у кого теперь не вызывает сомнения. Если и раньше, несколько лет тому назад, геологи — мужественные люди,— уходившие в тайгу по нехоженым тропам, продираясь сквозь цепкие заросли, переходя вброд через коварные реки, приносили из маршрутов все новые и новые образцы минералов и руд, то сейчас аэрогеофизическая разведка, разведка земли с самолетов, сообщила данные о неслыханных по богатству залежах полезных ископаемых в тайге между Абаканом и Тайшетом.

Значит, тайгу штурмовать надо. Но штурм может увенчаться успехом только в том случае, если штурмующих многие тысячи. Но как пройти в тайгу не одному, не десяти, а тысячам людей? Как забрать у тайги ее богатства? Для этого нужны дороги. Строить железную дорогу Абакан—Тайшет—дорогу через глухую тайгу, через отроги Восточных Саян, через бурный Кизир — трудное и опасное дело. Партия поручила его Ленинскому комсомолу.

Железная дорога эта имеет огромное значение не только потому, что к жизни будут вызваны сотни новых городов и поселков, не только потому, что у тайги будут взяты ее богатства, но и потому, что сталь и уголь Новокузнецка и Абакана пойдут к электростанциям и заводам Сибири: в Тайшет, Иркутск, Читу.

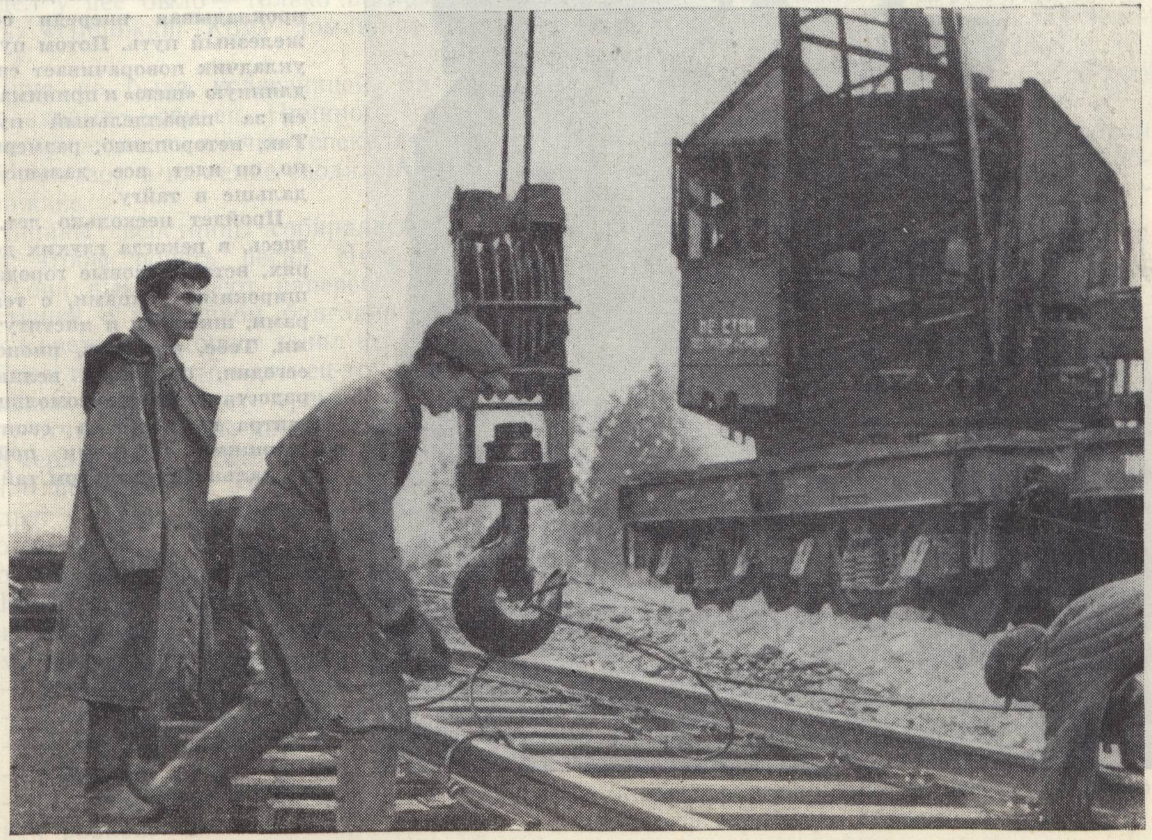

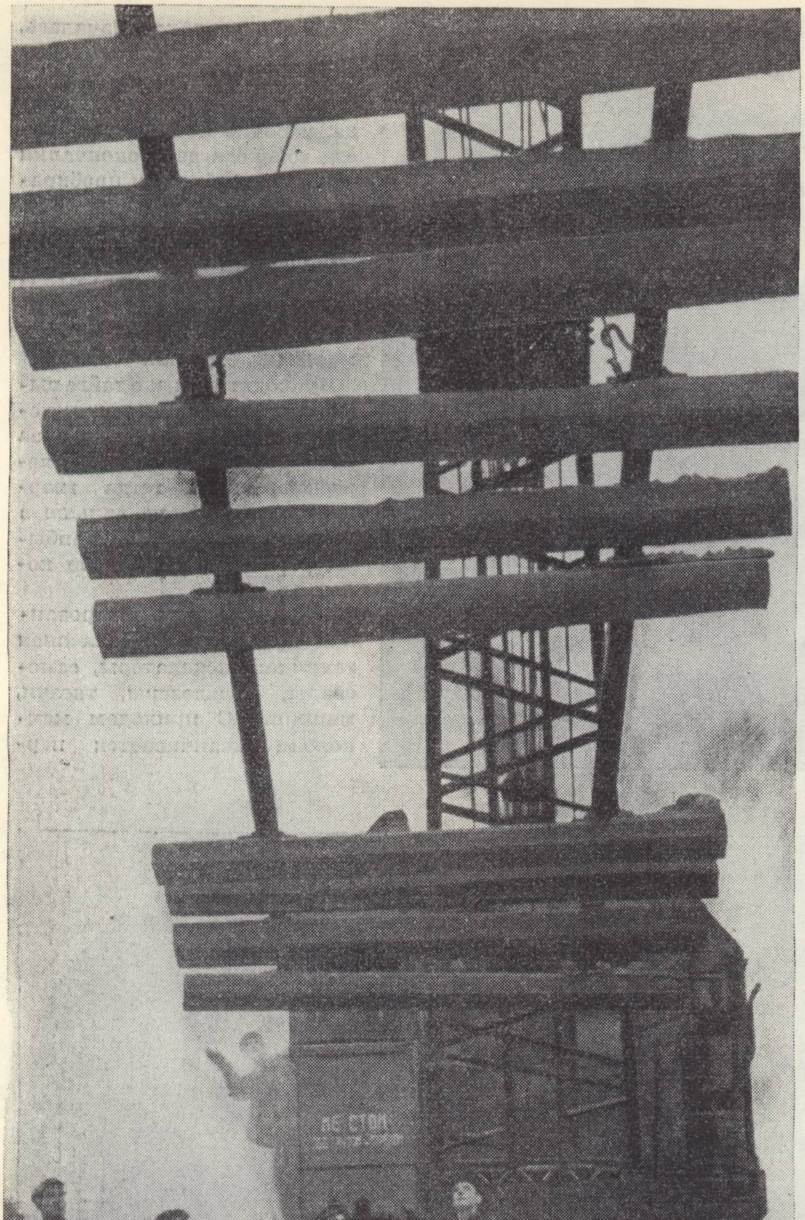

...Итак, стройка началась. Сначала в тайгу выходит СМП. СМП — это строительно-монтажный поезд. Правда, рабочие СМП видят поезд только в день окончания дороги. В тайгу они пробираются пешком. Рабочие СМП первыми принимают бой. Отчаянный бой с самыми суровыми силами природы. И поэтому их по праву называют гвардейцами комсомольской стройки.

Проходят дни, и в тайге вырастают дома. Людям, которые придут сюда следом за рабочими СМП, будет где перезимовать. И тогда гвардейцы двигаются дальше в тайгу, а на смену им прибывают механизированные колонны.

Что такое механизированная колонна? Это новейшая техника: экскаваторы, самосвалы, бульдозеры, тягачи, машины. С приходом мехколонн заканчивается пер-

вый этап стройки, когда главным орудием борьбы с тайгой был топор, пила, лопата. Теперь уже мехколонны рушат в тайге просеку, прокладывают автомобильную дорогу, расширяют дороги, проложенные СМП, делают насыпь для будущей железной дороги.

Мехколонны окончили свое дело. Следом за ними движутся путеукладчики. Работать путеукладчик начинает так. Сначала люди кладут на насыпь несколько шпал, на них — рельсы; с помощью экскаваторов устанавливают на этом крошечном участке огромную махину путеукладчика. Путеукладчик похож чем-то на огромную птицу со стальной шеей и клювом — краном. Клюв этот лихо подцепляет многотонный пролет, состоящий из десяти — пятнадцати шпал, и осторожно опускает его на насыпь перед собой. Рабочие соединяют этот пролет с тем, на котором стоит путеукладчик, и он движется дальше, прокладывая впереди себя железный путь. Потом путеукладчик поворачивает свою длинную «шею» и принимается за параллельный путь. Так, неторопливо, размеренно, он идет все дальше и дальше в тайгу.

Пройдет несколько лет, и здесь, в некогда глухих дебрях, встанут новые города с широкими улицами, с театрами, школами и институтами. Тебе, читатель, пионеру сегодня, предстоит великая радость стать комсомольцем завтра и вместе со своими старшими братьями пойти на дальнейший штурм тайги.

Как Нина стала комсомолкой

В. ОСИПОВ и Г. МАКСИМОВ

Она родилась и выросла в далеком таежном селе. Вокруг нее люди строили жизнь. Пролетали поезда в Красноярск, в Братск, на Ангарстрой. На вагонах алели лозунги: «Едем строить!», «На великие комсомольские стройки!». А сколько нового появилось в колхозе! Но для Нины все это оставалось чужим. Она не бегала вместе с подружками посмотреть новый трактор. И только что отстроенный клуб тоже был не для нее. На ближнюю к селу станцию с необыкновенным названием Зима ее сверстники часто приезжали из колхоза по делам и любили поговорить с проезжающими на стройку комсомольцами. Нина не вступала в разговоры. И дел у нее было — только погромче кричать: «Пирожки! Кому домашние пирожки...»

Нина не была колхозницей. За семьей Бурлаковых — семьей Нининого отчима — давно укрепилась кличка «спекулянты». Любой разговор в их семье сводился к рублям, к наживе.

Нинины сверстницы собирались по вечерам, чтобы попеть песни. Нина слышала, как они выкрикивают наперебой задорные частушки о нерадивом бригадире и о том, как Сережа-тракторист занял первое место в районе, и о том, что наконец-то есть в клубе пианино. А Нина в это время плела по приказу отчима корзины на продажу.

Умерла мать. Жить в семье спекулянта стало невыносимо. Уйти? Куда? Друзей и подруг у Нины не было. Отчим твердил ей, что на свете не бывает добрых людей, что своя рубашка ближе к телу...

Но в жизни оказались добрые люди. Нину привели в горком комсомола. Секретарь горкома внимательно выслушал ее.

— Ну, Бурлакова, поедешь на стройку?

— Мне все равно,— прошептала она.

— А не подведешь нас?

— Не знаю...

— Что же с тобой делать? Да не будь ты такой робкой!

Ей стало страшно. Неужели этот парень со строгим лицом и с хорошими, внимательными глазами отправит ее обратно?

— Я поеду! — выкрикнула она.— Я все буду делать! Увидите...

И вот она в Казахстане, в Темир-Тау. Еще в поезде ей сказали, что строящийся громадный металлургический комбинат — первый в Казахстане — назван Казахстанской Магниткой, по имени знаменитой стройки первых пятилеток. Позже она узнала, что над Казахстанской Магниткой шефствует комсомол всей страны.

После таежного села гигантская стройка оглушила Нину. Она почувствовала себя никчемной, лишней среди тысячи строителей, управляющих разнообразными умными машинами.

И, испугавшись, она пошла работать уборщицей в общежитие. Повязав голову платком по старинному, неизвестно каким образом сохранившемуся обычаю, так, чтобы никто не смог увидеть ее волос, Нина, когда все уходили на стройку, брала в руки ведро и швабру...

Она сторонилась своих соседок по комнате — шумных, независимых девушек, гордых своим званием «строитель Казахстанской Магнитки». С удивлением присматривалась к их жизни, трудной, но почетной, так непохожей на ее жизнь. Иногда завидовала им. Но тотчас отбрасывала это: «Нет, не по мне их работа».

Как-то начался буран. По радио передали строгий приказ: на работу не выходить. В общежитии стало необычно шумно и многолюдно. Лишь одна комната была пустой.

В коридоре Нина услышала разговор:

— Ленька-то задурил: вывел на объект всю свою бригаду.

— Но был же приказ...

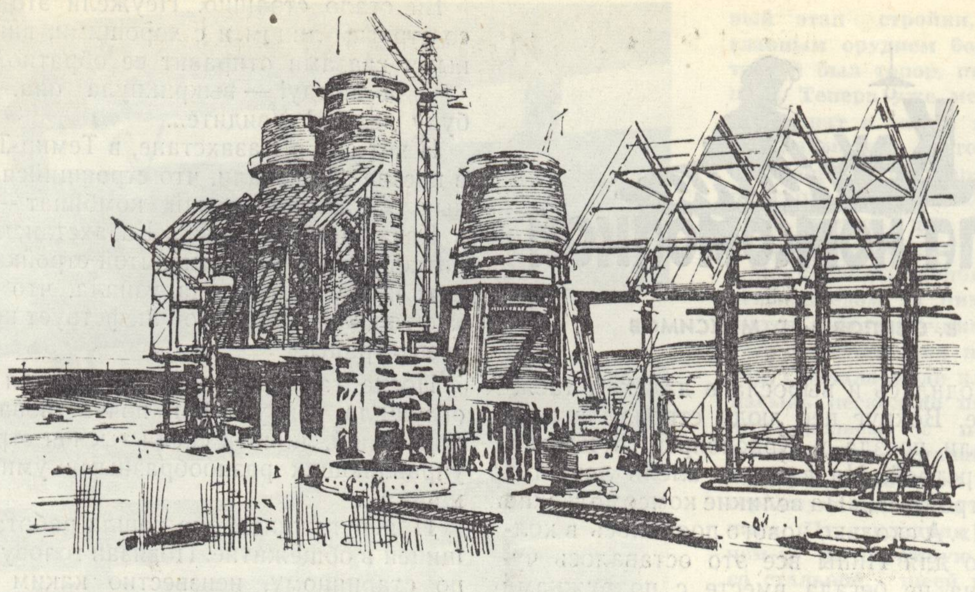
— А что ему приказ: его объект по плану послезавтра надо сдавать.

— Смелые ребята! В такую погоду...

Нина старалась понять: о ком это они? А, Зайцева дома нет! И всей его комсомольской бригады каменщиков. Нина уже входила в свою комнату, как услыхала: «Поесть бы им отнести, что ли...» Сердце Нины замерло от не изведанного еще никогда чувства тревоги за чужих людей. И она сказала:

— Я пойду.

Каменщики Зайцева обрадовались Нининому приходу, но не удивились. Ну, смело поступила девушка. Ну, по-товарищески... Смелость и товарищество здесь, на комсомольской стройке, в обычае.

Вот зарисовка строительной площадки Казахстанской Магнитки. Скоро начнут давать металл эти огромные домны, выстроенные руками комсомольцев.

Ели каменщики торопливо, и Нине казалось: еще не успели поесть как следует, когда Леонид, их комсорг и бригадир, сказал:

— Пошли, ребята. Нажмем еще немного.

И все вышли из сторожки навстречу бурану. Нина осталась одна. Тут, как никогда, до щемящей острой боли в груди она почувствовала, что снова она чужая. Что не дано ей такого счастья — «жать на план», строить и сдавать в срок дома... Но вот уже с улицы Зайцев крикнул:

— Эй, дивчина, идем, помоги нам!

И она пошла. Была уже ночь, когда уложили последние кирпичи. Всей бригадой зашли в тесную сторожку. Здесь было уютно, тепло. Ребята сняли ушанки. И, нарушая дедовский обычай, Нина сбросила платок. Тугая коса упала ей на плечо...

С непривычки у Нины ныли руки, но радость победы, радость неожиданно обретенного чувства товарищества, такого нового для нее, была сильней усталости.

...Нина шла не спеша, наслаждаясь ясным ранним утром. Буран утих. И еще никто не успел проложить следы на свежем снегу. Нина шла по улице первой.

Скрипнула дверь, пропуская ее в комнату общежития. Нина села у стола, задумавшись, посмотрела на спящих девушек. Тихонько, чтобы не разбудить, достала из тумбочки ручку и чернила, вырвала из чужой тетради листок. Впрочем, ручка тоже была чужая. До этого дня она писала всего два раза в месяц: когда выводила свою фамилию, получая зарплату...

От того ли, что стол был с буграми, от волнения ли, строчки на бумаге получились неровные: «Начальнику строительно-монтажного управления «Жилстрой». Заявление. Прошу принять меня...»

...Нина Бурлакова работает монтажницей в «Жилстрое». Вместе со всеми строит Темир-Тау. Мы увидели ее на стройке одного из домов. Она складывала стены из больших железобетонных блоков и дружески покрикивала на машиниста башенного крана, подающего блоки.

Нине было явно некогда и не до нас, корреспондентов. Но мы и не приставали к ней с расспросами. Мы видели, как ловко она работает. Мы видели комсомольский значок на ее груди. И мы поняли, что хотела она сказать короткой фразой: «Хорошо быть строителем!»

★

ЦЕЛИНА—ИМЯ ПОДВИГА!

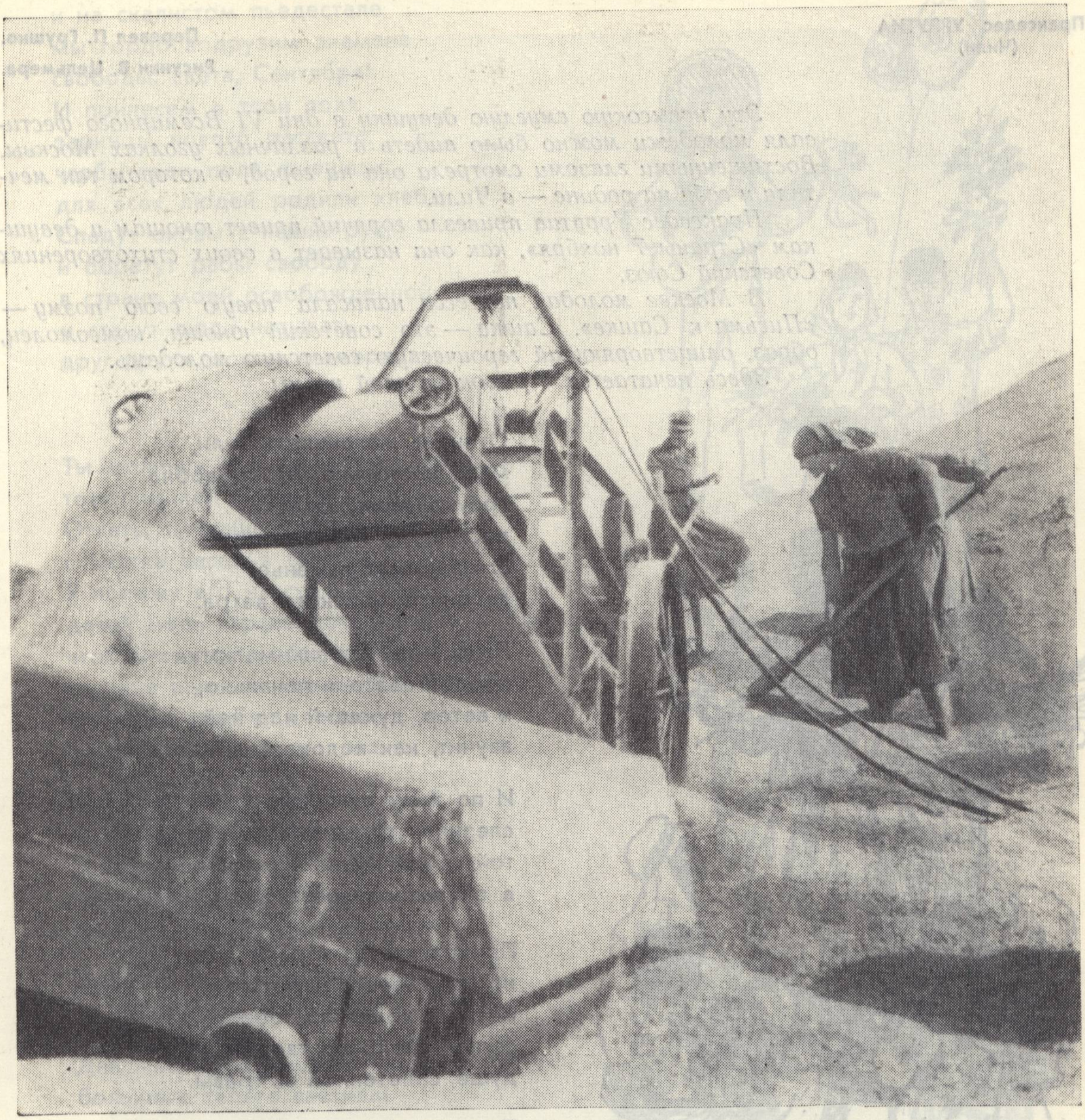

Фото О. Кнорринга.

Целина — имя подвига, а героев, которые его совершили,— миллионы. Это комсомольцы-новоселы, те, что разбудили безлюдные степи Алтая и Казахстана, провели первые борозды, вырастили первый урожай и построили совхозные поселки. Это юноши и девушки всей страны, рабочие и студенты, ленинградцы, украинцы и сибиряки. Они каждый год приезжают сюда трудиться в страдную пору уборки. Герой — весь комсомол.

Взгляните на фотографию. Вот оно, золото целины: горы зерна, тяжелого, крепкого, налитого соками плодородной земли! Это богатство создано руками комсомольцев.

Письма к Сашке

Пракседес УРРУТИА
(Чили)

Перевел П. Грушко.

Рисунки В. Цельмера.

Эту невысокую смуглую девушку в дни VI Всемирного фестиваля молодежи можно было видеть в различных уголках Москвы. Восхищенными глазами смотрела она на город, о котором так мечтала у себя на родине — в Чили.

Пракседес Уррутиа привезла горячий привет юношам и девушкам «Страны 7 ноября», как она называет в своих стихотворениях Советский Союз.

В Москве молодая поэтесса написала новую свою поэму — «Письма к Сашке». Сашка — это советский юноша, комсомолец, образ, олицетворяющий героическую советскую молодежь.

Здесь печатается отрывок из этой поэмы.

Отчизна маленькая, Чили,
мала настолько, что подобна
арауканскому цветку,
растущему над океаном.
Его баюкает дыханье
соленого морского ветра.

Лицо моей страны-малютки
продолговато и печально,
и ветер, дующий над ней,
звучит, как колокольный звон.

И по лицу ее текут
слезинки горькие из меди,
той самой меди, что звенит
в оковах раненого Чили.

Прекрасна ты, страна моя,
но дети твоего народа
босыми ходят по тебе,
ступая мягко по твоей
душе, сплетенной из травы.

Прекрасна ты и несравненна,
родная родина моя,
но озверевшие ловцы —
посланцы севера — поймали
ловушкой доллара тебя.

В его сетях трепещут, бьются
твои израненные крылья.
И смуглое твое лицо
в запекшихся кровавых пятнах.
Наполнен голодом твой рот,

и есть ли в мире горше горе,
чем горе плачущих зрачков?!
Но мы тебя освободим,
и на скалистом пьедестале
мы гордо водрузим знамена
свободы, света, Сентября!
И принесем в твои поля
зарницы нового рассвета,
чтобы твои поля пшеницы
для всех людей родили хлеб.
Спадут оковы с наших рук,
и обретут рабы свободу
в стране моей освобожденной,
и станут люди называть
друг друга словом «камарада».

* * *

Ты можешь мне прийти на помощь,
товарищ мой любимый, Сашка?
Ответь, ты дашь мне лепесток
с цветка веселья твоего?
Я положу его на губы
детей моей страны печальной,
чтоб снова дети обрели
веселье шумных хороводов
и чистую улыбку детства,
затерянную в море слез.

Дай мне светильник негасимый,
чтоб осветить чилийским детям
тропинки счастья и любви,
тропинки, по которым мягко
пройдут их маленькие ножки.

Дай мне одну лишь только складку
со знамени твоей борьбы!

Дай мне один лишь только луч
большого твоего светила!

КОМСОМОЛ В БОЯХ

В БЛИНДАЖЕ. Из серии «Сталинград». П. Любомудров.

НАРОДНЫЕ МСТИТЕЛИ. В. Гуторов.

И В ТРУДЕ

КОМСОМОЛЬЦЫ НА ТРАНСПОРТЕ.

В. Попков.

ЧЕТЫРЕ ДНЯ

Р. БЕРШАДСКИЙ **Рисунки П. Кирпичева.**

Этот рассказ о четырехдневной осаде тяжелого танка, которым командовал комсомолец старший лейтенант Митрофанов, я услышал на наблюдательном пункте танковой бригады из уст Николая Бовта — по-мальчишески бритоголового солдата с очень печальными глазами под начисто опаленными бровями. Бовт, стрелок-радист этого танка, приполз к нашему переднему краю с обожженным лицом, пробитой головой, с наганом в правой руке. В нагане сохранился только один патрон, и всем было ясно, как Бовт собирался распорядиться им. При всем том, однако, Бовт был неожиданно свежевыбрит.

Раны его, на вид весьма серьезные, на деле, к счастью, оказались не так мучительны, и потому он почти сразу сумел рассказать нам, что творилось последние четыре дня внутри осажденного танка. Рассказывая, Бовт старался главным образом не спутать последовательности событий и не упустить подробностей. Подробности сильнее всего жгли его память, и он, должно быть, очень боялся, что едва его отправят в госпиталь и передний край скроется из глаз, как они немедленно померкнут, расплывутся, и тогда уже никто не сможет восстановить картину последних часов сражения и гибели митрофановского экипажа. Друзья все еще стояли перед Бовтом, как живые.

Что происходило все эти четыре дня вне танка, снаружи его, мы знали и до появления Бовта. Четверо суток на наблюдательном пункте не сводили биноклей с тяжелого танка, застрявшего без движения в деревне, обороняемой гитлеровцами. Правда, в бинокль нельзя было различить, напоролся ли танк на мину или у него была сшиблена снарядом гусеница, но то, что подбита только машина, а экипаж цел, было известно: танк продолжал отстреливаться.

Все это мы наблюдали собственными глазами. Потом постепенно темп огня начал ослабевать. Вероятно, все туже становилось у экипажа с боеприпасами.

Тогда командир роты Белов, не дожидаясь общего наступления, отправился на выручку Митрофанова. Он нагрузил на броню своего танка ящики с боеприпасами и двинулся в путь. Но фашисты открыли по Белову огонь прямой наводкой. Ему грозила опасность взорваться от своих же снарядов на броне, и он не стал рисковать. Вернулся, сбросил ящики на землю и пошел вторично — уже без груза, только с одной целью: взять их на буксир.

Не удалось и это: танк Митрофанова за-

брался чуть ли не в самый центр вражеских позиций.

И все-таки мысль о выручке не покидала нас. К осажденному танку вызвались отправиться трое автоматчиков. Шел четвертый день осады. Командир бригады разрешил им вылазку. В это время уже и пушка митрофановская смолкла и пулеметы...

Но едва автоматчики уползли вперед, как к нашему переднему краю приполз обожженный Бовт. Узнав, что на помощь его экипажу только что отправились трое солдат, он заволновался:

— Поздно, товарищи! Сейчас же догоните ребят!

Кто сидел в это время на НП — встал, кто курил — перестал курить...

Автоматчиков удалось нагнать.

Бовт попросил пить. Ему принесли котелок воды — «самой холодной», как он просил. Он выпил его весь.

Отдышавшись, он рассказал о четырех днях осады.

Незадолго до атаки командирское место в машине занял заместитель командира роты старший лейтенант Митрофанов. Пашинин — командир танка — перебрался к орудию. Еще в танке находились Бовт, механик-водитель Хайбуллин и младший механик-водитель Котолонский. Весь экипаж был комсомольским.

В атаку танк ринулся по общему сигналу. Перед Митрофановым, чуть ниже его и упираясь плечами в его колени, сидел водитель Хайбуллин. Митрофанов, наметанным глазом выискивая проход среди бесчисленного количества мин, расставленных неприятелем по дороге, беспрерывно нажимал то на правое, то на левое плечо Хайбуллина, и машина послушно виляла.

Танк шел отлично. Он обогнал все остальные машины роты. Вот уже достиг вражеских траншей. Гитлеровцы забегали по ходам сообщения. Митрофанов попробовал докричаться до Хайбуллина, чтобы тот пустил танк вдоль траншеи, но танк уже перемахнул через нее.

Впрочем, Хайбуллин сам сообразил, что делать, и тяжелый «КВ» принялся утюжить ход сообщения. Бовт сосредоточенно бил из пулемета. Наверху, в башне, Пашинин в упор расстреливал дзоты из пушки. Котолонский еле успевал заряжать.

Один дзот все-таки не смолкал. Тогда Митрофанов направил машину на него. Хайбуллин прибавил газу, танк рванулся, круто полез вверх. Что-то под ним затрещало. Машина начала оседать, но в этот момент Хайбуллин снова дал газ, и она выкарабкалась из образовавшейся ямы. Последний дзот был уничтожен.

Танк прошел передний край противника насквозь, но пехота, шедшая следом, отстала.

Наступила ночь. Пора было поворачивать обратно. И вдруг под танком взорвалась мина...

В танке воцарилась тишина. Только мотор продолжал работать. Хайбуллин отер пот со лба, устало отвалился на спинку сиденья.

— Вот и приехали!

— Ну, это как сказать! — немедленно возразил ему Митрофанов и полез через верхний люк посмотреть, что случилось.

Но не успел он откинуть крышку люка, как в нее ударили разрывные пули. Танк был окружен.

Лишь перед рассветом удалось на несколько минут вылезти наружу, осмотреть повреждение. Лопнули гусеницы. Починить их под огнем было невозможно.

Вернувшись из этой разведки, Митрофанов включил электрическую лампочку, достал блокнот и что-то не спеша записал.

— Внимание! — обратился он к экипажу.— Пока есть свободное время, подведем итоги. Ввиду того, что газеты сегодня временно не получены, сводка со всех фронтов Отечественной войны ограничивается данными по одной машине — старшего лейтенанта Митрофанова. А у этого танка дела такие: дзотов уничтожено четыре, минометных батарей — одна, орудий — пять, пехотинцев — свыше роты. Из-за неисправности ходовой части танк превращен в стационарную крепость и продолжает нормальный огневой бой. Вопросы имеются?

Митрофанов ослепительно улыбнулся. Под лихими усиками блеснули ровные, великолепные зубы.

Вопросов не оказалось.

— Тогда сам дополню. На случай, если противнику все-таки удастся поджечь нас, мы роем под танком окоп. Понадобится — будем продолжать отбиваться оттуда. Ясно?

Через аварийный люк танкисты спустились под машину. Окоп рыли лопатками, ножами, топорами — всем, что только годилось для рытья. Трудно было с выброской земли: высунуться наружу означало немедленно получить пулю в лоб (пробовали высовывать лопату — пули пробивали ее тут же), пришлось утрамбовывать землю под днищем машины. Много земли втащили внутрь танка.

Гитлеровцы, заметив под танком непонятное движение, усилили огонь.

Внутри танка, когда он задраен и не на хо-

ду, тишина стоит исключительная. В такое время особенно звонко отдаются удары снарядов о броню. Но пробить броню обычный снаряд бессилен.

После очередного попадания снаряда в танк экипаж, по-кротовьи рывшийся внизу, сразу же слышал ответный выстрел из башни и вслед за тем веселый голос Пашинина, который дежурил у орудия и скучал без компании:

— Старший лейтенант, а ну, вытаскивай блокнот, записывай в сводку: еще один дзот накрыт!

К вечеру окоп был уже почти готов. И вдруг вверху раздался взрыв и одновременно неистовый вопль Пашинина:

— А-а-а!..

Первым вскочил в башню Котолонский. Он увидел раздробленную правую руку Пашинина, разбитый перископ.

Котолонский, еще не зная точно, что случилось, но сразу сообразив, что беда пришла снаружи, резко распахнул люк. Так и было: от танка прочь удирал фашист.

Котолонский выстрелил вдогонку. Фашист с ходу ткнулся в землю, вздрогнул и замер. Котолонский не поверил и всадил в распластанное тело еще одну пулю.

Пашинин ощупью нашел колено Котолонского и спросил:

— Попал?

Котолонский захлопнул люк, по которому зачастили разрывные, и нагнулся к Пашинину.

— Попал, он ведь совсем близко был. А как все это случилось, товарищ старший лейтенант?

— Поздно я его заметил! — ответил Пашинин.— Он, гад, уже на броню взобрался, хотел башню взорвать. Ну, что оставалось делать? Только что сунуть в него гранату. А она возьми да и взорвись на полпути!..

Пашинин обратил к Котолонскому лицо, которое сделалось сразу неузнаваемо строгим.

— Ничего не вижу, уж очень стукнуло сильно. Перевяжи руку, Котолонский, будь другом!

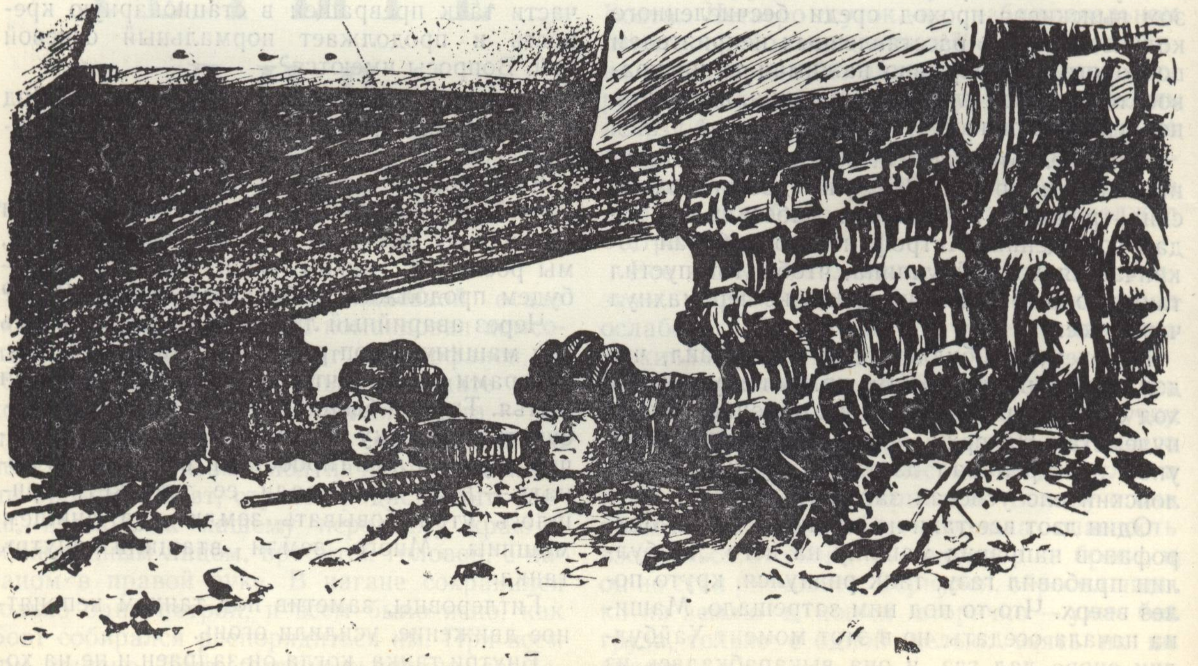
О том, что он ослеп, Пашинин не догадывался.

Ему промыли раны, не жалея воды, хотя ее оставалось ничтожно мало, перенесли на самое удобное место в танке — на водительское — и наложили плотную повязку на глаза.

— Мы вам совсем глаза завяжем,— догадался придумать Хайбуллин.— Так лучше будет, спокойнее...

Пашинин согласился беспрекословно: конечно, глаза надо беречь пуще всего!

К орудию сел Митрофанов. Прежде он наблюдал за окружением из-под днища тан-

ка. Теперь в панораму он увидел поле боя шире. Да, окружение было плотное... И хоть в этом заключалось серьезное преимущество для уничтожения вражеских огневых точек, гитлеровцам это давало преимущество еще большее...

Митрофанов не отрывался от окуляров и, едва заметив какое-либо движение у противника, стрелял. Попадал он точно.

Фашисты взбесились. Как смеет не сдаваться этот обреченный экипаж?! И снаряды все чаще стали бухать в броню танка.

К исходу дня боевой счет «КВ» достиг следующих цифр: пять уничтоженных дзотов, шесть орудий, пять пулеметов. Однако спустя несколько десятков минут после того, как Митрофанов занес эти новые итоги в свой блокнот и прокричал их вниз, в окоп, какое-то не замеченное раньше орудие противника со скрытой позиции угодило в башню тяжелым снарядом. Вышла из строя пушка танка, лопнуло противооткатное приспособление, вышли из строя и спаренные пулеметы. В закупоренной машине вспыхнул пожар.

К счастью, танк был полон сырой земли из окопа. Ею закидали пламя.

Наступила вторая ночь осады. Делать в башне больше было нечего. Митрофанов решил спуститься к остальным товарищам в окоп; его продолжали углублять, особенно напряженно работая ночью.

В танке оставался один Пашинин. После его ранения Митрофанов излагал ему все свои решения особенно подробно, чтобы Пашинин по-прежнему чувствовал себя командиром танка. Пашинин нашел все приказания Митрофанова правильными и только попросил, чтобы на всякий случай ему дали наган: ведь он остается наверху один. И добавил:

— А зарядить можешь одним патроном.

Действительно, патронов оставалось в обрез, да и наганов было всего четыре. Но Митрофанов без звука дал оружие Пашинину.

В окопе вполголоса, чтобы не услыхал Пашинин, обсудили: как быть, если гитлеровцы все-таки подожгут танк? Выход оставался один: Митрофанов и Бовт, как пулеметчики, двинутся вперед, на два неподавленных дзота, заставят их замолчать, а затем Хайбуллин и Котолонский бегом оттащат Пашинина.

— Но, конечно, это лишь на тот случай, если сюда по-прежнему не придут наши,— добавил Митрофанов.

И это не было сказано только для утешения. Никто из экипажа не сомневался, что не сегодня, так завтра, но немцев непременно выбьют из деревни.

Ночь прошла относительно спокойно. Гитлеровцы непрерывно освещали танк ракетами, однако штурмовать его все же не решались. Утром они подтащили противотанковую пушку. Впрочем, выстрелить из нее не пришлось. Три очереди из-под днища танка сделали свое дело, как надо: расчет пушки был выведен из строя полностью.

Настроение танкистов поднялось: гитлеровцы приумолкли. От одного лишь не было избавления — от жажды.

Вода оставалась только во флягах. А ведь надо было смачивать бинты на ранах Пашинина — бинты страшно присыхали — и надо было давать ему пить: он то и дело машинально облизывал сухие губы. Нельзя было видеть это спокойно.

К счастью, под вечер хлынул дождь. Вода в окоп стекала, смешанная с маслом, с горючим, грязная, желтая, но с радостью пили и такую.

Про запас наполнили водой всю посуду, даже пустые канистры. Затем в эту ночь по очереди выспались.

Утром Митрофанов подсчитал оставшиеся боеприпасы: четыре неполных пулеметных диска, девять гранат, двадцать пять револьверных патронов. Пришлось подпускать гитлеровцев ближе — метров на тридцать — двадцать пять, бить только наверняка.

А они пробовали покончить с танком по-всякому. Однажды Бовт заметил, как какой-то унтер ползком подтягивает к танку бачок с бензином. Первым выстрелом из нагана Бовт пригвоздил унтера, а вторым пробил бачок.

Экипаж не сводил глаз с наших позиций. Там стояла тишина. Но что она скрывала? Вовсе ли прекратили наши части наступление или готовятся к новому удару? Как узнать это? И удастся ли вообще узнать?..

Хайбуллин принялся перечитывать письмо, которое получил перед самой атакой. До сих пор отвечать было некогда. Ответить, что ли, сейчас? Вот было бы интересно, если бы ответ все-таки ушел по назначению!

Но ответ не клеился, сколько Хайбуллин ни старался.

Почувствовав, что Пашинину стало хуже, Хайбуллин спешно спустился к Митрофанову под танк доложить, что сталось с командиром. Но Митрофанов — и это увидели все — не нашел, что ответить Хайбуллину. На секунду установилось полное молчание, а затем каждый снова принялся за свое дело так, словно и не прерывал его.

Хайбуллин полез в карман за курительной бумажкой. Случайно под руку попалось неоконченное письмо. Он аккуратно сложил его и порвал. Раз, второй!

И тогда Митрофанов вдруг сердито произнес:

— Безобразие, товарищ механик-водитель! Заросли, как Мельник из оперы «Русалка», и смеете являться в таком виде на глаза командиру! Кто вам разрешил бороду запускать?! А вы, Бовт, почему молчите? Фамилия украинская — должны петь! Сейчас же! Ну!

Через десять минут экипаж уже закончил бритье, и из-под днища танка потекла по направлению к вражеским дзотам легкая, задушевная песня. Бовту захотелось спеть песню, тихую, ласковую: пусть не думают вражины, что одолели советских танкистов.

Фашисты застрочили по машине так яростно, как ни разу раньше. Но тем громче неслась песня. А когда кончили одну, затянули другую. Если бы не Пашинин, который попросил, чтобы перестали (пение почему-то усиливало боли в голове), ни за что бы не бросили.

И все-таки развязка наступила. Она наступила ночью.

Гитлеровцы на этот раз не освещали танк ракетами. Наоборот, под прикрытием темноты они подтянули противотанковую пушку. А затем сразу со всех сторон над «КВ» взлетели белые ракеты на парашютах и ярко осветили его.

Весь экипаж, кроме Пашинина, находился в это время в окопе.

Противотанковая пушка выстрелила в упор. Снаряд пробил башню, танк загорелся. В окоп потекло пылающее горючее. Правда, его было немного. Митрофанов и Бовт принялись бить по расчету пушки, но это уже не меняло положения.

В танке что-то срывалось с мест, перекатывалось, грохотало. Чуть слышным из-за этого шума показался звук одиночного выстрела из нагана, донесшийся сверху. Однако Митрофанов, как уколотый, встрепенулся от этого звука и увидел, что и Бовт как будто продолжает ловить эхо негромкого выстрела...

В этот момент Бовта чем-то стукнуло по голове, и он свалился. Потом ему туманно, как в бреду, чудилось, что близ танка рвутся гранаты, строчат пулеметы. А когда прекратили стрелять, стало невероятно трудно дышать.

Когда Бовт очнулся, танк над ним еще горел. Три его товарища лежали на дне окопа. Он поочередно дотянулся рукой до каждого. Все трое уже похолодели... На груди его лежали тяжелые ноги одного из них — чьи, он не разобрал. Он еле высвободился из-под них и полез наверх.

Гитлеровцев вокруг почему-то не было. Сначала он удивился: почему? А потом понял: должно быть, решили, что с экипажем и так все кончено.

Бовт приполз к нашему переднему краю, когда было уже совсем светло. Он рассказал историю осады подробно и обстоятельно; он даже отказался уйти на медпункт, прежде чем отчитается во всех деталях. И только когда он кончил, стало видно, чего ему это стоит и какую сверхчеловеческую усталость он сумел преодолеть.

— Вы еще, товарищ капитан, данные запишите,— обратился он к командиру роты Белову.— Данные у нашего экипажа до гибели такие были: десять дзотов уничтожили, восемь орудий, одну минометную батарею, девять пулеметов, свыше роты живой силы фашистов. Записали?

— Пишу,— ответил Белов.

Бовт внимательно смотрел на записную книжку Белова. Затем, словно отвечая самому себе на какую-то навязчивую мысль, тихо произнес:

— Ну точно, как у старшего лейтенанта Митрофанова, у вас блокнот. До того похож — прямо кажется, опять в него сам Митрофанов пишет...

Белов не удивился: конечно, у Митрофанова была такая же блок-книжка — обычная блок-книжка командира нашей армии, которой и он пользовался.

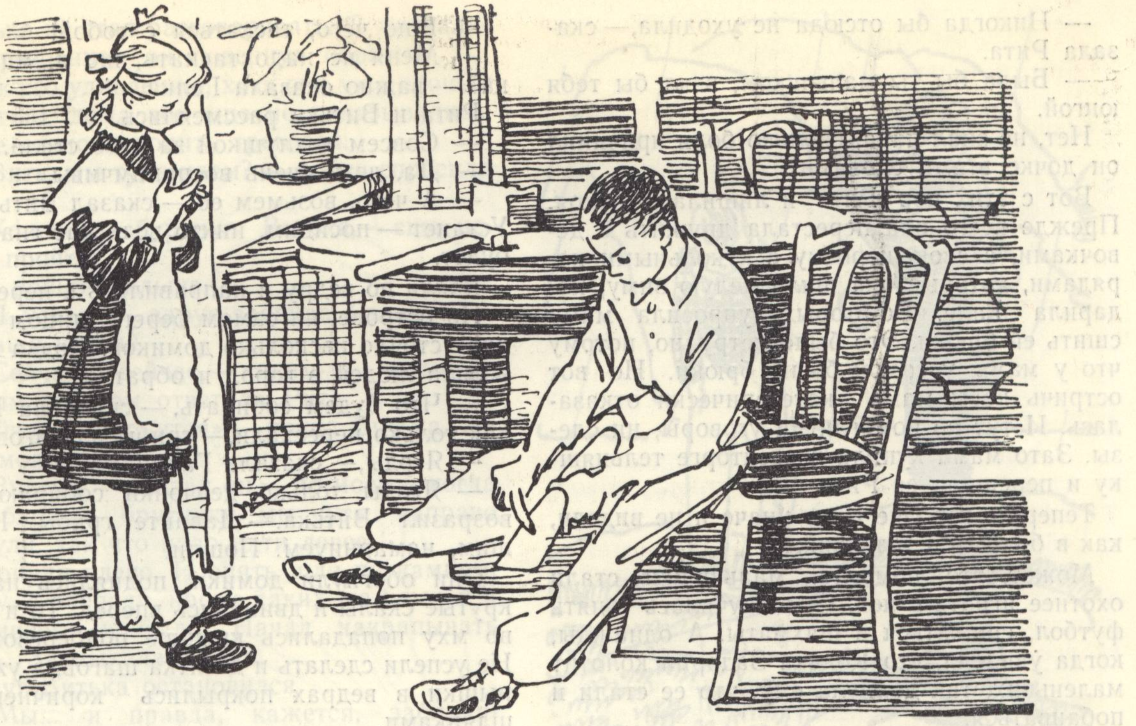
А на другой день мы услышали переданные Бовтом цифры снова, в сводке Совинформбюро. Дела комсомольского экипажа продолжали жить.

БЫЛЫЕ ПОХОДЫ. А. Бородин.

ЗА ПОМОЩЬЮ К ПАРТИЗАНАМ. В. Жолток

ДЕВЧОНКА

Рассказ Анны АКСЕНОВОЙ.

Рисунки Н. Цейтлина.

Рита живет в маленьком заполярном городке. Живет она там с мамой, папой и маленькой сестрой Галей. И все было бы хорошо в Ритиной жизни, если бы не одно обстоятельство: Рита хотела быть мальчиком.

Собственно, сначала ей неплохо жилось и девочкой. Она росла, играла с подругами в куклы, помогала маме по хозяйству и даже научилась сама заплетать косы.

Но потом появился в квартире Витька. Казалось бы, отчего им не подружиться? Тем более, они ровесники, учатся в одной школе и зимой, когда на улице пурга и нельзя выйти из дому, играть больше не с кем. Но Витька презрительно цыкал «девчонка» и целыми днями или читал или строгал что-то, не подпуская к себе Риту. И вообще все на свете дела он разделял на «девчоночьи» и «недевчоночьи».

Можно, конечно, жить и не обращать на это внимания. Может, так и было бы, если бы однажды папа не взял Риту к себе в гости на корабль.

Ритин папа — моряк. И не просто моряк, а военный, командир корабля. Когда Рита с папой пришли на пирс и папа показал ей свой корабль, у Риты крепко сжалось горло. А подымаясь по деревянному трапу, она поняла, что ничего ей другого не надо, как только всю жизнь подходить к «своему» кораблю, подыматься по трапу и отправляться в далекое плавание.

По узкому коридору прошли в кают-компанию. Там стояли длинный стол, пианино, на стенах висели картины. На самом видном месте — портрет молодого моряка в траурной рамке и с кортиком под ним.

— Кто это? — спросила Рита.

— Командир корабля, погиб во время войны, — ответил папа.

В папиной каюте койка, туго затянутая серым одеялом, привинченный к полу стол, круглый табурет. Стены обшиты деревянными панелями. В открытый иллюминатор долетают брызги.

— Никогда бы отсюда не уходила,— сказала Рита.

— Была бы ты мальчиком, взял бы тебя юнгой.

Нет, не знал папа, сколько боли причинил он дочке этими словами!

Вот с этих пор Рита и лишилась покоя. Прежде всего она перестала дружить с девочками, а свою коробку с кукольными нарядами, которые она шила целую зиму, подарила Гале. Во-вторых, упросила маму сшить ей брюки. Это было нетрудно, потому что у мамы у самой были брюки. Но вот остричь косы мама категорически отказалась. И тут не помогли ни уговоры, ни слезы. Зато мама купила в военторге тельняшку и перешила ее Рите.

Теперь в городке Риту иначе и не видели, как в брюках и тельняшке.

Может, это помогло: мальчишки стали охотнее играть с ней. Она научилась гонять футбол, сражаться в шахматы. А однажды, когда увидела, что Колька Задорин колотит маленьких, так двинула ему, что ее стали и побаиваться.

Когда папа вернулся из похода, он долго смотрел на Риту.

— Заправский мальчишка из тебя бы вышел! — И почему-то вздохнул.

На лето Рита с мамой и Галей уехали на Украину. Вернулись они уже в конце августа. Витька сразу же выложил целый ворох новостей: на острове уже собирают грибы, Генкин отец поймал вот такущую семгу, а Кольке Задорину купили фотоаппарат, и он теперь всех снимает.

— Подумаешь! — сказала Рита.— А я хочу в мореходную школу поступать.

— Ха-ха! — ответил Витька.— Кто это тебя примет?

— А вот смотри.— Рита вытащила из чемодана два белых флажка и начала ими размахивать.— Понял?

— Чего понимать-то? Помахала туда-сюда, а я понимай!

— «Помахала»! Я «здравствуй, Витька» написала,— стала объяснять Рита.

Витька только насмешливо свистнул и убежал. Но тут же вернулся, чтобы сказать:

— Эх, ты, моряк с разбитого корыта!

На другой день Ритина мама и Витькина уехали в Мурманск. Рита, Галя и Витька остались дома одни.

— Поедем на остров за грибами,— предложил Витька.

— А Галка?

— Я тоже поеду,— сказала Галка.

— Еще чего, таскаться с тобой!

— Меня не надо таскать, шо я, маленька? — важно сказала Галка.

Рита и Витька рассмеялись.

— Совсем хохлушкой за лето стала.

— Да, дети очень восприимчивы.

— А чего, возьмем ее!— сказал Витька.— Устанет — посидим, никто ведь нас гнать не будет.

Взяли по ведру и направились к перевозу.

На острове, на самом берегу, лицом к городу стояло несколько домиков. Лодка перевозила людей в город и обратно.

— Что будем собирать,— спросила Рита, как только переехали,— грибы или ягоды?

— Ягоды,— сказала Галинка.

— Ягоды только девчонки собирают, — возразил Витька.— Давайте грибы. Насушим, намаринуем. Пошли!

Они обогнули домики, поднялись на некрутые скалы и двинулись вперед. То и дело во мху попадались крепкие подберезовики. Не успели сделать и десятка шагов, а уж донышки в ведрах покрылись коричневыми шляпками.

— Этак мы за час насобираем, и делать будет нечего,— сказал Витька.— Давайте, правда, пока ягод поедим, а обратно пойдем, наберем грибов.

Ягоды не грибы. Грибы сегодня собрал,— завтра снова иди собирай. А ягоды сорвал — и нет их. Видно, ягоды уже здесь обобрали, надо было идти искать. Поставили ведра и пошли в глубь острова.

Набрели на бруснику, стали горстями собирать — и в рот. А немного дальше так целые озера брусники нашли, как будто кто ее из мешка рассыпал.

Только Галка и говорит:

— А я не хочу брусники: она кислая. Я люблю чернику.

— Да ее, наверное, уже нет.

— Нет, есть,— сунулся Витька,— вчера сам видел: продавали у моста.

Пошли искать чернику. Шли, шли.

— Как бы нам не заблудиться,— говорит Рита,— домов-то уже не видно.

— Чего там заблудиться! — отвечает Витька.

— И погода изменилась, гляди, дождь пойдет.

— Эх, ты! — сплюнул Витька.— Знал бы, не брал. Свяжись с девчонками — наплачешься.

Этого Рита не могла вынести.

— Дурак! — сказала она.— Не понимаешь, что с нами маленький ребенок.

Витька не стал разговаривать. С молчаливым презрением он повернул обратно.

Но, к его удивлению, хотя они уже прошли порядочно, дома все еще не показывались. Сердце стало холодить тревогой.

— Вить, мы туда идем? — робко спросила Рита.

— Конечно,— буркнул Витька,— еще немного пройти.

Они пошли дальше.

— Я устала,— вдруг заявила Галинка. — Где наши ведра?

— Сейчас, сейчас,— каким-то подозрительным голосом ответила Рита.

«Сейчас разнюнится»,— понял Витька. Но Рита молчала.

— Знаешь,— сказал он,— по-моему, когда мы собирали бруснику, мы чуть направо свернули, так что надо идти левее.

Свернули влево. И опять шли по камням, по мху, а впереди, кроме таких же камней и мха, ничего не было. Начал накрапывать дождь. Захныкала Галка.

Вдруг Витька остановился.

— Мы... и правда, кажется, заблудились,— жалобно сказал он.

— Что же нам делать? — растерянно спросила Рита.

— Не знаю.

Галка захныкала громче.

— Перестань!— сказала Рита.— Мы вот что. Мы пойдем все прямо и прямо, пока не выйдем к морю. А потом будем идти над морем и в конце концов выйдем к домам.

— Да-а, а когда выйдем?

— Остров не такой уж большой. Идемте. Она присела на корточки перед Галинкой:

— Садись.

Галка привычно устроилась у Риты на спине. Рита поднялась и зашагала вперед. Витька за ней.

Мелко сыпался дождик.

— Холодно,— сказала Галка.

— Нет, это тебе кажется,— ответила Рита.— Совсем тепло. Давай песню петь.

— Какую песню?— загнусавила Галка.

— До чего же хорошо кругом,

Мы друзей веселых в лагере найдем... — запела Рита.

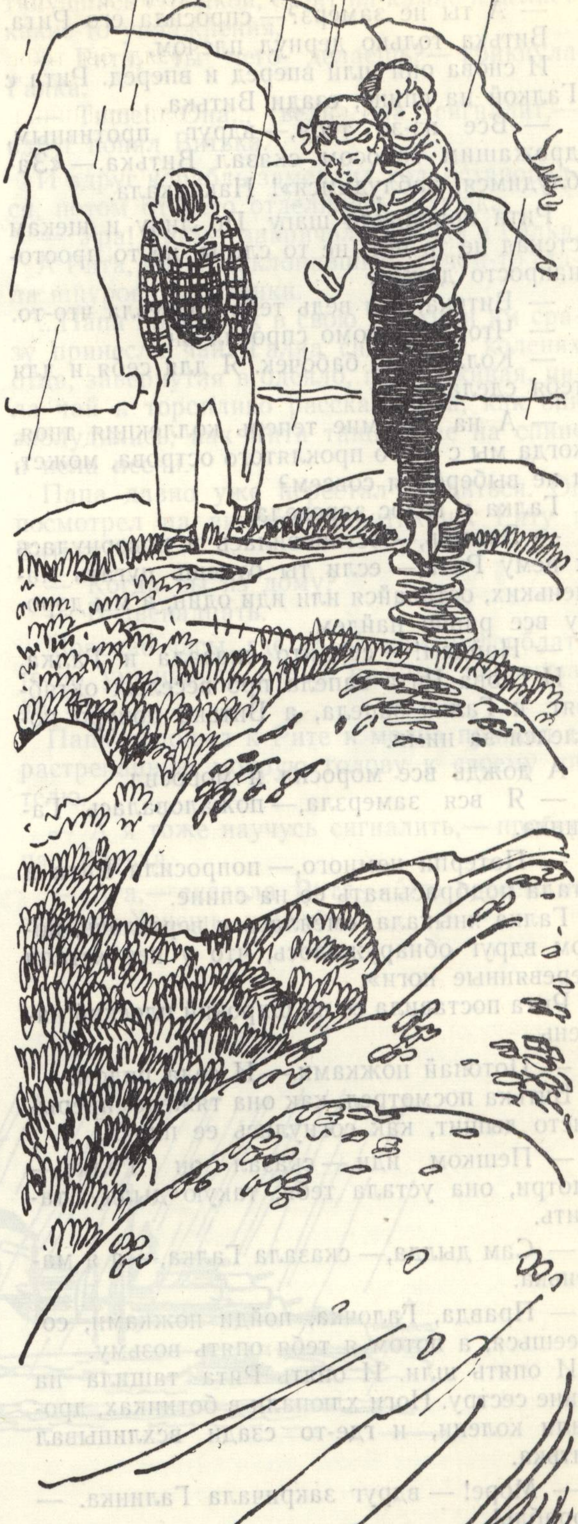
Эту песню Галка любила. Спели ее, потом запели про октябрят.

— Рит,— позвал Витька.— Скоро?

— Скоро. Я уже чувствую запах моря. Только отдохнем немного.

Она присела, спустила Галку на землю.

— Давай греться. Боксом. А ну, раз, два!— И начала тормошить сестренку.

Витька стоял и смотрел в сторону.

— А ты не замерз? — спросила его Рита.

Витька только дернул плечом.

И снова они шли вперед и вперед. Рита с Галкой на спине, сзади Витька.

Все из-за тебя, — вдруг противным, дрожащим голосом сказал Витька. — «Заблудимся, заблудимся»! Накаркала.

Рита прибавила шагу. По лицу и щекам стекал не то пот, не то слезы, не то просто-напросто дождь.

— Витька, а я ведь тебе привезла что-то.

— Что? — угрюмо спросил он.

— Коллекцию бабочек. Я для себя и для тебя сделала.

— А на кой мне теперь коллекция твоя, когда мы с этого проклятого острова, может, и не выберемся совсем?

Галка в голос заревела.

— Знаешь, — остановилась и повернулась к нему Рита, — если ты будешь пугать маленьких, оставайся или иди один, а мы дорогу все равно найдем.

— Найдем! — сердито сказала и Галка.

И снова Рита запела про веселых октябрят, и Галка запела, а Витька понуро поплелся за ними.

А дождь все моросил и моросил.

— Я вся замерзла, — пожаловалась Галинка.

— Потерпи немного, — попросила Рита и стала подбрасывать ее на спине.

Галка хныкала, смеялась и вертелась, потом вдруг обнаружилось, что у нее «стали деревянные ноги».

Рита поставила ее на широкий плоский камень.

— Потопай ножками. — И села рядом.

Витька посмотрел, как она тяжело, прерывисто дышит, как согнулись ее плечи.

— Пешком иди, — сказал он Галке, — смотри, она устала тебя, такую дылду, тащить.

— Сам дылда, — сказала Галка, — а я мале́нька.

— Правда, Галочка, пойди ножками, согреешься, а потом я тебя опять возьму.

И опять шли. И опять Рита тащила на спине сестру. Ноги хлюпали в ботинках, дрожали колени, и где-то сзади всхлипывал Витька.

— Море! — вдруг закричала Галинка. — Корабль!

Наконец-то вышли к морю. Сквозь сетку дождя вдалеке шел корабль. Счастливые! Через полчаса будут дома. И мама, навер-

ное, уже приехала, волнуется, а им еще идти и идти. Рита прикусила губу.

— Ну, пошли,— сурово сказала она.

Она шла и оглядывалась на корабль. Может, там папа. Идет и не знает, как плохо приходится сейчас его дочкам. Корабль все ближе и ближе, вот уже можно различить, что кто-то стоит на мостике, даже цифры видны.

И вдруг Рита остановилась так внезапно, что Галка стукнулась подбородком о ее затылок. Это же папин корабль!

Она стояла и смотрела на проплывающий мимо корабль. Так бы и крикнуть! Да разве кто услышит. «Папа»,— неслышно шевелились губы.

А что, если...

В одно мгновение Галка оказалась на земле, с головы слетела белая косынка.

— Витька, платок, скорее!

Витька, не понимая, смотрел на Риту, а она не сводила глаз с удаляющегося корабля.

— Да скорее же ты!

Витька протянул ей замызганную тряпку.

— Отойдите,— скомандовала Рита.

Она взяла в одну руку косынку, в другую платок и, вскочив на камень, начала резко размахивать руками. Она подымала, опускала то одну руку, то другую, то обе вместе.

А Витька и Галка стояли в стороне и с недоумением смотрели, как девочка с косичками, в брюках, перешитых из отцовских, вытянувшись стрелкой, стоит на камне и делает какие-то упражнения.

— Рита, ты чего делаешь?— крикнула Галка.

— Тише! Она... ведь она сигналит,— вдруг понял Витька.

И вдруг корабль замедлил ход, остановился, потом от него отделилась шлюпка.

— Ура! Ура! — закричали Витька и Галка.

А Рита, низко наклонившись, зачем-то стала шнуровать ботинки.

...Папа провел их в свою каюту, и им сразу принесли чай. Галка сидела на коленях отца, завернутая в одеяло, причмокивая, пила чай и торопливо рассказывала, как они заблудились, как Рита тащила ее на спине и пела песни.

Папа давно уже перестал сердиться. Он посмотрел на виновато притихших Риту и Витьку.

— Когда вы из дому?

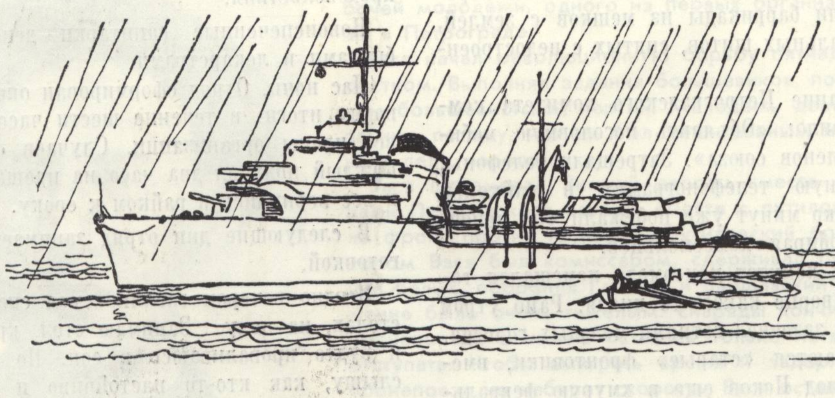
— В двенадцать.

Морские часы, где на черном циферблате тесно умещались белые цифры, показывали 18.

Папа подошел к Рите и молча прижал ее растрепанную мокрую голову к своему кителю.

— А я тоже научусь сигналить,— пробурчал Витька.

— Ага,— сказала Рита.— Это совсем нетрудно. Хочешь, научу?

ПАМЯТНЫЕ ГОДЫ

А. ДОРОХОВ

Враг у ворот

...Маленький розовый квадратик бумаги: какой-то старый пригласительный билет на доклад. Поверх его текста — печать райкома комсомола, а на обороте — короткий приказ, написанный прямо от руки: «Предлагается вам немедленно явиться в район. Революционная тройка».

Так быстро и просто проводилась в девятнадцатом году мобилизация комсомольцев на фронт. Белые армии генерала Юденича, получив подкрепления из-за границы, двинулись на Петроград. За несколько дней были заняты Ямбург и Гдов, передовые части противника быстро приближались к Гатчине.

Пустынный, темный Петроград покрылся окопами, ощетинился колючей проволокой. На перекрестках выросли баррикады из мешков с землей, блиндажи из стальных щитов, снятых с недостроенных кораблей...

Ночное заседание Петроградского комитета комсомола постановило: «Объявить поголовную мобилизацию всех членов союза». Затрещали телефоны, передавая срочную телефонограмму в райкомы. И через несколько минут уже побежали «по цепочке» связные, собирая комсомольцев.

Петроградский комитет комсомола помещался тогда в бывшем дворце какого-то князя. Рано утром просторный двор зазвенел сотнями молодых голосов. Радостно встречаются «старые» фронтовики, вместе уходившие под Псков еще в хмурую февральскую ночь 1918 года. Тогда германские войска были отбиты, и ребята вернулись к оставленным станкам.

В комнате шумно. Но это не мешает секретарю Петроградского комитета Коле Фокину, назначенному адъютантом отряда, задремать, уютно свернувшись клубком в глубоком кожаном кресле. Бедняга не спал ни минуты за эти две ночи.

В комнату вбегает организатор района. На нем уже полная походная форма, в кобуре наган, за поясом граната.

— Согласно телефонограмме,— рапортует он с ходу, не замечая, что Фокин спит,— прибыли в ваше распоряжение... Райком в полном составе... Исправный пулемет, патроны...

— Ну и хорошо,— раздается совершенно спокойный и ясный голос Фокина,— и шуметь здесь нечего. Спустишься в подвал к Петрову и дашь заявку на обмундирование.

Поняв, что поспать уже не удастся, Фокин садится к столу. Прикусив кончик языка, он начинает старательно выводить: «Приказ по сводно-боевому отряду Питерского комсомола №...».

Рядом заседает боевая тройка. Нешуточное дело — за сутки сформировать боевой отряд. Одних отправляют добывать обмундирование, других — за оружием... Самые дотошные брошены на поиски продовольствия.

Новоиспеченные санитарки деловито возятся с бинтами и лекарствами.

Час ночи. Отряд сформирован окончательно. Подводим итоги: в течение шести часов мобилизованы все члены организации. Случаев отказа не было. Каждый получал два часа на прощание с родными, и все вернулись в райком к сроку.

В следующие дни отряд занимается боевой подготовкой.

Поздно вечером заваливаемся спать в штабе, на столах, на полу... Занимаю стол, крайний к двери, и будто проваливаюсь в сон. Но вот сквозь сон слышу, как кто-то настойчиво и упорно дергает меня за ногу:

— Ну, вставай! Вставай же, черт возьми!

Я открываю глаза.

— Телефонограмма из Смольного. Под Пулковом совсем плохо, возможно, к утру город начнут эвакуировать...

Открываю дверь в комнату тройки. Там уже идет совещание. Говорит член бюро, только что приехавший из Смольного:

— На нас возлагается задача: в случае, если враги прорвутся в город, задержать противника у Нарвских ворот... Драться до последнего патрона, пока не уйдут все поезда в Москву... Актив перейдет на нелегальное положение, понятно, кто останется жив...

Откуда-то издалека уже доносятся приглушенные расстоянием пушечные выстрелы. Идут жестокие бои на последних подступах к городу. Мутное октябрьское небо над потемневшей, мрачной Невой озаряют вспышки, словно дальние зарницы.

Времени терять нельзя. Начинаем сжигать списки членов организации. Пламя в огромном камине озаряет лица красными отблесками, пожирая карточки и листки.

— А трудно будет тому историку, которому придется о нас писать,— усмехается кто-то.

— Ничего, были бы мы, а история будет...

Светает... Наконец-то! Горнист трубит тревогу. Торопливо застегивая шинели, затягивая на ходу пояса, выбегают на двор бойцы...

Несколько напутственных слов — и, четко отбивая ногу, отряд выливается колышущейся лентой из ворот дворца. Вот первые ряды скрылись за углом. Оттуда доносится голос запевалы:

Слышишь, рабочий, война началася,
Бросай свое дело, в поход собирайся!

Комсомольцы идут защищать город Революции...

...На исходе этой тревожной ночи красные войска остановили врага у самого Петрограда, а затем перешли в наступление. В ряды наступающих красных частей влился наш отряд. И сразу же вступил в бой.

Рота самокатчиков потеряла в кровопролитных боях половину своего состава, но не было случая, чтобы бойцы-комсомольцы не выполнили задачи. Наш товарищ, комсомолец Сорокин, окруженный врагами, отстреливался до последнего патрона. С возгласом «Да здравствует Революция!» он застрелился на глазах врага. Он умер, но не сдался в плен. Другой комсомолец, Архангельский, погиб, взрывая мост на виду у противника.

С винтовками и гранатами бросались ребята на белогвардейские танки и броневики, и оторопелый экипаж поднимал руки, сдаваясь шестнадцатилетним подросткам. С отчаянным криком: «Даешь Юденича!»—поднимались комсомольцы в атаку— и враг отходил, не в силах сдержать их порыв.

Наступление красных неудержимо развивалось, и вскоре белогвардейские армии были выброшены с советской земли.

ДОКУМЕНТЫ О КОМСОМОЛЕ

Это портрет Васи Алексеева, рабочего парня, вожака рабочей молодежи, одного из первых организаторов комсомола в Петрограде.

Вася начал революционную борьбу пятнадцатилетним подростком. Выполнял задания большевиков, потом сам стал членом большевистской партии. Молодежь доверяла ему и шла за ним потому, что он был решительным и умным, преданным делу народа.

Вася штурмовал Зимний дворец вместе с красногвардейцами Путиловского завода, вместе с путиловцами ушел он и на фронт против Юденича. Путиловский бронепоезд, на котором Вася был комиссаром, сдерживал бешеное наступление белых, обороняя Гатчину и Варшавский вокзал. Но положение было очень тяжелым: снаряды кончились, из экипажа бронепоезда в живых осталось только четверо. Надо было отступать. Чтобы выиграть время и задержать белых, пока бронепоезд не наберет скорость, Вася остался на платформе, забрасывая белых гранатами. Израсходовав все гранаты, он бегом догнал уходящий бронепоезд и прыгнул в него на ходу...

Юденича отбили, но Вася Алексеев вскоре погиб от тифа, который свирепствовал тогда в разоренной войнами стране. Ему было только двадцать три года.

Гости из-за рубежа

Звонок по телефону:

— Говорят из бюро Коминтерна. Есть у вас товарищи, знающие какой-нибудь иностранный язык? Собирайте их и приезжайте.

В середине июля 1920 года в Петрограде открывался второй конгресс Коммунистического Интернационала. На конгресс прибыли и представители юношеских организаций. Им хотелось поскорее познакомиться с советскими комсомольцами, узнать, как живет, работает и борется молодежь Советской страны...

С волнением мчались мы в Смольный. Подумать только: сейчас мы увидим тех, кто там, в капиталистических странах, не боясь ни тюрем, ни полицейских дубинок, ни безработицы, ведет подпольную революционную работу, объединяет рабочую молодежь для борьбы за свои права, смело поднимает голос в защиту молодой Советской республики.

Наконец мы в Смольном. Столпившись вокруг человечка в больших круглых очках, что-то горячо обсуждает группа юношей и девушек. Увидев нас, они дружески улыбаются.

Кто-то из наших пытается начать приветственную речь, но сразу сбивается с тона. Да и что тут говорить! Мы пожимаем протянутые руки, обнимаемся, похлопываем друг друга по плечу и, объясняясь больше жестами и мимикой, начинаем знакомиться.

Человек в круглых очках оказывается немецким рабочим-поэтом Максом Бартелем. Вот исландец, кореец, венгерка... Норвежец с трубкой в зубах переводит мой довольно беспомощный немецкий язык поочередно молодой английской учительнице воскресной школы и французскому докеру.

Загорелый, подвижный, как ртуть, редактор немецкого юношеского журнала «Юнге Гарде» («Молодая гвардия») рассказывает о своем путешествии:

— Вот никогда не думал, что придется играть роль пианино. Смеетесь? Нет, серьезно!.. Никак нельзя было перебраться через границу. Выручили коммунисты-матросы торгового судна. Они предложили на сутки поселиться в ящике от пианино. Погрузили меня на пароход, и так, в ящике, я благополучно вышел в море. Ну и духота в товарном трюме! Грузчики, правда, были свои ребята, носили и ставили меня осторожно, как фарфоровый сервиз, и в трюм я попал без единого ушиба...

Скромный путешественник не добавлял, что не так гладко все происходило. В его тайнике забыли просверлить отверстия для воздуха. Курт уже терял сознание, когда один из матросов нашел предлог спуститься в трюм и устроить там небольшой сквознячок.

Несколько дней, оставшихся до открытия кон-

ДОКУМЕНТЫ О КОМСОМОЛЕ

На этой странице и на соседней снимки времен гражданской войны: ученики завода Вестингауза, обучающиеся стрельбе; заколоченная дверь райкома с наскоро приколотой запиской об уходе комсомольцев на фронт; бойцы комсомольской самокатной роты у своего знамени. Быть в то время комсомольцем — значило с оружием в руках отстаи-

гресса, зарубежные друзья добросовестно и даже строго изучали работу питерских комсомольских организаций. Каждый вечер приехавшие разбивались на группы и разъезжались по районам. Они выступали на митингах, внимательно присматривались к работе кружков, посещали клубы и общежития.

Но вот уже конгресс позади. Прошло и совещание юношеских организаций. Пора думать о возвращении делегатов. А это не так-то просто! В большинстве европейских стран свирепствует самая жестокая реакция.

Воспользоваться способом Курта не удается. Советская республика пока еще никаких товаров, а тем более роялей, за границу не вывозит. Да к тому же мы отрезаны от всего мира блокадой.

Кое-кто отправился кружным путем через Мурманск. В тумане им удалось прорваться через линию блокады в Скандинавию. Казалось, это был довольно удачный путь, но одна из групп при переходе погибла...

Особенно трудно было переправить через рубеж Вилли, одного из руководителей международной юношеской организации. Уж его-то узнает первый же сыщик в любой стране.

Наконец способ найден. Он неожиданно прост. На днях в Германию направляется очередная партия бывших немецких военнопленных для обмена на русских пленных солдат. Неужели нельзя найти хорошего парня, коммуниста, который согласился бы остаться в России еще на какой-то срок? Ведь возвращение Вилли нужно для подпольной работы, нужно для Революции!

Конечно, такой парень нашелся. Свой номер в списке, свое имя и фамилию он уступил Вилли:

— Вот только жену жаль. Она, бедняжка, наверное, не выходит из вокзала, встречает каждый эшелон. Будет большое для нее горе. Ну, да ты ей объяснишь!..

Сопровождать Вилли до границы поручают мне.

Рано утром мы выходим из гостиницы. В руках у нас пустые чемоданчики, в карманах — командировки в пограничный город Ямбург с каким-то туманным поручением.

В Ямбурге оживление. Через несколько часов немецкая и русская комиссии будут по спискам принимать бывших военнопленных. Эшелоны уже прибыли. Немцы в своих серо-голубых шинелях ждут начала обмена. Русские пленные еще где-то там, по другую сторону границы.

Мы с Вилли принимаем самый равнодушный вид и бродим по улицам тихого городка, постепенно уклоняясь в сторону леса. Вот до условного места осталось лишь несколько шагов. Вилли крепко жмет мне руку и исчезает между деревьями.

Минуты тянутся бесконечно долго.

Наконец я вижу, как вдали, на опушке, появляется мешковатая фигура Вилли в шинели с поднятым воротником, в надвинутой на уши солдатской шапке. Вот он приближается к кучке военно-

ДОКУМЕНТЫ О КОМСОМОЛЕ

вать завоевания Революции. Даже сухие протоколы комсомольских собраний того времени отражают героизм и самоотверженность. Город Тотьма. Выступает комсомолец Федор Клочихин: «Колчак захватил сибирский хлеб, отнял уральские заводы. Партия зовет нас в бой. Я иду добровольцем. Кто следующий?».

«Следующими» были все участники этого собрания. В тот же день они выехали на фронт.

А вот телеграммы с мест, печатавшиеся в девятнадцатом году в «Правде». Они тоже о комсомоле: «Скопин. Рязанской губ. Союз полном составе уезжает на фронт» (25 апреля). «Царицынская организация отправляется на фронт» (1 мая). «Курск объявил всех членов союза на военном положении. Все члены союза с 16 лет входят в боевые отряды и находятся в распоряжении парткомов» (19 мая).

пленных, которые тотчас окружают его плотным кольцом. Это свои.

Дело сделано.

Вскоре из Берлина я получаю с оказией записку на клочке папиросной бумаги: «Все в порядке. Вилли».

Комсомольцы слушают Ленина

2 октября 1920 года в Москве должен был открыться Третий всероссийский съезд комсомола.

Перед отправлением едем в Смольный:

— Так и так. ЦК предупреждает, что с пищей для делегатов будет неважно. Отощают наши ребята вконец. Помогите, товарищи!

Долго крутит ус заведующий продовольственным отделом и наконец решает:

— Выдать хлеба, селедок и соответственно масла...

С этим подсолнечным маслом петроградцы оказались на съезде самой «богатой» делегацией. С нами соперничали лишь ташкентцы, захватившие с собой несколько мешков с сушеными фруктами.

Погрузив свои запасы и подготовленную к съезду выставку, мы занимаем вагон.

Было дело в Петрограде,
Дело славное, друзья.
У Московского вокзала
Стоит памятник царя,—

начинает старую озорную песню заставских мальчишек чей-то могучий бас. Песня эта зло высмеивала «пугало» — ныне снятый памятник царю Александру III.

Так, в песнях, шутках, дружеских спорах проходит ночь. Никто, понятно, не думает спать. А вот и Москва!

Общежитие делегатов было на Садовой, где сейчас больница Склифосовского. Огромные залы, тесно заставленные деревянными топчанами и железными кроватями, наполнились буйной, веселой толпой комсомольцев.

Среди делегатов были комсомольские поэты А. Безыменский, Д. Мазнин, А. Рабочий, А. Жаров и другие. Они решили устроить свой вечер.

«Вечер» начался около полуночи, когда большинство делегатов вернулось в общежитие. Но к этому времени актовый зал был уже занят спящими делегатами какого-то другого съезда.

После первого же стихотворения, покрытого дружными аплодисментами, в зал вбежал комендант общежития и категорически запретил вечер. Потом, смягчившись, он разрешил продолжать, но выставил свои суровые условия.

Картина была фантастическая. Огромный сводчатый зал уставлен койками. На них спят люди,

ДОКУМЕНТЫ О КОМСОМОЛЕ

В освобожденных от белогвардейцев городах и селах надо было заново строить Советскую власть, поднимать хозяйство. Ленин учил, что партия осилит любое дело, если привлечет на помощь массы. А как привлечь массы? Как научить их, что надо делать? Газет мало, потому что нет бумаги, и к тому же в стране на каждого грамотного приходилось девять неграмотных. Нужна была устная агитация.

По указанию Ленина были пущены агитпоезда. Они ходили по стране, и комсомольцы были активными помощниками в их работе. Посмотрите на фото. Агитпоезд «Октябрьская революция» пришел в Тулу. Юный оратор на поездной платформе — это секретарь горкома комсомола.

укрытые шинелями и полушубками. Вдоль стен и в проходах плотной толпой стоят слушатели. В зале темно. Лишь эстрада освещена колеблющимися огоньками двух свечей. А на ней поэты со сверкающими глазами читают свои взволнованные стихи... шепотом.

Но так продолжалось недолго. Кто-то, увлекшись, перешел на полный голос, кто-то бурно зааплодировал. Но разбуженные делегаты ничуть не рассердились. Поняв, что тут происходит, они сами превратились в участников этого вечера.

Наконец наступил день открытия съезда. Открытие было назначено на восемь часов вечера в зале Партийной школы имени Свердлова. Сейчас в этом здании помещается Театр Ленинского комсомола.

Задолго до назначенного часа длинный зал «Свердловки» был переполнен молодежью, собравшейся со всех концов страны. Многие делегаты приехали прямо с фронтов гражданской войны, в ватниках, затянутых пулеметными лентами, или в потрепанных прожженных шинелях, нередко с отцовского плеча. У большинства делегатов за поясом револьвер, гранаты. Гражданская война шла не только на фронте. В любом городе или селе комсомольцев нередко подстерегала пуля кулака.

Все мы возбуждены, настроение у всех приподнятое. Еще с утра среди делегатов разнесся слух: Ленин обещал выступить!

Понятно, с каким нетерпением мы ждем этого...

Наконец стрелка больших часов останавливается на восьми. Заметно взволнованный председатель подымает руку:

— От имени Центрального Комитета Российского Коммунистического Союза Молодежи объявляю Третий всероссийский съезд комсомола открытым! — И сразу же, не давая вспыхнуть аплодисментам: — Слово предоставляется председателю Совета Народных Комиссаров товарищу Ленину...

Точно все ждали именно этого. Переполненный зал взрывается бурей оваций. Все делегаты вскакивают с мест...

Но где же он? Ах, вот!..

Знакомый, близкий, по-всегдашнему скромный, Ленин торопливо пробирается к трибуне. Какой он маленький, обыкновенный, улыбающийся! Наш живой Ильич!

Еще на ходу Ленин обеими руками отмахивается от оваций. Подойдя к столу президиума, он снимает темное пальто с черным бархатным воротничком, кладет его на стул, вынимает из кармана мелко исписанные листки с конспектом речи.

Аплодисменты не умолкают. Улыбаясь, Владимир Ильич пытается знаками укротить это вышедшее из берегов море. Он вынимает из жилетного кармана часы на тонком черном шнурочке, показывает делегатам на стрелки, вопросительно поворачивается в сторону председателя... Но куда там! Проходит минута за минутой, а молодежь не успокаивается.

Наконец Ленин решительно подходит к самому краю эстрады, обводит взглядом зал и начинает:

ДОКУМЕНТЫ О КОМСОМОЛЕ

Эти снимки уже из другой эпохи. Враги выброшены за пределы Советской страны. Мы начинаем строить, создаем социалистическую промышленность. Возводим новые заводы. Вот девочка-комсомолка из деревни учится работать слесарным инструментом. Шефствует над ней рабочий-комсомолец.

А на фото рядом — «орден верблюда». Комсомольцы прикрепляли такой насмешливый плакат к станку бракодела или вешали у входа в цех, где много брака. Комсомольцы не только сами работали без брака, но и разоблачали бракоделов. Так они помогали партии в борьбе за качество продукции.

— Товарищи...

И с первыми звуками его голоса в зале, как бы чудом, воцаряется немая тишина. Затаив дыхание, впившись глазами в трибуну, комсомольцы слушают вождя.

Ленин говорит о задачах молодежи в строительстве коммунистического общества. Это его завет молодому поколению, на долю которого выпало счастье продолжать и завершить дело, начатое отцами.

— Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество...— говорит Ленин.

И главную задачу молодежи он определяет так: «задача состоит в том, чтобы учиться»...

Речь Ленина продолжалась почти полтора часа. А затем, после перерыва, он отвечал на записки с вопросами.

Один из делегатов спросил Ленина, каковы должны быть взаимоотношения Союза молодежи с партией. На это Владимир Ильич ответил, что если Союз действительно хочет быть коммунистическим, он должен всю работу вести под руководством партии. Записок было много, но ни одна не осталась без ответа. А когда какая-то записка подкатилась под трибуну, Владимир Ильич опустился на колени и долго разыскивал листок среди груды смятых бумажек.

Не сразу поняли мы тогда всю мудрость ленинских слов об учении.

— Учиться? — недоумевали многие.— Сейчас идти учиться? А кто же будет воевать, кто революцию делать?

Нам казалось, что Ленин недооценивает нашу закалку и решимость, нашу готовность к борьбе. Как же это вдруг так? Нам, юным революционерам, отложить винтовки, гранаты и... сесть за парты? Не всем из нас было еще понятно, что революция призвана не только разрушать старое, но и строить новое.

Время показало, насколько прав был Ленин. В самый трудный момент Революции он словно приподнял перед комсомольцами завесу завтрашнего дня и показал, чего ждет от своей молодежи народ. Ведь именно этим юношам и девушкам пришлось строить гигантские заводы, проводить каналы, воздвигать электростанции, добиваться обильных урожаев. А что мог бы сделать человек, не вооруженный знаниями?

Годы строительства были уже не за горами. Прошло всего несколько лет — и гордостью комсомола стали подвиги на мирном фронте труда.

ДОКУМЕНТЫ О КОМСОМОЛЕ

Вот комсомольцы, приехавшие работать на шахты Донбасса. Шахты были взорваны отступавшими белогвардейцами и не давали угля. Надо было восстанавливать шахты, восстанавливать как можно быстрее. Будет уголь — будет страна сильной, будет развивать свою промышленность, транспорт. Не будет угля — попадем в зависимость от капиталистов. Это знали комсомольцы и шли работать в Донбасс.

Тяжел был труд шахтеров в то время, но и за него тоже взялись комсомольцы, как брались они за все трудное. Они работали на стройках в Амурской тайге, Хибинской тундре, в песках Кара-Кумов, в степях Балхаша, на Днепровских порогах... Одну из героинь Днепростроя, бригадира бетонщиц Женю Романько, народ прозвал «железной комсомолкой». В зной, в стужу без устали работали Женя и ее девушки, стойкие и упорные, словно и вправду железные. «Железная комсомолка» была в числе первых, кого страна наградила орденом Ленина.

СО СТУПЕНЬКИ НА СТУПЕНЬКУ

Т. КОННИКОВА

Рисунки В. Тарасенко.

Зачем нужны ступени

Ты, наверно, не раз спорил с товарищами о том, что делать, если нет силы воли, как стать мужественным, как побороть плохие привычки, а главное, как стать таким, каким хочется быть?

Каким ты хочешь стать? Ты задумался над этим еще в тот день, когда давал торжественное обещание. Ты стоял вместе с другими ребятами твоего класса перед старшими пионерами и так волновался, что даже немножко дрожал.

«Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю...» — Когда ты говорил эти гордые слова, у тебя сильно забилось сердце. Тебе захотелось поскорее сделать что-то очень хорошее, нужное для всех...

Но как это сделать, если ты еще просто мальчишка или девчонка и на большие дела тебя не берут? Не возьмут на пограничную заставу, не посадят на трактор, прокладывающий первую борозду в никем не паханной степи, не пошлют с монтажным инструментом на самый верх строящегося моста...

А ведь, пожалуй, правильно сделают, что не пошлют. Кто знает, может, ты и струсишь ночью в лесу, может, ты понятия не имеешь, как завести трактор, и не умеешь работать самыми простыми инструментами.

Так что же тебе делать? Ждать, пока вырастешь? Или уже сейчас попытаться стать мужественным и умелым?

Сразу, конечно, не станешь. Но ведь можно каждый день понемногу продвигаться вперед, постепенно становиться более умелым и сильным, быть все ближе и ближе к комсомолу. И тогда ты вырастешь таким, каким мечтаешь стать.

Комсомольцы, старшие друзья пионеров, взялись помочь ребятам в этом трудном и важном деле. Они приняли решение, которое должно изменить и улучшить жизнь тысяч пионерских дружин. Комсомольцы наметили, что должны узнать ребята за свои пионерские годы, чему научиться и какими навыками овладеть. Для этого и ввел Центральный Комитет ВЛКСМ «Ступени юных пионеров». Первую ступень — для пионеров III—IV классов, вторую — для пионеров V—VI классов, третью — для самых старших ребят, VII и VIII классов.

Чтобы подняться с одной ступени на другую, каждому пионеру надо выполнить определенные требования комсомола. С каждой ступенью эти требования становятся все более серьезными и сложными. Теперь не придется повторять из года в год одни и те же дела в отрядах.

Ты уже, конечно, читал в «Пионерской правде» или слышал по радио о «Ступенях юного пионера», о них говорится и в «Положении о Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина», которое недавно утверждено. «Юный пионер обязан... овладевать умениями и навыками, установленными для пионеров»,— требует Положение. Сегодня мы вместе разберемся в содержании ступенек. А в следующий раз расскажем о Положении.

В школе, дома, на спортплощадке

От тебя требуется участие в общественно полезных делах. Не думай, что стоит только выстругать указку, пришить пуговицу, посадить деревце, и все будет в порядке. Требования гораздо серьезнее: у пионера должен быть зоркий глаз и умелые руки, он, как разведчик, внимательно смотрит кругом: где нужна пионерская помощь? Он действует быстро, вместе со своим звеном.

Поэтому, если ты пионер первой ступени, узнай, в чем нуждается твой класс. Может быть, надо сделать указки или подклеить карты? Загляни в живой уголок: не надо ли заготовить на зиму корма для белок или рыб? Пойди на пришкольный участок, во двор — как славно там станет, если каждый из вас посадит деревце, если собраться всем вместе и разбить клумбы! А может быть, сейчас важнее посадить деревья не в школьном дворе, а на соседней улице? Подумай!

Не забудь хорошенько посмотреть, чем ты можешь помочь и дома. Ведь ты не неженка, ты не нуждаешься в няньке. Ты сам скоро научишься обслуживать себя, следить за своей одеждой, и, конечно, ты позаботишься о других: вымоешь посуду, приберешь комнату. И главное, дело не в том, чтобы ты раз или два вымыл полы или постирал и потом поставил галочку в списке пионерских навыков: дескать, умею, и ладно! Важно, чтобы ты взял на себя какую-то постоянную обязанность в доме. Например, мама стирает, а гладишь белье всегда ты. Это твоя обязанность в доме. Или ты каждый день ходишь в булочную. И тогда уже никому в семье не надо беспокоиться, есть ли к обеду хлеб. За это отвечаешь ты.

На второй ступени твои глаза научатся видеть дальше, а руки сумеют сделать более сложные вещи, и ты сможешь принести больше пользы другим. Пойди в октябрятскую группу или в соседний детский сад — ребятам, наверное, надо сделать новые игрушки, модели, сшить платья для кукол. Пройдись по своей школе. Знаешь, что придумали пятиклассники 210-й ленинградской школы? «Давайте посмотрим,— решили они,— чем мы можем быть полезны нашей родной школе!» Сказано — сделано. Совет отряда стал штабом разведки; он распределил между звеньями участки, и пионеры стали разведчиками. И сколько же они нашли нужных дел, которые только и ждали пионерских рук!

В кабинете химии ребят попросили приходить помогать мыть химическую посуду, в кабинете географии — сделать макет, в библиотеке — переплести и починить книги, в буфете они сами предложили развести цветы, в кочегарке потребовалось перетаскать уголь. Совет отряда выслушал все донесения, распределил задания, и работа по звеньям закипела. Это была настоящая пионерская помощь.

В пятом — шестом классе ты должен уметь найти более сложные дела и за пределами школы: на участке, на колхозном поле выращивать овощи, кукурузу; бороться с сорняками; взять шефство над зелеными насаждениями на улицах, на дорогах; помогать колхозу в разведении уток, цыплят, кроликов. Дома тоже найдутся более трудные дела: починить изгородь, заштопать одежду и белье, убирать двор, поливать огород.

На этой ступени ты не только приобретешь трудовые навыки, но научишься участвовать в больших и важных делах вместе со старшими.

Для семиклассников и восьмиклассников требования еще серьезнее. Старшие пионеры должны стать самыми близкими помощниками комсомольцев, участниками всех комсомольских дел. Старшие сделают для кабинетов не макет, а настоящие приборы, инструменты; для пионерской комнаты смогут сделать не игру, а книжную полку или стенд; помогут взрослым убирать урожай, вместе с комсомольцами выйдут на воскресник на стройку.

Обратил ли ты внимание на самую важную особенность третьей ступени? От старших пионеров комсомол требует не только личных умений, но и участия в общественной жизни и умения научить младших товарищей тому, чему научился сам.

Каждый пионер должен стать сильным и смелым, выносливым и ловким, не просто научиться бегать и прыгать, а быть таким, чтобы в любой обстановке не растеряться, не раскиснуть. Настойчиво и терпеливо добиваться этого тебе тоже помогут ступени. На первой — научись быстро бегать, хорошо прыгать, ходить на лыжах, держаться на воде. Научись ходить в походы, укладывать рюкзак, определять путь по компасу. Не бойся препятствий. Если встретится ручей — переберись по бревну. Если проголодаешься, озябнешь — разожги костер, вскипяти чай, свари кашу.

На второй ступени ты будешь ходить в дальние походы с ночевкой и днем и ночью сможешь найти дорогу, ориентируясь по солнцу и звездам, сможешь переплыть маленькую речку, пробежать на лыжах два километра или больше...

На третьей ступени надо сдать все нормы БГТО, защищать спортивную честь своего отряда в соревнованиях, научиться ездить верхом или на велосипеде, грести или ходить под парусом. И опять то же главное требование: помоги младшим, сумей провести с ними зарядку, спортивные состязания, игры.

Не забудь выполнить еще одну важную группу требований. На первой ступени — уметь рассказать товарищам о самом интересном, что ты прочитал; на второй — участвовать в обсуждении книг, узнавать о достижениях науки и техники нашей страны; на третьей — побывать в музеях своего города, уметь провести беседу с младшими пионерами. Это поможет тебе выполнить пионерский закон об отношении к знаниям.

Много нового узнаешь ты, выполняя требования ступеней. Конечно, у каждого из вас есть свои любимые занятия: одни научатся лучше других делать игрушки и модели, другим больше понравятся юннатские дела, третьи увлекутся туризмом и спортом. Но есть в ступенях требования, которые одинаково затронут всех и будут волновать каждого из вас.

...Ты пройдешь со своими товарищами по местам революционных боев... Ты будешь слушать рассказы большевиков о взятии Зимнего дворца, о бесстрашных походах красной конницы, ты будешь петь боевые песни отцов, и отблеск революционного пламени сверкнет перед твоими глазами...

В ближних и дальних походах ты будешь узнавать и записывать биографии героев. Ты узнаешь много замечательных людей и ты поймешь, что непобедимыми их сделала великая любовь к социалистической Родине.

Ты узнаешь о грандиозных планах развития нашей страны, о строителях коммунизма, и в сердце твоем будет крепнуть гордость за свой народ.

И прежде всего тебе надо знать, как жил и боролся Ленин, какие заветы он оставил молодежи: ведь твоя организация носит имя Ленина. Читай книги об Ильиче, познакомься с его портретами, картинами, посвященными ему, посмотри фильмы, где рассказывается о его жизни, постарайся встретиться с людьми, которые знали Ильича, работали с ним. И ты поймешь, почему имя Ленина стало знаменем трудящихся всех стран. Ты поймешь, какая это честь и какая ответственность — носить звание юного ленинца, сколько надо приложить усилий, чтобы стать достойным наследником бессмертного ленинского дела.

С чего начинать?

Как только совет дружины примет решение начинать работу по ступеням, соберитесь всем звеном и посоветуйтесь, с чего вы начнете, как будете выполнять требования своей ступени. Ведь это ваше дело — отбирать на каждую четверть или на месяц те умения и навыки, которыми надо овладевать. Пусть звеньевой расскажет о ваших предложениях на заседании совета отряда и узнает, что придумали другие звенья.

Многое лучше делать вместе со всем отрядом. Например, походы, соревнования, сборы, встречи.

Ну, а научиться переплетать книги, сигналить флажками, ставить палатку, гладить белье, испечь вкусный пирог, поиграть в новую игру или поделиться впечатлениями о прочитанной книге, о концерте — это все лучше делать на звеньевых сборах.

Конечно, многими навыками ты сможешь овладеть самостоятельно или занимаясь в кружке, в секции. Но не забывай, что не только ты, а все ребята в твоем звене должны научиться этому.

Обрати внимание, что все требования комсомола к пионеру — это требования к члену коллектива. И это понятно, потому что только коллектив может по-настоящему вмешиваться в окружающую жизнь, действительно улучшать ее, исправлять недостатки, сделать то, что не под силу одиночке. Умение действовать вместе с коллективом, уважать дело коллектива, как свое собственное,— это самое главное, чему должны научить тебя ступени.

Мы советуем тебе: работая по ступеням, запомни и соблюдай три важных правила.

Вот первое из них: в каждом деле звена, отряда бери на себя часть общей работы, любое задание коллектива выполняй быстро и точно. Не жди, когда тебя позовут и что-нибудь поручат, сам ищи дела для звена и отряда и сам предложи их товарищам. Ты ведь не просто исполнитель, ты член коллектива.

Если тебе удастся быстрее других достичь успеха в чем-то, не хвастайся и не зазнавайся. Не принимай заслугу только на свой счет. Ведь в каждом твоем достижении всегда будет большая доля участия других: кто-то

посоветовал тебе прочитать нужную книгу, показал, как действовать инструментом, подтолкнул твою мысль. Добьешься сам — непременно помогай другим ребятам догнать тебя. Конечно, молодец, кто идет впереди, но куда лучше тот, кто ведет за собою товарищей! Это — второе правило.

И вот третье: если тебе не удастся быстро овладеть тем или другим делом и ребята обгонят тебя, не унывай, не теряй уверенности, настойчиво добивайся своего. Только так достигают победы. Не стесняйся обращаться за помощью, но и не спеши с этим: всегда старайся, с чем можешь, справиться самостоятельно.

Вот она, цель!

Кто же будет судить о том, как ты выполняешь требования ступеней? Прежде всего твое звено. Ближайшим товарищам лучше всех видны каждый твой успех и каждая неудача. Поручило тебе звено разучить с октябрятами к празднику песню или показать диафильм малышам — здесь особой проверки не нужно. И так все будут знать, выполнил ли ты задание.

Но можно организовать и специальные смотры, проверки. Например, провести «зачетный» для всего отряда поход и проверить, кто умело уложит рюкзак, все ли смогут поставить палатку, ориентироваться по местным приметам.

Можно устроить в отряде выставку. Каждый принесет вещь, которую он сделал своими руками. Ребята увидят, кто что умеет, и поучатся друг у дружки.

Ну, а о некоторых делах, может быть, смогут судить только специалисты. Тогда в школу можно пригласить комсомольцев-шефов, вожатых, родителей.

Если звено, совет отряда или пионер-инструктор решат, что одно из требований ступени ты выполнил, в твоей «Личной книжке пионера» появится особая пометка. Личную книжку тебе выдаст совет дружины. Он же и установит, кто имеет право делать пометки о выполнении требований.

А когда ты выполнишь все требования своей ступени, что тогда?

Это будет особенный день в твоей пионерской жизни. Соберется отряд и обсудит, чего же ты достиг. Действительно ли ты поднялся на ступень, был ли ты при этом хорошим товарищем, был ли честен в труде и учебе, дорожишь ли ты честью своего коллектива. И если твои друзья признают, что ты соблюдал законы пионеров и был достойным членом коллектива, совет дружины переведет тебя на следующую ступень и даст тебе новый отличительный знак.

Так, овладевая требованиями комсомола, поднимаясь со ступени на ступень, ты сможешь научиться выполнять то, что ты торжественно обещал перед лицом своих товарищей: «Жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин».

Пройдут годы, ты выполнишь требования всех трех ступеней. И старшие товарищи признают за тобой почетное право — стать членом Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи — и примут тебя в его ряды.

Желаем тебе успеха, дорогой друг!

МОЛОДЫЕ СТРОИТЕЛИ КАХОВКИ.

С. Репин.

ПОДВИГ ГВАРДИИ РЯДОВОГО НИКОЛАЯ СЕМЕНКОВА.

В. Переяславец.

Эту картину я писал не совсем с натуры: с натуры такой эпизод писать нельзя. Однако то, что здесь изображено, случилось на самом деле, только происходило это так высоко над землей, что люди, стоявшие внизу, и не подозревали о разыгравшихся в воздухе событиях.

А события были такие: рядовой Николай Семенков и старший сержант Гулюткин совершали свой первый учебный прыжок с парашютом. Подготовились к нему они как будто хорошо, и оба внешне казались спокойными, хотя в душе — что говорить — каждый волновался.

Раздалась команда: «Приготовиться!» Затем: «Пошел!»

Первым прыгнул Семенков. Парашют послушно раскрылся, и Николай плавно полетел к далекой земле...

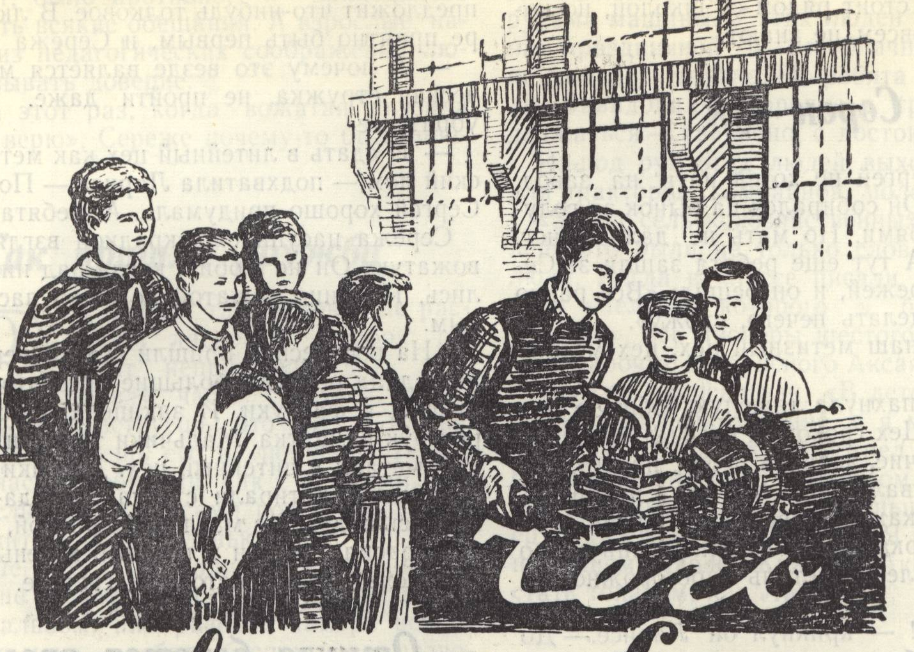
Вдруг что-то сильно ударило в купол, ощущение плавности исчезло, и перед глазами Семенкова замелькало нечто темное, белое, камнем падающее вниз... «Гулюткин»,— скорее почувствовал, чем подумал Николай. Так оно и было: по несчастной случайности парашют у Гулюткина не распустился, и старший сержант стремительно падал вниз, навстречу неминуемой гибели.

Но падение Гулюткина замедлилось: стропу его парашюта схватил и зажал в руке Николай Семенков. Нелегко было сразу сообразить, как надо действовать, большое присутствие духа потребовалось, чтобы осуществить решение... На несколько секунд стропы двух парашютов перепутались, страшная тяжесть увлекала Семенкова вниз, но он не выпускал из рук стропы...

В течение некоторого времени комсомолец Николай Семенков удерживал Гулюткина на расстоянии семи метров ниже себя, потом ему удалось раскрыть запасной парашют... Оба благополучно завершили прыжок.

Я выбрал этот эпизод для своей картины потому, что считаю поступок Семенкова характерным для лучшей части нашей молодежи, для наших молодых летчиков и парашютистов, с которыми я хорошо познакомился в годы войны, служа в авиации.

Друзья мои, летчики, часто рассказывают мне о самоотверженности, о великом чувстве товарищества, которые проявляет наша молодежь и теперь, в мирное время. Потому-то мне и захотелось рассказать о подвиге Николая Семенкова.

Чего не хватало Сереже...

Л. ФРИДМАН

Новая вожатая

Трудно иногда понять, чего тебе не хватает в жизни. Когда мать ругала Сережу, она задавала ему этот вопрос: «Одет, обут, в чистоте живешь, в достатке. Птичьего молока только не хватает. А ты хулиганишь».

Сережу часто ругали. И в школе и дома. Он не оправдывался, но и не особенно огорчался: привык. И если сегодня ему влетало за двойку по русскому, а завтра — за разбитое стекло, то это нисколько не мешало ему послезавтра подраться с Генкой на задней парте или нагрубить учительнице. И опять упреки и все тот же вопрос: «Чего тебе не хватает?»

И вдруг появился человек, который объяснил, чего не хватало Сереже, Генке с задней парты, Васе и Тамаре и другим ребятам из шестого «Б» школы № 12. И самое удивительное, что человек этот была маленькая девушка с пушистыми косами, уложенными вокруг головы, молоденькая, совсем девчонка.

Пришла она после уроков в класс, огляделa всех внимательно и сказала:

— Я, ребята, с «Красного Аксая». Меня прислали к вам комсомольцы восьмого цеха. Я буду теперь вашей отрядной вожатой.

Сережа тоненько пропищал, стараясь подражать голосу девушки:

— И мы будем дружно собирать старую бумагу и весело таскать железный лом.

По классу понесся смешок. Вежливая Тамара объяснила новой вожатой:

— Это Сережка, не обращайте внимания. Он хулиган.

— Сережа? — Девушка несколько секунд разглядывала Сергея. Потом убежденно сказала:

— Ну какой же он хулиган? Просто избалованный ребенок. Я могу тебе сказать, Сережа, вот что. Лом собирать мы с вами, конечно, будем, потому что он нужен. Я вот сама на токарном станке работаю, и мы из переплавленного лома много деталей делаем для тракторов, для комбайнов. И сбор бумаги — вещь нужная. Только слишком все это просто и легко для вас, тринадцатилетних ребят. Потому тебе и скучно.

Новая вожатая сказала еще, что зовут ее Ларисой, что развлекать их она не собирается и не за этим шла к ним в отряд, а хочет

она помочь пионерам подружиться с заводом, который стоит рядом со школой, но которого они совсем не знают.

Сорок рук

Сергей не хотел идти на завод. Он собирался на рынок за голубями. Но мать не дала денег. А тут еще ребята зашли за Сережей, и он решил: «Все равно делать нечего, схожу».

— Вот он, наш метизный цех, цех металлоизделий.

Лариса распахнула тяжелую, обитую железом дверь. Цех грохотал. Он был большой, жаркий. Рабочие, завидев ребят, приветливо улыбались, кивали и тут же опять поворачивались к станкам. Вот высокий парень снял со станка сверкающую, отшлифованную до зеркального блеска деталь и осторожно положил ее.

— Седьмая! — крикнул он Ларисе.— До конца смены будет еще парочка! Догоняй, Панова!

— Догоню. А ты как думал? Это Слава, сменщик мой, наш лучший токарь. Мы с ним на одном станке работаем, соревнуемся.

— А мы-то что будем делать? — спрашивали ребята.

— Ходить, смотреть, думать,— сказала вожатая.— Что полезного для восьмого цеха могут сделать ваши сорок рук? Кто придумает что-нибудь, скажите.

Это было похоже на игру. Кто первым предложит что-нибудь толковое. В любой игре приятно быть первым, и Сережа сказал:

— А почему это везде валяется металлическая стружка, не пройти даже. Может, убрать ее?

— И сдать в литейный цех как металлический лом,— подхватила Лариса.— По-моему, Сергей хорошо придумал... А, ребята?

Сережа насупился, украдкой взглянул на вожатую. Он не любил, когда над ним смеялись. Но лицо вожатой не было насмешливым.

...На воскресник пришли все пионеры. Лариса дала ребятам большие брезентовые рукавицы и фартуки. И закипела работа. Сорок рук не шутка. Мальчики таскали ненужный металл в литейный цех. Девочки подметали пол, протирали стекла. Откуда-то появилось ведерко с масляной краской, и ребята окрасили станки в веселый зеленый цвет.

В цехе стало просторней, светлее.

Откуда берется время

Сережа, почему ты вчера не выучил географию?— спросила Лариса.

— Времени не хватило,— привычно начал Сережа и осекся: кому-нибудь еще можно было это сказать, но Ларисе...

Восемь часов в день проводит Лариса Панова у своего токарного станка. Работа нешуточная. И Лариса делает ее здорово. Не зря ее фотография вот уже год висит на заводской доске почета. Лариса учится в вечернем техникуме, играет в заводском драмкружке, не пропускает в кино ни одной новой картины, много читает и еще работает у них вожатой. И все успевает, и никогда не жалуется. Сказать такому человеку, что ты не успел приготовить урока, не мог даже Сережа. Он сказал только:

— В среду исправлю двойку.

— Ну что ж, я тебе верю.

Совсем еще недавно Сережа терпеть не мог,

Воскресник по уборке цеха металлических изделий. Гайки надо аккуратно нанизать на проволоку, чтобы не затерялись.

когда ему доверяли. Обманывать, когда доверяют, было противно, и приходилось выполнять всякие обещания. А взрослые, наверное, из педагогических соображений любят оказывать доверие.

Но на этот раз, когда вожатая сказала «Я тебе верю», Сереже почему-то было приятно.

Так пришла дружба

Вот бывает так: человек не расточает ласковых улыбок, говорит неприятную для тебя правду, часто сердится, а ты чувствуешь: это друг — и уважаешь его и любишь. Лариса обращалась с ребятами, как с равными, как со взрослыми, и они сами постепенно перестали считать себя маленькими.

Раньше, когда не ладится какой-нибудь пустяк: не хватало клея, чтобы доклеить очередной альбом, или рвалась камера волейбольного мяча,— ребята беспомощно разводили руками. И казалось, что это и есть трудности, тяжелые моменты в жизни.

Когда строили спортплощадку у школы, Сережа в этом не участвовал: таскать камни было тяжело. Если дома перегорали пробки, Сережа бежал за монтером.

Однажды на сборе зашел разговор о какой-то радиопередаче.

— Я не слыхал,— сказал Сергей.— У нас приемник испорчен.

— И давно испорчен? — поинтересовалась Лариса.

— Да уж с месяц. Все никак не соберемся с матерью его в мастерскую стащить.

— Зачем же тащить? Почини сам.

— Я не умею.

— А ты научись.

— Да где ж я буду учиться?

— Ну, неужели не сообразишь? Удивляешь ты меня, честное слово. Пойди в библиотеку, возьми книжку по радиотехнике, посиди, подумай. У меня вон сестренка — и девочка, и моложе тебя, а приемник сама собрала и электроприборы всем соседям чинит. А ты, Сережка,— чудо какое-то, неумеха.

Ребята вокруг молчали. Им было ясно, что слова вожатой относятся не только к Сережке. И постепенно в шестом «Б» укрепилось мнение: неумехой быть позорно.

Росло у ребят уважение к труду. Лариса не проводила с ними специальных бесед, не читала им нотаций. Она просто привела их в свой цех, показала, как работают она и ее друзья, заставила понять, что это и есть настоящая большая жизнь — создавать своими руками машины. У этих людей жизнь не была праздничной и безоблачной. Нередко приходилось трудно. Но ребята им завидовали. Завидовали сноровке в труде, манере держаться — уверенно, с достоинством.

Из-под рук этих людей выходили детали для тракторов, комбайнов, молотилок.

«Завод сельскохозяйственных машин». Теперь это были не только слова. Это были люди. Когда в классе писали сочинение на тему «Человек, которого я больше всего уважаю», все пионеры шестого «Б» написали о рабочих с «Красного Аксая».

Сережа написал так: «В детстве меня дядя прокатил на машине, и я мечтал стать шофером. Потом я посмотрел кино о Донбассе и решил стать шахтером. После — артистом. Но это все было раньше и детская ерунда. Я знаю, кем я буду. Я буду рабочим на нашем заводе «Красный Аксай». Мечтаю стать токарем, как Лариса».

Они тоже рабочие

Мальчишки и девчонки из шестого «Б» были счастливы, когда в школе им сказали, что производственную практику они будут проходить в метизном цехе «Красного Аксая». Ребята говорили: «наш завод», «наш цех». Лариса разбила отряд на бригады, и вот пионеры стояли у конвейера.

Старший мастер сказал:

— Вы будете производить доупаковку болтов. Нужна здесь скорость и внимательный глаз.

Ползет лента конвейера. Как по реке, плывут по ней ящики с шестернями, колесиками, цилиндрами. А вот и ящик с болтами. Сережа смотрит в ящик: в нем плотно, как сахар в пачке, лежат болты — большие, поменьше, еще поменьше, совсем маленькие. Каких болтов здесь не хватает? Сколько их надо добавить, чтобы в соседнем, сборочном, цехе рабочий, получивший этот ящик, мог быстро собирать узлы машины?

— Добавь восемь больших и два десятка самых маленьких,— говорит за его спиной Лариса.

Сережа добавил. Ящик унесло «течением», Пришел следующий. Лариса отошла. Сережа уже сам соображает. Вот они, пустые гнезда. Три средних. Два крупных. Пять маленьких.

Гене Пирожкову и Павлику Пархоменко доверили волочильный станок. С первого раза работа у них идет не очень ловко. Но это не беда: потом научатся.

Потом—тридцать средних, два маленьких. Ящики, ящики...

Сережа устал. Пить хочется.

— Давай, я сменю тебя,— предлагает Тамара.

И слышит в ответ свирепое:

— Уйди!

День за днем приходят ребята на завод. Теперь уже им доверяют разную работу: сортировку деталей, обрезку заусениц с болтов, штамповку звездочек.

Есть у них и свой мастер ОТК — отдела технического контроля — и учетчик, есть и свое место на цеховой доске показателей. Когда первая пионерская бригада упаковала сто десять ящиков при норме шестьдесят пять, об этом было написано на доске показателей красной краской, так же, как пишется о рекордах Славы Харламова, Ларисы Пановой или старого мастера Доманова.

Совместное заседание

Все больше общих интересов связывало ребят и рабочих восьмого цеха. И вот решено провести первое совместное заседание цехового бюро и совета отряда. Слишком много накопилось теперь вопросов, которые трудно было решать по отдельности.

Надо подготовить к празднику общий большой концерт самодеятельности.

Создать в цехе пионерский уголок.

Тимуровцы шестого «Б» решили привезти со склада дрова для вдовы воина, погибшего в Отечественную войну. Машины нет. Комсомольцы цеха обещали достать трактор.

Уходит на пенсию одна старая работница. Надо тепло проводить ее. Ребята берутся приготовить подарок, сочинить стихи.

Были на этом заседании и неприятные разговоры: кто-то запорол деталь, кто-то получил двойку. Об этом говорили одинаково сурово, называли виноватых бракоделами и не «прорабатывали», а требовали.

Разошлись поздно. В огнях стоял красавец Ростов. Тихо, по-вечернему сонно плескался о гранитную набережную Дон. Ребята вместе с Ларисой медленно шли по улицам. А за спиной у них ровно и мощно ревел гудок «Красного Аксая». Начиналась ночная смена.

— Лариса, трудно работать ночью? — спросила Тамара.— Спать, наверное, хочется.

— Трудновато,— призналась Лариса.— Но часам к трем переможешься, и потом хорошо. А главное, когда работа срочная, то о сне как-то не думаешь. Все-таки это не самое главное. Верно?

Все были согласны с вожатой.

Ростов-на-Дону.

В ЛЕНИНГРАДСКОМ ПОРТУ

Зарисовки А. Крылова.

Порт! Место, где сходятся тысячи морских дорог, куда корабли под флагами разных наций несут в своих трюмах богатства всех материков.

Вот рисунки, сделанные в Ленинградском порту художником А. Крыловым. На одном из них — комсомольская бригада грузит хлопок. Работа механизирована, башенный кран, способный поднять целый катер, переносит огромные кипы хлопка прямо с поездных платформ к самоходной барже. Дело чести комсомольской бригады — проводить погрузку как можно быстрее, в рекордный срок. За это соревнуются комсомольцы-грузчики Ленинградского порта.

На втором рисунке мы видим палубу небольшого пароходика. Это один из многих незаметных тружеников, несущих внутреннюю службу в порту. Такие пароходики буксируют к причалам прибывшие в порт огромные океанские корабли, а при отплытии выводят их на фарватер. На палубе пароходика собрались в кружок молодые моряки, комсомольцы, вступающие в партию. Старший механик — парторг судна — проводит с ними политбеседу.

Симон Аршакович Тер-Петросян (партийная кличка — Камó). Фотография 20-х годов.

Здесь перед вами две фотографии Камó, сделанные еще в дореволюционное время. На первом снимке Камó, одетый князем. Из повести вы уже знаете, как мастерски умел он изменять свою внешность, чтобы обмануть царскую полицию.

На втором снимке, найденном в архивах жандармского управления, Камó, закованный в кандалы.

РАССКАЗЫ О КАМО
(Окончание)

Тифлисский рассвет

Виль ОРДЖОНИКИДЗЕ

Рисунки П. Пинкисевича.

Князь Дадиани

В Петербурге, в богатом номере Европейской гостиницы, где обычно останавливаются только знатные и богатые гости столицы, поселился князь Коки Дадиани.

Молодому отпрыску старинного грузинского рода было на вид лет двадцать пять — двадцать шесть. Он был чуть ниже среднего роста, крепко сбитый, с широкими плечами и сильными руками.

Князь одет был в светло-серую черкеску с флигель-адъютантскими погонами и аксельбантами.

Поговаривали в гостинице, что князь прибыл в Петербург с особым поручением наместника Кавказа и, возможно, будет представлен самому государю.

Когда эти разговоры доходили до князя, он только снисходительно улыбался.

Гостиничная прислуга была довольна князем: он не причинял никому особых беспокойств и щедро давал на чай.

Вероятно, у князя, как и у любого светского молодого человека, было много приятелей в Петербурге, потому что он часто уезжал на всю ночь и возвращался в гостиницу лишь под утро, напевая веселые грузинские песни и слегка покачиваясь.

Швейцар заботливо провожал князя до лестницы и потом долго почтительно смотрел ему вслед, держа в руке монету.

Но как бы удивился швейцар, попади он в номер князя!

Как только князь переступал порог своего номера и щелкал замком, с него сразу же слетала веселость подвыпившего человека. Он переставал покачиваться, мягкими, спокойными шагами двигался по комнатам, снимал с себя богатый наряд и, отперев массивный кованый сундук, прятал туда, вытаскивая из карманов и из маленького портфеля пистолеты, обоймы с патронами, заряды для бомб.

Потом он тщательно перекладывал все это мягким войлоком и, закрыв сундук, ложился спать.

Спал он совсем немного и утром вновь уезжал.

Дела, ради которых Камо приехал в Петербург, были очень важные. Кавказские большевики попрежнему нуждались в оружии. Нужно было доставать его здесь. Кроме того, в короткий срок надо было самому обучиться технике изготовления новых бомб. Они назывались «столыпинскими». Это были снаряды большой разрушительной силы: такой бомбой взорвали дачу царского министра внутренних дел Столыпина.

Вот почему так поздно возвращался в гостиницу «князь» Дадиани. Не за веселыми кутежами проводил он ночи, а в лабораториях Технологического института, где под руководством «Никитича», старого знакомого еще по Кавказу, Леонида Борисовича Красина, добросовестно изучал новое дело. Кстати, Красин и был одним из изобретателей мощной бомбы.

Стройный, с высоким выпуклым лбом, чуть раскосыми выразительными глазами и небольшой густой бородкой, Леонид Борисович всегда был неизменно бодр и весел. Он поминутно шутил, смеялся.

С его легкой руки Камо в лаборатории стали называть «князем». Молодых подпольщиков забавляло, как этот человек, слава о котором докатилась с далекого Кавказа до Петербурга, застенчиво и добродушно отшучивался, ни на минуту не отрываясь от своего опасного дела.

В столовой Технологического института за день бывало много народу. Там привыкли ко всяким посетителям. И это было очень удобно: никто не привлекал пристального внимания, и каждый в этой пестрой толпе был занят собой. Поэтому здесь большевики устроили явку.

Здесь можно было встретиться с нужным товарищем или получить его адрес, принять задание центра и передать все необходимое в комитет.

Уже на второй день появление Камо в столовой не вызывало ничьих упорных взглядов. В институте были студенты с Кавказа, ходившие в таких же необычных костюмах.

Знали, что это какой-то увлекшийся химией отпрыск знатного грузинского рода. Он прибыл в Петербург, чтобы пополнить свои знания и приобрести практический опыт. Все это было правдой, кроме знатного происхождения.

Кто знал «князя» поближе, рассказывал, что огромные виноградники, которые принадлежат отцу этого тый в светлую черкеску, и держал в руке круглый предмет, завернутый в салфетку.

Он прошел к крайнему столику, за которым пили кофе две скромно одетые женщины.

Это были Надежда Константиновна Крупская и ее подруга.

Камо поздоровался с ними и развернул салфетку. Все заулыбались, потому что завернут в ней был небольшой арбуз.

Камо подсел к столику и положил на стол еще сверточек.

— И вот,— сказал он застенчиво,— товарищи говорили, что Владимир Ильич их любит,— это засахаренные орехи. Тетка вам посылает...

Поблагодарив за гостинцы, Надежда Константиновна вполголоса сказала:

— Владимир Ильич ждет вас в пятницу утром.

Когда кавказские большевики посылали Камо в Петербург, они дали ему маленький бурдючок с красным кахетинским вином. Бурдючок был не простой: у него была двойная шкурка, а между шкурками надежно спрятана полная информация о работе на Кавказе, планы на будущее. Там же были записаны все вопросы, на которые ждали ответа от Ленина в Тифлисе и Баку.

— Квитанцию принесешь мне... Я буду в буфете...

молодого человека, нуждаются в химической защите от вредителей. Такое средство «князь» и пытается создать в местной лаборатории.

И это было похоже на правду.

К нему привыкли. И все-таки однажды, когда Камо вошел в столовую, все, кто был там, одновременно с любопытством посмотрели на него.

Камо шел легкой, неслышной походкой, затяну-

С лета 1906 года Ленин жил в «ближней эмиграции» — в Куоккале.

Нескладная большая дача, носившая странное название «Ваза», служила приютом для многих революционеров. Дверь ее никогда не запиралась. На столе каждую ночь оставлялись кринка молока и краюха хлеба, а на диване стелилась постель на тот случай, если кто-нибудь неожиданно приедет из России.

Сколько ни приходилось потом Камо встречаться с Владимиром Ильичем, он всегда помнил эту первую встречу в небольшом дачном финском поселке.

Особенно запомнилось ему, как смеялся Ильич, узнав, что «странная штука», которую привез Камо,— это бурдюк с вином, а ни он, ни Камо вина не пьют, и финнам его не подаришь: у них на этот счет очень строго.

— Ай-яй-яй! Опытный конспиратор, наблюдательный подпольщик, проницательный человек — и вдруг такая промашка!

Владимир Ильич подробно расспрашивал Камо о том, что делается в Закавказье, какие формы принимает движение, как ведут себя меньшевики.

Вопросов у него было много.

Камо вскоре совсем освоился. Без всякой скованности рассказывал он о Тифлисе, о Михо Бочоридзе, о побеге группы товарищей из Метехской тюрьмы.

Владимир Ильич незаметно и умело направлял разговор.

Потом он хитро покосился на лежавший в углу бурдюк и опять расхохотался:

— Вот беда-то с непьющими, а? Но это ничего. Мы сейчас чайку заварим. А потом вы мне покажете «второе дно» этой штуки...

Он быстро встал, привычно накрыл на стол: видно, не раз ему приходилось это делать,— прихватил из буфета чайник и вышел на кухню.

Камо часто рассказывал товарищам о том, как он был у Ленина:

— Как счастлив был я, что познакомился наконец с Владимиром Ильичем! Смеется, как ребенок! Ты слышал когда-нибудь, как смеется Владимир Ильич?

«Князь» Дадиани уезжал в Тифлис.

Камо уже порядком надоела светская жизнь. С тем, что нужно было изображать избалованного князька, он еще мог примириться, но те «светские приличия», ради которых ему приходилось тратить партийные деньги, приводили его в неистовство.

Теперь, после встречи и разговора с Ильичем, можно было уезжать.

К сверкающему чисто вымытыми стеклами подъезду гостиницы бесшумно подкатывает на дутых шинах богатый экипаж.

Белые сытые лошади нетерпеливо перебирают ногами.

Служители выносят из подъезда сундук и осторожно устанавливают его. Следом стремительно выходит «князь». Он возбужден, взволнован и, вероятно, потому рассеян. Швейцар с удивлением смотрит вслед покатившему экипажу: в руке у него вместо обычного щедрого вознаграждения простой медный пятак. Он и не догадывается, что «князь» не ошибся, а просто решил начать экономить.

Покачиваясь на мягких рессорах, катит экипаж по петербургским улицам. Светит солнце, и его неяркое, робкое тепло немного напоминает раннюю тифлисскую зиму.

Камо рад этому неожиданному теплу, но мысли его заняты серьезным вопросом: как лучше и надежнее всего довезти сундук до Тифлиса? Много было дано хороших советов, много планов придумал он сам, но ни один из них не кажется ему вполне безопасным.

Экипаж подкатывает к вокзалу.

Развалясь на кожаных подушках, Камо видит стоящего возле дверей жандарма. Решение приходит мгновенно. Чуть приподнявшись, Камо манит жандарма к себе.

Белая черкеска, блестящие на солнце золотые погоны и аксельбанты действуют безотказно: жандарм подбегает, приложив руку к козырьку.

— Послушай, любезный,— говорит Камо, лениво растягивая слова.— Вот тебе на чай, сдай мои вещи по этому адресу...

Изящным золотым карандашиком, висящим на витом шнурке, он пишет адрес.

— Квитанцию принесешь мне... Я буду в буфете. Только осторожнее, пожалуйста, здесь хрусталь, севрский сервиз, фарфоровые безделушки... Сам понимаешь, голубчик...

Он соскакивает с экипажа и твердым, уверенным и неторопливым шагом проходит через залы на перрон.

Медленно идя по перрону, он видит на стене большую доску с железнодорожными правилами. На глаза попадается выделенное белыми буквами:

«Запрещается перевозить в виде багажа вещества огнеопасные или могущие причинить вред багажу других пассажиров или железной дороге...»

— И всему поезду, и всей железной дороге, и всей Российской империи,— шепчет Камо и, улыбнувшись, проходит в буфет...

Дым над площадью

Очень скоро все, чему научился «князь» Дадиани в Петербурге, пригодилось Камо в Тифлисе.

Хотя первая русская революция и потерпела поражение, большевики не собирались сдаваться.

Но для того, чтобы покупать оружие боевым рабочим дружинам, чтобы устраивать подпольные типографии и снабжать их бумагой, чтобы устраивать побеги арестованных товарищей и скрывать за границей тех, кому грозила наибольшая опасность,— для всего этого нужны были деньги.

Эти деньги, необходимые революции, нужно было как-то добывать. И вот такое задание получила тифлисская боевая дружина, которой руководил Камо.

Вернувшись из Петербурга, Камо снял квартиру в Сололаках, самом богатом районе Тифлиса. В квартире он поселил двух молоденьких девушек: Сашу и Анету — членов подпольной организации.

Тифлисские девушки любили проводить свободные часы у раскрытого окна. Особенно вечером, когда спадает дневная жара и заботливый дворник польет из лейки плиты тротуара. В эти часы в город прилетают веселые ветерки с горы Мтацминда и начинает тянуть прохладой от Куры.

Облокотившись о ковровые подушечки, положенные на подоконник, девушки разглядывают прохожих, вырядившихся для вечерней прогулки богатых дам, с живым любопытством вникают во все уличные сценки и происшествия — словом, полностью живут пестрой жизнью улицы.

Поэтому никого не удивляло, что Саша и Анета тоже все время торчали у окна, хотя они делали это не из простого любопытства. Вскоре они узнали до мелочей весь распорядок жизни на улице: и когда сменяются городовые на углу, и когда проезжает обедать полицмейстер, и куда направляются после службы чиновники городского банка.

Случалось, что к подъезду подкатывал фаэтон и из него выпрыгивал и быстро входил в просторный подъезд с решетчатыми дверьми и мраморными ступенями то казачий офицер, то франт в отличном костюме и с тросточкой, то молодой прапорщик.

Тогда девушки отходили от окна, и оно задергивалось занавеской.

В каком бы костюме ни подкатывал к дому незнакомец, сняв пенсне, парик или отодрав усики, он неизменно оказывался Камо.

Смеясь и шутя, называя девушек «заждавшимися невестами», он быстро раскладывал по тайным шкафчикам оружие и бомбы, которые всегда привозил с собой в небольшом чемоданчике или саквояже.

Квартира эта служила тайным складом.

Казалось, все уже было готово к той операции, которую задумал Камо, как вдруг он исчез. Не было его два дня, четыре, неделю...

Девушки не знали, что думать, что предпринять. Их адреса никто, кроме Камо, не знал. А им самим он не позволял никуда выходить из этой квартиры.

Что делать? Неужели Камо схватили жандармы? Ведь за ним так усиленно охотились последнее время.

Наконец девушки решились нарушить приказ Камо и отправились к его тетке, чтобы поговорить с сестрой его Джаваирой.

Вести были печальны: в лаборатории произошел взрыв. Осколки бомбы разорвали Камо кисть, обожгли предплечье и, главное, сильно повредили левый глаз.

Камо мучился от боли, но никому не хотел показать, как он страдает. Самое страшное было то, что на глазу у него появилось белое пятно.

— Если у меня не было раньше «особых примет», то теперь появились,— с грустью говорил он.

Когда ему передали, что весь Тифлис полон слухами о том, что готовится крупное нападение на городской банк, полиция встревожена и филеры носятся по городу, Камо улыбнулся и сказал:

— Что ж... Не будем их разочаровывать, раз они этого так ждут!

Лето в Тифлисе жаркое. Томящий зной начинается уже с утренних часов, и раскаленные камни городских улиц хранят его до самого вечера. Даже ночью, если коснуться рукой каменной стены дома, можно почувствовать ее тепло.

Каждый с утра спешит закончить свои дела, чтобы до наступления предобеденного зноя улечься на тахте в комнате с распахнутыми дверьми и окнами, прикрытыми плотными ставнями.

Не было ничего странного в том, что в один из июньских дней 1907 года залитая ослепительным солнцем Эриванская площадь была почти пустынна.

Лишь в центре площади, вокруг караван-сарая Тамамшева, возле которого светились, как раскаленные, бронзовые статуи грифонов, собирались редкие группы горожан. Они судачили о чем-то в тени полосатых полотняных козырьков, защищавших от солнца витрины магазинов. Публику отпугивал вид площади: по ней прогуливалось несколько приставов с помощниками, а перед городской управой стояли вооруженные до зубов казаки.

Эриванская площадь — центр, от которого лучами разбегаются улочки. В начале каждой улочки стоят городовой и два казака. И все они вооружены винтовками: наместник вновь объявил город на военном положении.

И все-таки здесь, в центре города, несмотря на такую охрану, разыгрались события, о которых долго еще говорили не только в Тифлисе, но и по всей России.

Дело в том, что Камо сразу же, как зажили его раны, разработал подробный план экспроприации крупной суммы денег, необходимой для партийной работы.

Он всегда быстро сходился с людьми и теперь познакомился с чиновником из банка, робким человеком. Этот чиновник подробно рассказывал Камо и о своих делах и о служебных. От него Камо узнал, что наиболее крупные суммы направляются через тифлисский банк к чиатурским копям. Однако Камо интересовал Тифлис, вернее, перевозки по Тифлису. И вот однажды чиновник сообщил, что крупная сумма получена и будет направлена из почтовой конторы в банк. Это он знал от самого кассира.

Камо выбрал место, где все должно было произойти,— Эриванскую площадь.

Несмотря на то, что площадь усиленно охранялась, она была наиболее просторным, хорошо просматривающимся местом. Здесь было меньше случайного народа—значит, могло быть меньше случайных жертв.

Вся боевая группа Камо заранее распределила обязанности. Каждый знал, кто он: «девушка с зонтиком», «читающий чиновник», «любопытный кинто». Каждый точно знал, что ему следовало делать. Обдуманы были и те осложнения, которые могли бы возникнуть во время операции.

Главный расчет был на внезапность нападения и стремительность действий.

Итак, в субботу 13 июня 1907 года на центральной площади Тифлиса развернулись события, о которых подробно рассказывали потом многие тома дознаний полицейского управления.

Утром на площади появился бравый молодой офицер. Он уговаривал гуляющих перейти к караван-сараю или на другую сторону площади.

— Здесь не велено останавливаться... Сами понимаете, господа, нынешнее положение... Прошу пройти...

Тифлисцы привыкли за последнее время ко всему и безропотно выполняли эту просьбу. Жандарм, заметив усилия офицера, тоже следом за ним принялся отсылать всех прохожих на другую сторону площади. Это усердие не прошло мимо внимания офицера.

— Продолжай в том же духе, голубчик...— сказал он поощрительно и направился в одну из улочек, в конце которой стоял одинокий фаэтон с дремавшим на козлах извозчиком.

Минут через десять после этого на улице, огибавшей Пушкинский сквер, послышался цокот копыт и показались два верховых казака.

Молоденькая девушка в шляпке, разгуливавшая вдоль скверика и до этого, казалось, внимательно оглядывавшая розовые кусты, подняла небольшой яркий зонтик и раскрыла его. Это движение заметил молодой человек с костылем, стоявший возле афишной тумбы, он достал портсигар и стал, не торопясь, закуривать. В то же мгновение из маленькой бакалейной лавочки вышел чиновник и торопливо, на ходу разворачивая газету, пошел по площади. Это не скрылось от внимания молодых людей, сидевших за столиком у широкого окна небольшого ресторанчика «Тилипучури». Они одновременно поднялись и вышли на улицу. Двое из них направились к зданию городской управы и, о чем-то договариваясь, остановились против казаков, стоящих у подъезда. Двое оставшихся стали закуривать на углу улочки, в конце которой дремал одинокий извозчик. Любят в Тифлисе, посидев часок — другой в ресторане, поговорить еще потом на углу улицы или возле подъезда. Еще несколько человек появилось в разных концах площади, где уже гостеприимно раскрыли двери маленькие магазинчики и большой подъезд караван-сарая.

Парень в черной косоворотке в одно мгновение подскочил к фаэтону...

Но, что бы ни делал каждый из них: разглядывал ли афишную тумбу, покупал ли газету у мальчишки или любовался цветастой витриной ювелирной лавки;— каждый видел все, что делалось на площади.

Верховые казаки миновали здание духовной семинарии и сквер. За ними ехал фаэтон. На синих подушках его лежали два небольших холщевых мешка, и два чиновника придерживали мешки руками. Сбоку гарцевал казак. Два солдата и стражник, стоявший одной ногой на подножке, ехали в следующем фаэтоне. Последними скакали еще два казака.

Цокот копыт слышался уже громко, как колокольный звон. Или, может, так казалось тем, кто внимательно следил за каждым движением экипажей и стражи.

Начали бить часы на башне городской управы.

Юноша с курчавой шапкой волос, в черной косоворотке, отделился от киоска, прислонившись к которому он стоял, сделал шаг вперед и взмахнул рукой. В тот же миг раздался страшный грохот и несколько клубов желтого дыма повисло над площадью. Затрещали револьверные выстрелы, сливаясь со звоном посыпавшихся от взрыва стекол.

Ошеломленные казаки и полицейские бросились кто куда, лишь бы быть подальше от этого страшного места.

Лошади, запряженные в фаэтон, в котором находились мешки, обезумев от взрывов, рванулись влево и помчались через площадь. Оглушенные извозчик и чиновники попадали на мостовую.

К фаэтону бросился молодой человек в сером пиджаке. Чтобы остановить фаэтон, он швырнул бомбу к ногам лошадей. Бомба разорвалась. Снова все вокруг окуталось дымом, сквозь который можно было разглядеть неподвижный фаэтон и юношу, отброшенного взрывом к центру площади. Его товарищ в черной косоворотке в одно мгновение подскочил к фаэтону и, схватив мешки, бросился бежать.

Из маленькой улочки вылетел фаэтон. Во весь рост стоял в нем офицер в белом, неистово ругался и стрелял в воздух.

Парень в косоворотке услышал выстрелы и оглянулся. Он подхватил мешки поудобнее и повернул навстречу фаэтону. Бросив мешки в экипаж, он ловко вспрыгнул на подножку. Офицер подхватил его свободной рукой, и фаэтон, свернув в переулок, мгновенно скрылся.

Над опустевшей площадью проплывал дым, в булыжнике мостовой зияли черные вывороченные ямы, в осколках стекла поблескивало солнце, и возле исковерканного фаэтона валялась убитая лошадь.

Никто не решался выйти из подъезда, выглянуть в окно, хотя многие окна силой взрывов были распахнуты настежь.

Через полчаса площадь оцепили войска.

Один за другим входили участники операции в квартиру Михо Бочоридзе. Условлено было встретиться здесь.

Камо, в белой офицерской форме, вместе с другими товарищами приехал позже. Ехали кружным путем, чтобы твердо убедиться в том, что за ними нет погони.

Собрались все, не было лишь Бачуа, весельчака Бачуа, того самого парня в светлом костюме, который швырнул бомбу в мчавшихся лошадей. Никто не видел, куда он делся после этого.

Приподнятое, бодрое настроение как-то сникло. Всем вдруг представился Бачуа — живой, смеющийся.

Что с ним сейчас?

Вдруг дверь отворилась, и в комнату вошел Бачуа. Он еле держался на ногах и тут же свалился на тахту.

Камо чуть не пустился в пляс от радости, когда увидел его.

— Нас и смерть, видно, боится! — смеясь, говорил он.

Вновь все повеселели и энергично взялись за дело.

Мешки вспороли и пачки денег аккуратно зашили в новый, специально приготовленный тюфяк.

Маро Бочоридзе, одетая в светлое пестрое платье, с ярким зонтиком в руках, похожая на обыкновенную тифлисскую купеческую дочку, на улице наняла мушу — носильщика.

Ничего не подозревавший муша снес на своей спине двести пятьдесят тысяч рублей в надежное место.

Разъяренные полицейские и шпики, рыскавшие по всему городу, даже не обратили внимания на эту обычную для Тифлиса картину: девушке поручили купить тюфяк, она выполнила родительский наказ и идет под зонтиком, изнывая от жары, за неторопливо шагающим вперевалку мушой.

Ничего не подозревавший муша снес на своей спине двести пятьдесят тысяч рублей...

Больной № 38

В хмурый ноябрьский день 1907 года на одной из берлинских улиц — Эльзасштрассе — два дюжих шуцмана подошли к молодому, скромно одетому человеку и приказали ему следовать за ними.

Молодой человек знаками показал, что он не понимает, о чем они говорят, и вытащил свой паспорт.

В паспорте было указано, что выдан он австро-венгерским консульством в Тифлисе Дмитрию Мирскому, страховому агенту, направляющемуся в Галицию.

Шуцманы повертели паспорт, остановили экипаж и предложили прохожему отправиться с ними в полицейское управление.

Там арестованный увидел свой чемодан. Значит, на квартире у него уже успели сделать обыск.

Содержание чемодана показалось очень подозрительным берлинскому полицей-директору. Во-первых, чемодан был с двойным дном — это уже криминал! Во-вторых, в потайном отделении оказались электрические запалы с зарядом взрывчатки, электродвигатель для производства взрывов на расстоянии и большое количество нелегальной литературы на русском языке.

Очень скоро берлинская полиция узнала, кто попал в ее руки. В Петербург послали фотографию арестованного, и уже через неделю стало известно, что настоящий Дмитрий Мирский живет в Тифлисе и никуда не выезжал, а задержанный в Берлине человек не кто иной, как давно разыскиваемый русской полицией революционер, известный под кличкой «Камо».

Полиция на этот раз была хорошо осведомлена. Камо поместили в берлинскую тюрьму Моабит.

Он знал, что партия сделает все, чтобы спасти его от суда, а значит, и от смерти. К смертной казни его могли приговорить за любое из совершенных им дел, за каждое в отдельности.

В тюрьме он твердо решил, что не сдастся. Он будет бороться.

Потом он вспоминал об этом так:

— Надо было! Спасал себя, считал полезным революции.

По поручению партии в Берлин приехал Красин — «Никитич», старый знакомый Камо еще по Кавказу.

Он был у Камо в тюрьме несколько раз, и они вместе придумали план, который Камо вскоре стал выполнять.

В то же время другой большевик, Лядов, связался с Карлом Либкнехтом и попросил его организовать защиту Камо.

Немецкий коммунист Либкнехт возглавлял тогда большую адвокатскую контору. Он послал защищать Камо адвоката Оскара Кона.

Оскару Кону тоже понравился план Камо.

Что же это был за план? Что решил делать Камо?

Однажды утром бетонный коридор тюрьмы вдруг огласился истошными воплями. В одной из камер поднялся страшный стук и грохот.

Заключенный что-то вопил на непонятном языке, дико вращал глазами, подскакивал на ворохе сброшенной одежды и пытался разорвать зубами плотную арестантскую рубаху.

Когда в камеру вбежали тюремщики, в них полетела оловянная посуда.

Заключенный схватил надзирателя за горло и ожесточенно стал его избивать.

Это кончилось тем, что его скрутили, изорвав на нем белье, и бросили в подвальную темную камеру, где все стены были покрыты инеем и не было даже нар.

Леденящий, пронизывающий холод охватил тело, заныли суставы, и свело пальцы. Чтобы хоть как-нибудь уберечься от холода и простуды, заключенный бегал без передышки по камере и прыгал.

Так прошло девять дней.

— Что с ним? Сошел с ума? — недоумевало тюремное начальство.

Нет, не совсем так. Камо решил притвориться сумасшедшим. Душевнобольного, во-первых, нельзя судить, во-вторых, нельзя содержать в тюрьме. Ну, а если его переведут из тюрьмы в больницу, то уж там он всегда найдет способ выйти на свободу.

Но притвориться сумасшедшим очень трудно. Человек должен все время быть начеку, все время следить за собой, все время делать то, чего не делает нормальный человек, и все время помнить о том, что за ним внимательно следят и даже записывают все, что он говорит и делает.

Сколько же может человек притворяться? День, неделю, месяц? Это в то время, когда его каждый день осматривают специалисты, задают каверзные вопросы, ставят опыты, напоминающие жестокие пытки.

Врачи по опыту знают, что, решившись на такое дело, люди выдерживали до двух месяцев, не больше, а потом либо переставали притворяться, либо на самом деле сходили с ума.

Но Камо заставил поверить в свое сумасшествие — суд над ним перенесли, а его перевели в берлинскую городскую больницу «Бух».

Врачи каждый день записывали все, что делал больной:

«Буйствовал. Стоит в углу, не отвечает.

Разделся, не отвечает ни на один вопрос.

Вздыхает и стонет, отказывается от приема пищи.

Приходит, распевая песни.

Больной говорит неустанно и непонятно. На вопросы не отвечает, очень боязлив, прячется при малейшем прикосновении, убегает, когда его хотят исследовать.

Согласно донесению, держит себя очень шумно, пел берлинские уличные песни, заявил, что он Наполеон, что он доктор, что он выпил 10 миллионов литров водки.

Отказывается от принятия пищи. Безостановочно производит левой рукой однообразные движения.

Вырвал себе часть усов, желая послать волосы на память своим товарищам».

Доктор, видевший всякое за свою долгую медицинскую практику, увидев, как Камо вырвал себе усы, всплеснул руками и воскликнул:

— Шреклих!

По-немецки это значит «ужасно». Он так и повторял это слово, пока заполнял эту страничку в книге. Он уже ни минуты не сомневался в том, что этот «странный русский» сошел с ума.

«Выпил сегодня молоко, когда ему сказали, что оно содержит яд.

Отказывается уже третий день от приема пищи. На вопрос: «Почему не едите?» — отвечает: «Умер».

Пытался перекусить артерию левой руки...»

Врачи, наблюдая Камо, определили его болезнь как расстройство кожной чувствительности. И вот они решили проверить, правда ли то, что он не чувствует боли...

Надзиратели привели Камо в просторный светлый кабинет, усадили в специальное кресло и привязали.

Несколько человек в белых халатах подошли к нему. Стали щупать его, щекотать, постукивать по ногам. Один поднес к лицу его зеркало.

Впервые за много дней Камо увидел себя: худой стал, обросший, глаза сверкают...

Он оскалил зубы. Врачи переглянулись. Плюнул в зеркало. Снова переглянулись, и один кивнул головой: дескать, достаточно. Еще бы, человек забыл себя, забыл, как он выглядит!

Врачи переговаривались вполголоса, по-немецки:

— Надо попробовать механические способы. Метод физического воздействия...

Зазвенели приготовляемые инструменты, запахло спиртом от зажженной спиртовки.

Отвернули голову в сторону, жесткие пальцы сдавливали скулы. Врач наклонился к нему, внимательно глядя в глаза.

«Что они готовят? Надо быть настороже...» — подумал Камо, и вдруг адская боль прошла от ногтей по всему телу. Он понял, что какие-то острые предметы всадили ему под ногти. Боль, казалось, застряла в позвоночнике, затылок обдало жаром, и противный комариный писк повис над ушами.

Он все время помнил одно: никакой боли нет, он ее не чувствует, нельзя показывать им, как ему больно... Нечеловеческим усилием воли заставил себя Камо усидеть на месте, не шелохнувшись.

Врач внимательно вглядывался в его зрачки, не отпуская головы.

— Непонятно...— бормотал он.— Непонятно... Боли как будто не ощущает, а зрачки реагируют на боль, расширяются... Значит, он должен ее фиксировать! Как же так?

Камо чувствует, как иголки вытаскивают из-под ногтей. Боль горячей волной прокатывается по спине, тяжело стучит кровь в висках.

Жесткие руки отпускают его голову. Он поворачивает лицо и видит, как на спиртовке накаляется какой-то блестящий прут. Конец его уже стал прозрачно-красным.

Чужие пальцы снова сжимают его скулы и отворачивают лицо в сторону.

О, с каким наслаждением он бы двинул кулаком в это розовое, холеное лицо, в эти внимательно и неотрывно глядящие на него голубые глаза! Где он видел такие яркие и холодные голубые глаза с черной точечкой посередине? Конечно же, они напоминают гусиные... Такие же круглые и жестокие.

В эту минуту что-то раскаленное касается его бедра и жжет, жжет, жжет невыносимо!

В комнате пахнет паленым мясом...

Нет, такой случай впервые встречается в долголетней практике врачей. Теперь они уже окончательно признают, что Камо действительно болен той болезнью, которую он решил изображать.

Это продолжалось два года.

Через два года немецкие жандармы, сговорившись с русскими, потихоньку, воровски привезли Камо на маленькую пограничную станцию и в серый, слякотный день торопливо передали его русской полиции.

Под усиленным конвоем препровождали Камо в Тифлис, и пока его везли, начальники всех жандармских управлений телеграфировали друг другу: сегодня был там-то, направлен туда-то, о прибытии в вашу губернию прошу уведомить меня телеграммой...

Жандармы боялись, что Камо убежит по дороге. Его хотели судить в Тифлисе. Хотели устроить большой, шумный процесс, чтобы привлечь к делу многих кавказских революционеров и засудить их вместе с Камо.

Но открытый суд не состоялся. Те, кто готовил его, испугались огласки: ведь все западные демократические газеты с возмущением писали, что в России собираются судить больного человека. И власти, воспользовавшись тем, что Тифлис был объявлен на военном положении, передали дело в военно-полевой суд. Этим они заранее определили для Камо смертный приговор.

Камо вытащил из-за пазухи воробья...

Камо привезли на суд.

Он решил продолжать свою борьбу. Он стоял перед судьями в мятом арестантском наряде, словно не понимая, зачем он здесь, что это за военные люди сидят перед ним и почему вообще здесь столько народу.

Потом он перестал обращать внимание на то, что делалось вокруг. Вытащил из-за пазухи воробья, кормил его хлебным мякишем, ласкал и разговаривал с ним. А на вопросы судей отвечал нехотя и так, что ничего нельзя было разобрать.

— Где вы учились?

— Не знаю, был за границей, теперь хочу убить кандалы, построить памятник, собрать все кандалы и сверху кирпич. Где я был, нигде кандалов не видел...— И тряс при этом звенящими цепями кандалов.

— Кто около вас стоит?

— Солдат. Он меня охраняет, чтобы ничего у меня из кармана не украли и чтобы Петьку никто не обидел...— Показывал при этом на своего воробья.— У меня теперь хорошая комната в тюрьме. Покрашенная. И служитель—хороший человек. Я его хочу кучером к себе взять, у меня много лошадей в горах...

Два штаб-офицера, сидевшие за зеленым судейским столом, недоумевали. Это же больной человек! Честь не позволяет им судить и приговорить к смерти больного человека. И они сказали об этом председателю суда.

Суд вынес решение: дело приостановить ввиду того, что подсудимый нуждается в длительном лечении.

Судьи также постановили, чтобы Камо перевели из Метехской тюрьмы в тифлисскую Михайловскую больницу.

Нового больного записали в книге под номером «38».

Мало чем отличалась больничная комната от тюремной камеры. То же небольшое окно с решеткой, железная жесткая кровать, жидкая подушка с провонявшими перьями и одеяло солдатского сукна, пахнущее карболкой. Пол, правда, деревянный; если босиком стоять, не холодно.

Как и в тюрьме, руки и ноги закованы в кандалы. Ключ от комнаты у специально приставленного служителя. Над ним еще надзиратель, дежурящий в коридоре. В отделении неотлучно торчат городовые. А охраной здания снаружи ведает сам пристав.

И вот, несмотря на все это, записи о поведении больного № 38, Симона Тер-Петросова, доставленного конвоем из Метехской тюрьмы, обрываются на следующем:

«Испытуемый в 4 часа пополудни, во время чая, просился в клозет, дежурный служитель выпустил его из камеры и проводил его, а сам вернулся в камеру другого беспокойного больного, который стучался в дверь. Когда же понесли чаю Тер-Петросову в камеру, то его не оказалось ни в камере, ни в клозете. В этот промежуток времени он исчез из отделения».

Это случилось в августе 1911 года, почти через четыре года после того, как два немецких шуцмана остановили Камо на Эльзасштрассе.

Почти четыре года играл он сумасшедшего, ни на минуту не теряя ясности мысли...

Парижский рассказ

В Батуме на отходящий пароход взошел неразговорчивый и, по-видимому, очень набожный турок. Полицейские, осматривавшие пароход перед отплытием, без должного внимания отнеслись к рыжебородому пассажиру. А он, сосредоточенно шевеля губами и перебирая четки, прошел по палубе и спустился в трюм. Впрочем, если бы и остановили его, он показал бы паспорт и документы, удостоверяющие, что он возвращается на родину.

По пути пассажиры часто менялись, появилось много новых людей, и вряд ли кто-нибудь помнил, кто отплывал на пароходе из Батума.

Когда солнечным утром корабль пришвартовался в Марсельском порту, с него вместе с другими пассажирами сошел бледный черноволосый человек в черном пиджаке, белых брюках и соломенной шляпе. Багажа с ним не было никакого. Спустившись на берег, он, не торопясь, огляделся и уверенной походкой направился в город.

Через день этот человек был уже в Париже. Он спешил: ему нужно было как можно скорее попасть на окраинную улицу Мари Роз.

И вот Камо сидит против Владимира Ильича в маленькой светлой кухне, которая служит здесь гостиной. Самые долгие и самые задушевные беседы ведутся именно за этим простеньким столом, покрытым дешевой клеенкой.

За окном сине. Вечер. Распахнутые жалюзи задевают густые ветви жасмина и сирени, растущие в маленьком садике за домом.

И снова перед глазами Камо внимательное, серьезное лицо Ильича, его знакомый прищуренный взгляд.

Надежда Константиновна в углу занимается хозяйственными делами. Изредка подойдет к столу, улыбнется ласково и пододвинет вазочку со специально купленным для кавказского гостя миндалем.

Рассказывать о себе трудно, Камо не особенно это любит, но Владимир Ильич просит его рассказывать все «архиподробно», со всеми мелочами и деталями.

И Камо, потирая непривычно гладкое, впервые за последние четыре года чисто выбритое лицо, рассказывает обо всех событиях, приведших его в Париж...

После того, как заседатели военно-полевого суда отказались судить его и суд постановил перевести его в больницу, Камо понял, что шансы на побег увеличились. Правда, режим психиатрического отделения Михайловской больницы мало отличался от тюремного, но Камо стал внимательно присматриваться к надзирателям, приставленным следить за ним.

Он умел привлекать людские сердца.

Однажды в июльский полдень в дверь дома, где жили сестры Камо — Джаваира и Арусяк,— позвонили. У двери стоял нескладный угрюмый человек и исподлобья смотрел на открывшую ему дверь Арусяк.

— Вам кого?

— Мне нужно видеть Джаваиру Тер-Петросян.

Арусяк пригласила незнакомца в комнату и попросила его немного подождать.

Джаваира вошла в комнату стремительно, нервно потирая руки. Она словно догадывалась, что этот визит связан с Камо. Человек полез за бумажником и достал из него записку. Знакомым почерком, по-грузински, в ней было написано:

«Не думаете ли вы, что я действительно сумасшедший? Я симулирую, меня мучат, страдания становятся невыносимыми. Спасение в побеге. Не хочу умирать в тюрьме, постарайтесь организовать побег, хочу еще поработать на пользу пролетариата».

Джаваира вспомнила, как умел организовывать побеги сам Камо. Вспомнились почему-то и его постоянные шутливые перебранки с дядей, крупным тифлисским купцом, владельцем караван-сарая, который ворчал:

— Зачем тебе все это нужно? Чего тебе не хватает? Что тебе, есть нечего?

— Другим нечего есть, дядя,— серьезно отвечал Камо.

— Э-э, поистине, «кому бог дал плов, а кому аппетит»,— ворчал дядя и отправлялся на собственном фаэтоне в губернскую тюрьму с большими посылками, в которых оказывались сахарные головы, колбасы, сыр... Этой передачи камерам политических хватало на несколько дней.

Камо смеялся, что он даже буржуя-дядю заставляет работать на революцию.

— Да, да,— говорил дядя.— У человека дом горит, а он радуется тому, что немного греется у огня...

Через неделю после визита угрюмого человека у Камо уже было четыре пачки отличных английских пилок и веревка. Все это он спрятал у себя в матрасе.

Бежать Камо решил через окошко в уборной. Для этого надо было перепилить на нем решетку.

Началась напряженная, кропотливая работа.

Прислушиваясь к малейшему шороху, прижавшись плечом к железу, чтобы оно не скрежетало, медленно водя пилкой, трудился он изо дня в день. Страшными усилиями всех мышц он словно старался подавить визг металла, нечаянно раздававшийся в тишине. Вдруг услышит надзиратель в коридоре или полицейский, стоявший внизу под окном? Тогда все пропало!

Пилки не выдерживали и ломались одна за другой.

Пропиленные места, чтобы они не были заметны, Камо замазывал хлебным мякишем и затирал ржавой пылью. Блестевшие вокруг опилки тщательно сдувал...

По ночам надзиратели играли в карты и мало обращали внимания на своих подопечных. Это очень ускорило работу.

В палате он перепилил и кандалы. Пилил под одеялом, чтобы заглушить скрежет, а к глазку, в который мог заглянуть надзиратель, обращал бессмысленный блаженный взор. Перепиленные кандалы скрепил проволочкой от лимонадной бутылки, оброненной кем-то в коридоре.

В окошке оставалось перепилить три прута. Ночью, когда он начал работу, сразу же поломалась пилка. Это была последняя...

Зажимая половинки в поцарапанных, исколотых пальцах, он пытался продолжать свою работу, но все было тщетно: обломки лишь царапали железо, не вгрызаясь в него.

Хватит ли у него сил отогнуть решетку с недопиленными прутьями?

С этой мыслью он вернулся в палату. Надо вы-

спаться как следует и беречь силы. Завтра решающий день. План побега разработан, товарищи ждут его.

Утром он не мог дождаться условленного часа. Каждую минуту подходил к окну и смотрел вокруг.

Кура катила свои желтые, мутные волны. По Верейскому мосту уже сновали люди, проезжали фаэтоны и, скрежеща на поворотах, спускался с горы трамвай.

Знак о том, что все готово к побегу и никто не мешает, должны были дать на том берегу с откоса возле моста.

Камо смотрел туда поминутно, но товарищ все не появлялся.

Уж не подвел ли их Брагин, тот надзиратель, через которого наладилась связь с сестрами? Он должен был, передав последнее письмо, уехать с ночным поездом в Кутаис. Может быть, он... Но в коридоре тоже все спокойно. Значит, никто ни о чем не знает...

Пробили часы. И тотчас же возле моста появился человек. Он или нет? Вот человек снимает фуражку и начинает отряхивать ее. Он!

Подан первый сигнал: «Быть наготове!» Теперь надо ждать второго: «Все спокойно, можно выходить!».

Но в эту минуту какие-то люди появляются на берегу и начинают не спеша прогуливаться. Товарищ, который вытащил было платок, чтобы взмахнуть им троекратно, снова прячет его в карман.

Кажется, что вокруг стоит напряженная тишина, хотя за окном шумный летний город, с его вскриками, песней, смехом, свистками, топотом... Но все это едва доносится сквозь стук крови в висках.

Камо продолжает всматриваться вдаль. И снова на берегу оживление. Появляется огромная собака. Она бегает под стенами больницы, и высокий человек в сапогах и белой рубахе навыпуск отдает ей приказания резким, властным голосом. Уж не полицейский ли агент?.. Вроде нет... Он швыряет в воду щепки, и собака бросается за ними вплавь, чтобы вернуть хозяину.

Игра продолжается долго... Камо видит, как нервничает на том берегу товарищ, как нетерпеливо начинает он прохаживаться, отшвыривая попадающие под ноги камни.

Он уже спускается по веревке все быстрее, быстрее...

Снова бьют часы. Щелкает дверь. Входит надзиратель, спрашивает о чем-то. Камо отходит от окна, мотает головой и садится в углу на пол. Надзиратель уходит...

Камо вновь подскакивает к окну. На берегу пусто, и он видит, как товарищ у моста встряхивает белый платок: один, второй, третий раз. Все. Можно начинать.

Он отчаянно стучит в дверь. Надзиратель скорее прибежит на такой стук, кроме того, соседний больной не переносит громкого стука. Он начнет теперь буянить у себя в комнате и отвлечет к себе на некоторое время надзирателей.

На некоторое время... И за эти считанные минуты Камо должен сделать все: сбросить с себя больничный халат, завернуть в него сорванные кандалы, отогнуть решетку (хватит ли сил?), привязать к окну веревку, которая обмотана вокруг пояса, и спуститься вниз.

Все идет как надо... Служитель ведет Камо по коридору и ворчит:

— Вот уж заладил этот псих... Теперь полдня будет... Ты иди побыстрее, а я к нему вернусь...

Наконец Камо один. Он действует быстро. Он уже точно продумал каждое движение. Главное — решетка. Он берется за нее обеими руками, напрягается, и ржавое железо медленно отгибается, еще, еще... Надпиленный в одном месте прут с легким треском надламывается, и теперь перед Камо открытое небо — небо без решетки! Небольшой квадрат свободного неба!

Ловкие пальцы быстро связывают узел. Камо подтягивается, поводит плечами, протискиваясь в узкое окошечко, и вот уже чувствует, как ветер охватывает его напряженное, разгоряченное тело. Еще усилие, и ноги ощущают холодок шероховатой кирпичной стены.

Жжет ладони. Он уже спускается по веревке все быстрее, быстрее... Еще успевает взглянуть вниз... Вдруг сильный рывок, и он камнем летит на землю.

Земля влажная, поросшая редкой травой. Упал мягко. Он смотрит вверх. По стене раскачивается обрывок верезки. Камо быстро поднимается и идет к реке. Спускается в воду и вдоль берега пробирается вброд к мосту.

Август. Жаркое время. За мостом купаются мальчишки, мастеровые и просто прохожие, томящиеся от зноя. Вот и еще один — течением, видно, занесло его за мост — идет, раскачиваясь, хватаясь за берег. А может, это рыбак, потерявший сети?

Ему навстречу спешит товарищ с одеждой под мышкой, подает руку, помогает выбраться на берег.

— Черти, не могли хорошую веревку прислать! Гниль какую-то подсунули, чуть не убился! — хмуро говорит Камо вместо приветствия. Он надевает протянутую ему фуражку, накидывает легкий плащ и, стряхнув песок с ног, натягивает штиблеты.

Кругом спокойно и тихо. Все заняты своими делами. Можно идти. Камо берет товарища под руку.

— Ну, не сердись ты на меня! Целоваться-обниматься потом будем. Надо живо уходить отсюда.

Они сворачивают в один переулок, потом в другой, останавливают извозчика и едут дальше. Камо кажется, что город по-особенному наряден, светел. Ведь столько лет не ходил он по этим улицам!

Потом они едут на трамвае и снова в фаэтоне.

Через несколько часов весь город поднят на ноги. Беспрерывно звонят телефоны в полицейских участках, бегают по улицам переодетые полицейские. Возле больницы на берегу появились жандармы с собакой. От места, где упал Камо, собака уверенно пошла по следу к реке и здесь заметалась. Она возвращалась обратно, жадно нюхала следы, бросалась к воде, визгливо полаивала... След был потерян.

Тифлисский полицмейстер метал громы и молнии, стучал кулаком по столу, поминутно хватал телефонную трубку и распекал своих подчиненных за неповоротливость. Он приказывал немедленно разыскать государственного преступника Симона Аршаковича Тер-Петросяна и «в случае обнаружения арестовать его, уведомив о сем тифлисского губернатора и канцелярию наместника по особому отделу».

Тифлисский полицмейстер и не подозревал, что несколькими этажами ниже, в маленькой комнатке подвального помещения управления полицмейстера, спит на тахте, укрывшись плащом, тот самый государственный преступник, которого ищут во всех концах города.

Однако нельзя было злоупотреблять «гостеприимством» полицмейстера. Надо было уезжать. Но как это сделать, когда весь город извещен о дерзком побеге и все выезды находятся под усиленным наблюдением? Поездом выехать невозможно: вокзал кишит полицейскими агентами и шпиками.

Впрочем, жизнь идет своим чередом. Одни заботы и радости у полицейских чинов, другие радости, заботы и развлечения у молодых учителей, студентов и курсисток, которые каждый вечер съезжаются на окраине города, у начала Военно-Грузинской дороги, и затевают катание на велосипедах.

Место хорошее, тихое. От Куры тянет свежестью. Так приятно провести здесь несколько часов! Разгоряченные катанием, они присаживаются потом на траву и закусывают с веселым хохотом и шутками.

Солдаты, стоящие кордоном, привыкают к этой компании. Они уже просто ждут, когда появится эта веселая молодежь: все же развлечение, а то стой да проверяй каждую арбу, каждый фаэтон, каждого всадника или трусящего на ишаке крестьянина — вдруг да это переодетый государственный преступник, бежавший из тюрьмы!

И солдаты улыбаются в ответ на приветливые улыбки курсисток и даже иногда с увлечением смотрят, как проносятся мимо них, усиленно нажимая на педали, заядлые велосипедисты: «А ну, кто кого?»

Крикнут лишь вслед для порядка:

— Смотрите только, чтобы не за черту! За черту не велено!

Но люди привыкают к тому, что повторяется каждый вечер; это становится обычным, и поэтому не так уже строги крики:

— Смотрите, только до черты!..

И даже не очень интересно, кто победит в гонке.

Поэтому никто из охраны не замечает, что из семи промчавшихся наперегонки молодых людей только шесть возвращаются обратно и начинают беззаботно закусывать, в то время как седьмой — молодой, коренастый, с небольшими усиками, одетый в форму учителя,— скрывшись за поворотом, изо всех сил нажимает на педали.

Он не замечает, как проносятся один за другим верстовые столбы. К станции Мцхета он поспевает вовремя. Минут через пятнадцать слышен гудок тифлисского поезда, идущего в Батум.

— Вот и все, Владимир Ильич,— говорит Камо.— В Батуме пришлось еще раз перекрашиваться и переодеваться. Там я уже стал турком... Теперь много думаю: что мне делать? Куда идти, где я партии всего нужнее?

Владимир Ильич наклоняет голову и, прищурившись, смотрит на Камо. Он внимательно слушал весь рассказ, смеялся, особенно в том месте, когда Камо ругал товарища за гнилую веревку и когда он ночевал в подвале управления полицмейстера.

Временами он ловил себя на том, что ему остро жаль этого беззаветно смелого человека, детски наивного, с горячим сердцем, готового на великие шаги и теперь не знающего, за какую работу ему взяться. То, что предлагал Камо сейчас, было невероятно, фантастично.

— Вы фантазер! Вы удивительный фантазер, смелый и горячий,— говорил Владимир Ильич.— Снова мечтаете о сногсшибательных вещах, а сейчас, батенька, нужны нам дела простые, повседневные. Вам они могут даже показаться скучными, будничными. Налаживание транспорта с литературой, например... Могли бы вы за это взяться?

— Конечно, Владимир Ильич!

Потом Владимир Ильич долго расспрашивает Камо о сестрах, советует ему непременно сделать глазную операцию. Ведь по этому помутнению на глазу шпики будут безошибочно узнавать его. А после операции можно морем на юг и на Кавказ. Дела там найдутся.

— И, главное, берегите себя, вы нам очень, очень нужны... Наш дорогой «кавказский разбойник»...— заключает Ильич.

Было уже поздно, когда Камо спохватился, что сидит, не замечая времени, и отнимает это дорогое время у Владимира Ильича. Он стал прощаться. Завтра же он отправится в Марсель.

Ильич внимательно оглядел Камо.

— А в чем вы думаете ехать?

— Вот так...

— А есть у вас теплое пальто? Ведь так вам будет холодно. Как же ходить по палубе?

— В этом костюме тоже можно.

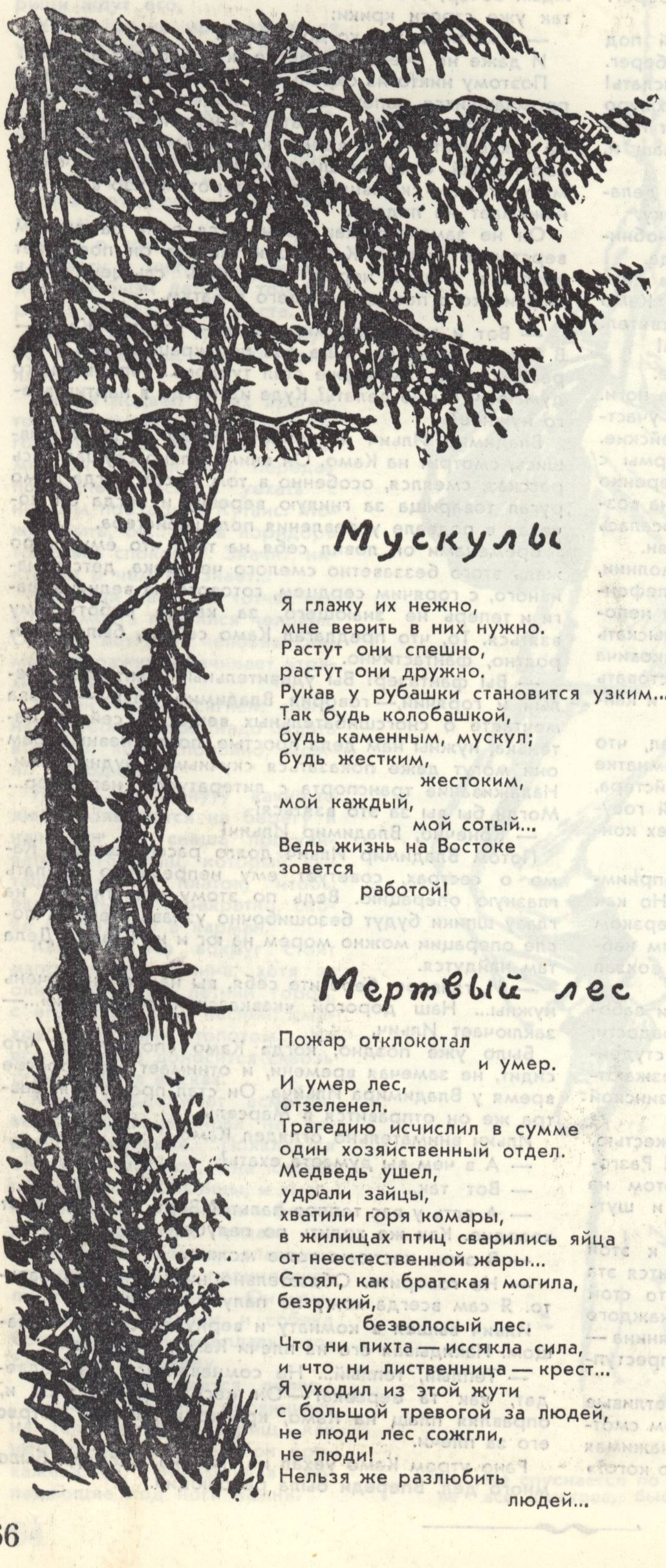
— Не говорите. Обязательно нужно теплое пальто. Я сам всегда хожу по палубе и знаю.

Ильич вышел в комнату и вернулся с серым плащом. Накидывая его на плечи Камо, он сказал:

— Теплый, теплый... Не сомневайтесь. Не подведет, как та веревка! — Он весело рассмеялся и, оправляя плащ на Камо, крепко и ласково потряс его за плечи.

Рано утром Камо уехал из Парижа. Впереди было много дел. Впереди была революция.

Стихи Глеба ГОРБОВСКОГО

Ерш

Хлеба на озере нет два дня,
скоро не будет огня...
Попался ерш,
один, как перст,
наверно, ужасно глупый...
Ну кто же
его
такого
съест?
Один —
ни ухи, ни супа...
Рванулся ерш, упал в камыши,
вода сошлась над ершом...
...И где-то,
может, у самой души,
мне стало вдруг хорошо
оттого,
что ерш ушел невредим,
что все у нас
впереди...

Мускулы

Я глажу их нежно,
мне верить в них нужно.
Растут они спешно,
растут они дружно.
Рукав у рубашки становится узким...
Так будь колобашкой,
будь каменным, мускул;
будь жестким,
жестоким,
мой каждый,
мой сотый...
Ведь жизнь на Востоке
зовется
работой!

Будильник

Мой будильник по утрам звереет,
словно ток,
пронизывает звон.
...С глаз ленивых надо поскорее
сон отмыть
и выйти на балкон.
Отзвенел будильник.
Двери с силой
настежь в день,
чуть красный от зари!
...А будильник даже очень милый:
мне он первый
«Здравствуй!»
говорит.

Мертвый лес

Пожар отклокотал
и умер.
И умер лес,
отзеленел.
Трагедию исчислил в сумме
один хозяйственный отдел.
Медведь ушел,
удрали зайцы,
хватили горя комары,
в жилищах птиц сварились яйца
от неестественной жары...
Стоял, как братская могила,
безрукий,
безволосый лес.
Что ни пихта — иссякла сила,
и что ни лиственница — крест...
Я уходил из этой жути
с большой тревогой за людей,
не люди лес сожгли,
не люди!
Нельзя же разлюбить
людей...

Рисунки Ю. Кискачи.

Вместе с комсомолом

На этих страницах пять снимков, а могло их быть не пять, а пять тысяч или даже пять миллионов, потому что они рассказывают о юных пионерах — верных помощниках комсомольцев.

Нынешний год особенный. Мы празднуем 40-летие Ленинского комсомола. Готовясь к празднику, ты, наверно, тоже не раз выходил собирать металлолом, помогать колхозу; ты сажал деревья в комсомольском парке, посылал подарки на целину...

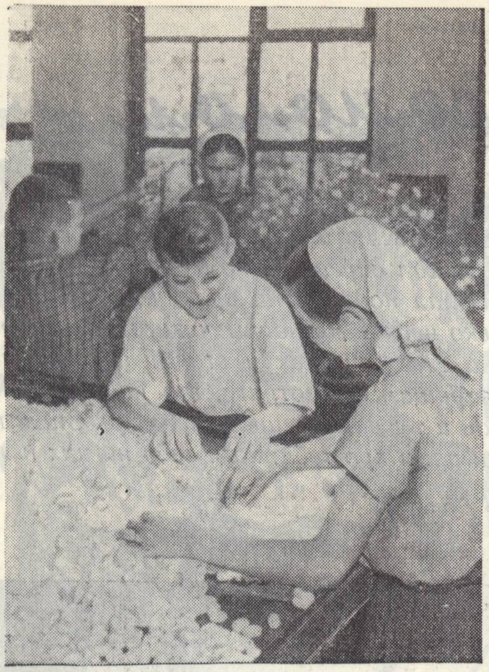
Только несколько наших читателей узнают себя на этих снимках и станут показывать их товарищам: «Смотрите, это наш отряд!» Но ведь и ты помогаешь комсомолу. Значит, эти снимки и про тебя, хотя тебя на них нет.

Видите там, за окном, нефтяную вышку? А если выйти из красного уголка, где работают Сарра Асадова и Лева Беграмбеков, то вышки обступят тебя со всех сторон. И у берега, и на горе, и даже в море — всюду вышки. День и ночь неторопливо кивают тяжелыми головами насосы — качают бакинскую нефть; день и ночь следят за ними молодые операторы. Часто с моря дует сильный ветер, с ног до головы обдает холодными брызгами. Тогда хорошо хоть на минутку забежать в красный уголок — «культбудку», как здесь говорят. В маленьком чистом каменном домике можно согреться, в перерыв — отдохнуть, почитать газеты. Это пионеры 203-й школы сделали «культбудку» такой уютной. Побелили стены, вымыли полы, разбили палисаднички у входа. Девочки вышили и повесили на окнах занавески. Сема Никитин починил полку, Слава Кураимов принес шахматы, Лариса Аванесова — шашки.

Каждый отряд 203-й школы шефствует над одним из красных уголков.

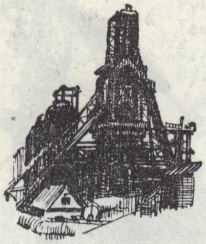

Если рядом со школой нефтяные промыслы, — значит, можно помочь нефтяникам. Если завод, — для ребят найдется дело и на заводе. Но, пожалуй, больше всего работы у сельских пионеров. После уроков ученики платнировской средней школы № 18, Кореновского района, Краснодарского края, работают на полях и фермах колхоза имени Кирова. Они создали школьную учебно-производственную бригаду. А какой у них пришкольный участок! Здесь и фруктовый сад, и виноградный питомник, парники, теплицы, цветник...

Посмотрите, каким интересным делом заняты Валя Пащенко и Алеша Нижник, пионеры шелководческого звена: они сортируют коконы нового урожая. Звено уже сдало колхозу сто двадцать килограммов коконов.

Последнее время, открывая газеты, ты, наверно, встречал сообщения: «Вступила в строй еще одна комсомольская домна!». Семь новых доменных печей решили построить в этом году комсомольцы. Пионеры помогают им. Видите плакат на борту автомашины, куда грузят лом пионеры Днепропетровской области? Металл, выплавленный из лома, пошел на строительство домны, которая называется «Днепропетровская-комсомольская».

Такой же снимок можно было бы сделать и в Челябинске. Какая школа получит право участвовать в пуске «Челябинской-комсомольской»? Та, где ребята соберут лома больше всех. Пионеры и комсомольцы 92-й челябинской школы вышли на сбор лома раньше других. В первый же день они собрали сто тонн.

Три звездочки на рукаве у Толи Агафонова означают: он начальник отряда «Юный пограничник». Отряд создан на заставе «Матроска», в нем тридцать лучших пионеров сельской школы. Секретарь комсомольского бюро заставы Владимир Гальченко и старший сержант Виктор Нестеркин учат юных пограничников ориентироваться в районе границы, с помощью собак искать следы чужих. Бывает, что застава поднимается по тревоге, и тогда пионеры вместе с пограничниками перекрывают дороги, ведут поиск.

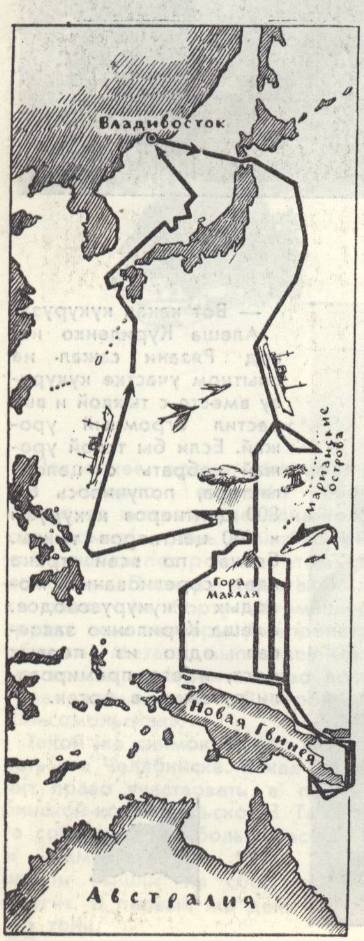

— Вот какая кукуруза! Алеша Куриленко из-под Рязани сажал на опытном участке кукурузу вместе с тыквой и вырастил огромный урожай. Если бы такой урожай собрать с целого гектара, получилось бы 800 центнеров кукурузы и 400 центнеров тыквы. Сейчас по всей стране идет соревнование молодых кукурузоводов. Алеша Куриленко завоевал одно из первых мест, и его премировали путевкой в Артек.

Здесь вы прочитаете рассказ молодого путешественника, комсомольца Владимира Минеева, вернувшегося из своей первой морской экспедиции.

НА «ВИТЯЗЕ»

Нептун, владыка морей

В ящике моего письменного стола хранится свидетельство, в котором морской бог Нептун удостоверяет, что я уже пересек экватор.

Это событие действительно произошло 10 апреля 1958 года во время плавания на «Витязе». По старому морскому обычаю, переход экватора сопровождался появлением на корабле «морского бога» Нептуна и купанием новичков.

Нептун, со свитой из «морских чудищ», перелез через фальшборт на палубу, потребовал к себе капитана и стал спрашивать:

— Что за люди? Что за корабль? Куда и зачем плывете?

— Люди мы из государства российского социалистического,— отвечал капитан,— корабль наш «Витязь», потомок тебе хорошо известного «Витязя», на котором когда-то плыл к Новой Гвинее славный русский путешественник и ученый Миклухо-Маклай. Наш «Витязь» тоже на службе у ученых. Плавая на нем, мы обследуем твои владения, открываем тайны подводного царства.

— Знаю, знаю, слышал уже о вас,— сердито пробасил Нептун,— много в моем царстве беспорядка навели. Вот недавно трубку опускали, а она ведь тяжеленная! Как падала на дно, моего водяного зашибла. Две недели бедняга не мог в себя прийти!..

Гнев Нептуна никого не испугал. Может быть, потому, что за бородой и кудрями из пакли все равно все узнали обожженное солнцем всех широт веселое лицо нашего доктора Германа Никифоровича.

Праздник перехода экватора, который моряки устраивают на всех кораблях мира, после множества смешных церемоний закончился купанием новичков. Выкупали и меня. Я ведь новичок! В первый раз пересекаю экватор, в первый раз участвую в океанологической экспедиции и в первый раз плаваю на «Витязе».

А как отчаянно мне хотелось этого плавания! В Москве, в Институте океанологии, я чуть не каждый день бегал смотреть списки участников экспедиции: вдруг меня вычеркнули!

Был совсем поздний вечер, когда мы приехали во Владивосток и я разыскал в порту «Витязя», стоящего у причалов. Но на следующий день

вместе с другим новичком, Юрой Богдановым, мы облазили весь «Витязь», от кормы до капитанского мостика. Проводником в этом путешествии по кораблю был Игорь Чепурин, постоянный лаборант геологической лаборатории «Витязя».

Все для нас было ново, удивительно. Вот лебедка, необыкновенная и с виду и по назначению. Она позволяет ученым достигать своими приборами дна глубочайших океанских впадин... Я смотрел на нее и старался представить себе ее в работе. В рулевой рубке, к моему удивлению, не оказалось штурвального колеса. Вместо него было что-то вроде коромысла с двумя ручками. Электроштурвал! Электромоторы поворачивают руль «Витязя». А какое множество различных приборов в рубке! И эхолот, и курсограф, и радиопеленгатор, и еще какие-то другие, о назначении которых я только смутно догадывался в то время.

Потом мы обошли все двенадцать лабораторий. «Витязь» не простой корабль. Это плавучий научно-исследовательский институт. В каждом рейсе на нем работают несколько научных отрядов: гидрологии, метеорологии, химии моря, морской геологии, ихтиологии, планктона, бентоса и другие.

«Витязь» уже совершил двадцать шесть рейсов по Тихому океану и прилегающим морям. В этих рейсах было сделано много важных открытий. И теперь я участвую в двадцать седьмом рейсе «Витязя», в третьем его рейсе по программе Международного геофизического года. Но для меня это первый научный рейс, и открытия, которые доведется сделать коллективу «Витязя», будут первыми открытиями, в которых и я принимаю участие.

Нептун и его свита взошли на корабль.

Первая станция

Станцией у океанологов называется серия всесторонних измерений и исследований, проведенных в одном каком-либо пункте. Корабль стопорит машины, останавливается и ложится в дрейф. Сотрудники планктонного отряда сетями из плотной шелковой ткани добывают планктон — мелких и микроскопических обитателей верхних слоев воды. Гидрологи подвешивают на разной глубине вертушки, изучая течения, опускают на длинном тросе батометры — приборы для получения проб воды. Отряд бентоса охотится за своей труднодостижимой добычей. Ведь бентос — это население морского дна. Чтобы донных животных захватил дночерпатель, или трал, надо вытравить многие тонны и километры стального троса, а это не один час работы лебедки.

Нашему отряду — геологическому — тоже надо работать с лебедкой. Мы тоже берем образцы грунта дночерпателем. Он похож на ковш экскаватора, но состоит из двух половинок, как раковина. Достигнув дна, створки этой стальной «раковины» закрываются и, выхватив кубический метр грунта, несут добычу наверх.

Второй геологический прибор для взятия грунта — трубка. С силой вонзаясь в грунт, она вырезает узкую и длинную колонку ила. В колонке сохраняется слоистость ила, видны все изменения его плотности и состава по слоям, от поверхности вглубь. Колонку геолог «читает», как книгу, и может узнать давно прошедшую жизнь океана по характеру донных отложений.

Как крепить трубку к тросу?

Как узнать, что она дошла до дна?

Как выталкивать из нее колонку взятого грунта?

Все это у меня по первому разу, на первой станции, получалось нескладно, медленно, неуклюже. Даже руки не слушались, становились как чужие: то ли с непривычки, то ли от волнения.

Потом я привык. Даже работу на лебедке освоил и вдобавок успел по-

знакомиться с оборудованием других отрядов. Например, я научился опускать батометры, которыми гидрологи и химики берут пробы воды.

Словно бусы, через равные интервалы на тросе, опускаемом за борт с лебедки, закрепляются батометры — узкие длинные стальные стаканы. Когда нижний батометр достигнет нужной глубины, к верхнему батометру пускают по тросу посыльный грузик — гирьку. От удара гирьки первый батометр опрокидывается и захватывает воду с данной глубины. При этом он освобождает второй грузик, который скользит по тросу дальше и опрокидывает второй батометр. Щелк! Освобождается третья гирька и скользит к третьему батометру. Такая «эстафета» продолжается до самого дна, и каждый батометр на своей глубине захватывает пробу воды.

Батометр — оружие гидрологов, но умение с ним управляться пригодилось и мне, когда геологическому отряду понадобились пробы воды. Они понадобились нам, чтобы узнать, сколько взвеси — мельчайших твердых частичек — содержится на разных глубинах. Оказалось, взвеси больше всего на глубине ста — двухсот метров и на глубине двух тысяч метров. Почему на глубине двухсот метров, это понятно: там резкое изменение плотности, и взвесь задерживается, скопляется выше этой границы. А вот почему много взвеси на глубине двух километров, это пока неизвестно.

Кальмары.

Акулы, лоцманы, кальмары...

Сначала все меня поражало: волны, океан, игра света на воде... Ведь океан никогда не бывает одинаковым. Вдали от суши он густо-синий; если на небе тучи, почти черный. Ближе к берегу он светлеет и становится зеленым.

В ясную погоду, когда светит солнце, лучи проникают в воду и как бы сходятся в глубине. Получается в темной воде светящийся опрокинутый шатер из солнечных лучей. Будто изнутри кто-то освещает воду.

Акула с лоцманом.

В «солнечном шатре» все видно, можно каждую рыбешку разглядеть. Смотришь — не оторвешься: так интересно. Но еще интереснее было, если к «Витязю» приближались акулы. Обычно их появление близ «Витязя» служило развлечением для всех свободных от вахты. Особенно занятно наблюдать содружество акулы с рыбкой, называемой лоцманом. Действительно, это настоящий акулий лоцман! Как только в воде оказывается какой-либо предмет, к нему, отделившись от акулы, направляется лоцман. И лишь после возвращения лоцмана, словно получив какой-то сигнал, акула начинает свою охоту.

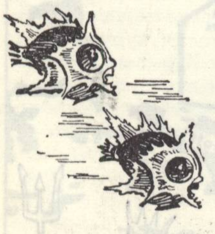
Сначала она описывает круги, в центре которых намеченная добыча. Быстрая, сильная акула необычайно стремительна в своем движении. Но вот она закончила разведку, переворачивается на бок, почти кверху брюхом, «ложится на боевой курс» и бросается к добыче.

Прожорливость акул известна, и мы сначала пытались ловить их, пользуясь банкой из-под консервов в качестве наживки. Акула описывала круги, но не «клевала». Пришлось искать более заманчивого угощения. Принесли из камбуза шкурку от свиного сала. Эта добыча пришлась хищнице по вкусу и была проглочена вместе с крючком. Вскоре акула билась на палубе «Витязя».

Она была невелика, всего полтора метра длиной. Ведь бывают и пятнадцатиметровые акулы! Но самые страшные и свирепые — тигровые акулы, хотя их длина всего пять, шесть метров. Они охотятся стаей и опасны даже для самых крупных рыб.

А лоцман? Куда же делся верный лоцман пойманной нами акулы? Увы, он оставил ее в беде! Лоцмана трудно поймать вместе с акулой, возле которой он кормится. Лоцман всегда успевает улизнуть. Улизнул и этот. Либо он уплыл искать новую хозяйку, либо избрал на «должность» акулы... наш корабль. Ведь возле корабля всегда есть чем кормиться рыбе.

Узнал я и другие виды морской охоты. У берегов Японии в сети к нам попадались кальмары, правда, небольшие. У кальмаров реактивные «двигатели». Кальмар движется толчками: выбрасывая вперед сильную струю воды, он плывет в противоположном направлении. А это и есть реактивное движение по всем правилам физики! Помню, как я в первый раз со всех ног бежал посмотреть на пойманного кальмара. Но ничего не увидел, кроме черной жижи. Посаженный в ведро с водой, он выпустил туда свою маскировочную чернильную жидкость. Его совсем не было видно, лишь время от времени черная жижа вдруг фонтаном била из ведра.

Глубоководные рыбы.

Первый раз в жизни увидел я и другое «чудо» южных морей — летучих рыб. Выскочив из воды, как крылья, раскрыв плавники, летучие рыбы стаей проносятся по воздуху иногда метров сто. Они могут даже менять направление полета и, круто свернув почти под прямым углом, возвращаются в родную стихию.

Летучих рыб планировать «научила» беда. Для них полет — средство спасения от преследователей.

За бесчисленное множество поколений плавники у них постепенно изменялись, удлинялись. Они стали похожи на крылья и помогают летучим рыбам ускользнуть от погони. Обо всем этом я и читал и слышал рассказы, а все-таки увидеть летучих рыб своими глазами куда интереснее!

Как приходит открытие

На «Витязе» во время станций все завидуют ихтиологам. У них удача сразу видна и сразу всем понятна. Никаких вычислений, никаких анализов, чертежей. Если сеть принесет интересную добычу из глубин, вмиг новость разносится по всему кораблю:

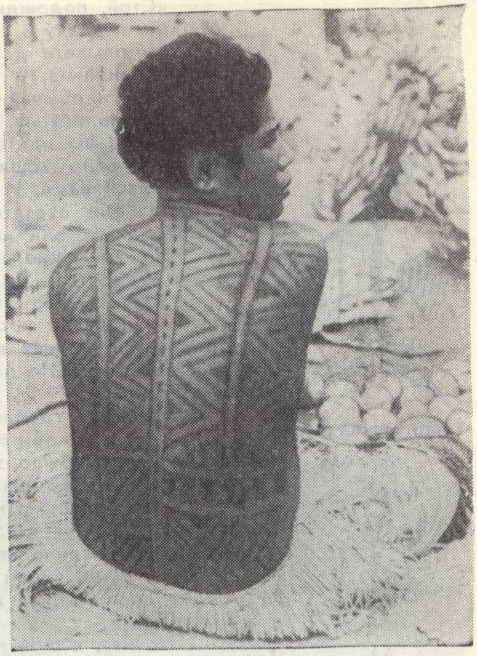
— Ихтиологи опять чудну́ю рыбу поймали!

Все, кто свободен, бегут смотреть «чудну́ю рыбу».

Наши геологические трубки, в которых заключены летописи океанского дна за многие тысячи и даже миллионы лет, никто не бегает смотреть. «Летопись» эта требует еще «перевода на русский язык». А рыба, пучеглазая, головастая, большезубая обитательница глубин,— это ясно и понятно всякому.

Но вот удалось и геологам поймать «крупную рыбку». И мне повезло: как раз когда я нес вахту у эхолота. Эхолоты геологического отряда ведут непрестанную работу. Они посылают ультракороткие звуковые волны в глубину. Ультразвуковые импульсы эхолота отражаются от дна и возвращаются наверх. Время, за которое импульс совершил путь туда и обратно, говорит о глубине, и эхолот на длинной ленте вычерчивает «разрез дна», впадины и подъемы, над которыми мы проплываем. Куда бы ни шел «Витязь», эхолот ультразвуковыми «стрелами» пронизывает толщу океанской воды, ощупывая дно, измеряя глубины.

Работы на вахте много. Смотришь за эхолотом, переключаешь посылку, когда запись дойдет до края ленты (это случается часто: ведь самописец чертит не вдоль ленты, а поперек). Да мало ли еще всяких обязанностей у вахтенного!

Папуасы — коренные жители Новой Гвинеи. Вот один из них, весь в узорах татуировки.

Итак, моя вахта. Показания самописца медленно ползут с четырех тысяч метров вверх. Глубина убывает. Вот она уменьшилась до двух тысяч. Об этом полагается сообщать на мостик, потому что при глубине в две тысячи и меньше включают навигационный эхолот в штурманской рубке и следят за повышением дна, чтобы «Витязь» не наскочил на какой-либо скрытый под водой риф или мель.

Мой эхолот чертит все меньшую глубину. Она убывает резко, круто. Пятьсот метров! Сообщаю эту цифру начальнику геологического отряда Виктору Филипповичу Канаеву. Он спешит в штурманскую рубку. Там капитан Игорь Васильевич Сергеев. На руле матрос Перекокин. Вот глубина уже всего двести сорок два метра. Но она больше не убывает; наоборот, начинает снова возрастать.

Мне, новичку, не имеющему опыта, трудно сделать какие-либо выводы из показаний эхолота. Но Виктор Филиппович Канаев, конечно, сделал выводы. Их надо было проверить, и для этого «Витязь» начал сложную систему промерных галсов. Меняя курс, он с различных направлений пересекал ту точку океана, под которой была глубина в двести сорок два метра. Если начертить движения корабля, получится фигура, напоминающая цветок ромашки. Постепенно в зубчатых записях эхолотов все яснее вырисовывалось то, что было под нами: склоны никому не ведомой подводной горы, крутого остроконечного пика почти в четыре тысячи метров высотой.

Гора Миклухо-Маклая. Так мы ее назвали. С вершины горы дночерпателем была взята проба грунта. И тут нас ожидало еще одно открытие: биологи обнаружили в этом грунте куски отмерших кораллов и ходы, проделанные в известняке морскими червями. Это значило, что не всегда вершина горы Миклухо-Маклая была на такой глубине. Для жизни кораллов нужна глубина в двадцать — сорок сантиметров, а потом вследствие опускания морского дна гора ушла глубже под воду. Ушла так быстро, что кораллы не успели надстроить свои «домики» и погибли.

По стопам богатыря Садко

Если на экваторе морской царь пришел к нам в гости, то у берегов Новой Гвинеи мы нанесли ему ответный визит.

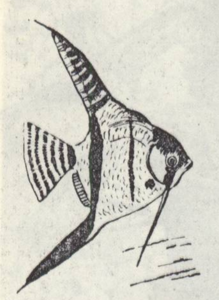
Представьте себе, что ваше тело почти лишилось веса. Вы не падаете, вы парите, повернувшись вниз лицом, а внизу, под вами, раскрываются картины неведомой волшебной страны. Она погружена в сине-зеленый свет, на ее равнинах цветут удивительные цветы, колышутся высокие и нежные растения, а среди прозрачных зарослей разбросаны сказочно красивые, причудливые постройки. Они мерцают перламутром или отливают розовым светом, словно освещенные изнутри зарей. А вот и обитательница странного дворца покидает жилище, чтобы отправиться куда-то по своим делам: может, на охоту, а может, на прогулку. В переливчатом наряде, похожая на живой самоцвет, она скользит среди зарослей.

Парусная лодка-дом.

«Стой, подожди!» Вы бросаетесь вслед, но она с быстротой молнии метнулась обратно к входу в свой нарядный дом и скрылась внутри.

Вы плывете дальше... Да, плывете, потому что это подводный мир, дворец — пустая раковина, а прекрасная его обитательница — яркая тропическая рыбка. Они все здесь необычайно яркие, эти рыбки. Словно бабочки или цветы: красные, синие, золотые, полосатые, как рябь на воде, серебристые, как лунный свет.

Тропическая рыбка.

Когда вы идете по дну, рыбки удирают врассыпную. Но стоит остановиться — рыбки, словно мошкара, снуют вокруг, скользят у вас между пальцев, щекочут вам лицо плавниками. И не думайте, что ваша особа их интересует. Они заняты своими делами: они охотятся за пищей, за невидимыми вам рачками и одноклеточными водорослями, они играют, они даже дерутся между собой.

Но, внимание, не заглядитесь на них! Следите, куда вы ступаете в этом очарованном царстве.

Здесь много опасных и неожиданных ловушек. Острая иголка коралла может рассечь ногу до кости. Раковина тридакны может взять вас в плен... Небольшую тридакну я привез в Москву и поставил на стол. Ее размеры — тридцать сантиметров на десять. Но нам встречались тридакны длиною в полметра и весом в десятки килограммов.

Раковина тридакны с красивыми зубчатыми краями лежит, раскрытая, на песчаном дне. Ее обитатель — моллюск — свесил свое тело. Оно, словно бахромой или оборкой, прикрыло зубчатые края. Когда раковина закрывается, зубцы одной створки входят в промежутки между зубцами другой.

Но тридакна открыта, не видно ни створок, ни зубцов. Колышется в воде какая-то коричневатая вуаль... Берегитесь, не наступите! У тридакны мускул, который приводит в движение створки, действует очень быстро. Если вы наступите на тридакну, с чудовищной силой захлопнутся зубчатые створки. И раковина, как мертвый якорь, будет держать вас на дне. Хорошо, если вы путешествуете под водой не в одиночку...

Но нет, живой капкан не поймал никого из нас во время наших визитов к морскому царю. Мы не попали в плен к тридакне. Зато тридакна — и не одна! — стала нашей пленницей. Стоило коснуться моллюска багром, как его раковина захлопывалась. Ухватившись за багор, мы тянули ее сообща из воды на берег. А там, чтобы открыть раковину, достаточно было подрезать ножом запирающий створки мускул. Без этого никакие домкраты не могут их открыть.

Всех увлекла охота за раковинами. Мы добыли на дне морском не одну большую тридакну для научных коллекций.

Наши подводные путешествия мы совершали на небольшой глубине, в масках с дыхательными трубками — респираторами,— торчащими над поверхностью воды.

Жители бездны

К северу от Новой Гвинеи, ближе к тропику Рака, вытянулись дугой острова и островки Марианского архипелага. Вдоль этой дуги по дну идет одна из самых глубоких впадин, Марианская впадина. Ее уже измеряли морские экспедиции других стран, и считалось, что здесь глубина — 10 868 метров. По плану Международного геофизического года «Витязь» должен был повторить промеры. В двадцать пятом рейсе он это сделал и нашел новую глубину: 10 990 метров. Нам тоже предстояли исследования в Марианской впадине. Поэтому от Новой Гвинеи «Витязь» вернулся туда.

Показания самописца не дали ничего нового: мешала волна. Новости из морской бездны принес трал.

Его протащили по дну на глубинах от 10 630 до 10 710 метров, и когда он был поднят, биологи из бентосного отряда обнаружили в нем морских животных: несколько ракообразных, три голотурии и шесть актиний, причем различных видов. До сих пор из Марианской впадины другим экспедициям не удалось извлечь никаких донных животных, хотя жизнь была найдена и в Филиппинской, и в Тонго, и в Курило-Камчатской. Теперь цепочка замкнулась. И вот они перед нашими глазами, жители Марианской впадины. Бесцветные, серовато-белые, мелкие по сравнению со своими сородичами более мелководных областей океана. Жизнь приспособилась и к величайшим глубинам на Земле, где давление воды в тысячу атмосфер, совсем мало кислорода и мрак, не нарушаемый ничем многие миллионы лет.

Актиния и кораллы.

Шел дождь...

От Марианских островов «Витязь» уклонился к юго-западу, потому что он убегал от тайфуна. Убегать от тайфунов — вид спорта, очень распространенный среди кораблей, плавающих в Тихом океане и особенно в этой его части. Здесь ведь царство тайфунов, родина тайфунов, колыбель тайфунов!

«Витязь» вошел в бухту Нагасаки.

Мы убегали от тайфуна, но он все же задел нас своим краем, а значит, поливал дождем. При исследовании дождевой воды радиометром — прибором для измерения радиоактивности — его стрелка пришла в движение, поползла по шкале и показала пятьсот импульсов на литр. Дождь был радиоактивен. Он «вымывал» из атмосферы вещества, рассеянные в ней после взрыва водородной бомбы, одной из тех бомб, которые, несмотря на протесты народов во всех странах, были взорваны этим летом американцами на атолле Эниветок — маленьком островке Маршальского архипелага.

На следующий день снова лил дождь. Стрелка прибора показывала уже не пятьсот импульсов на литр, а сорок тысяч. К вечеру того же дня излучение усилилось. Стрелка «зашкаливала», то есть уходила за пределы шкалы. Это доказывало, что излучение выше семидесяти тысяч.

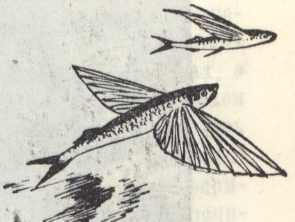
На «Витязе» были приняты меры защиты, и никто не пострадал. Но радиограмма из Москвы предписывала немедленно прекратить плавание в опасном районе.

Мы повернули на запад, к Филиппинам, а оттуда — к Японии.

Нагасаки — большой порт на острове Кюсю, в 1945 году вслед за Хиросимой пострадавший от атомной бомбы. Когда мы зашли в Нагасаки, два японских экспедиционных судна, «Такуе-Мару» и «Сацума-Мару», ведущие, как и «Витязь», работу по программе Международного геофизического года, отправились в плавание. В том же районе океана, из которого ушел «Витязь», они подверглись еще более сильному облучению.

Мы знаем из газет: люди «Такуе» и «Сацума» поражены сейчас лучевой болезнью. Атомная смерть, выпущенная американцами, настигла японских моряков и ученых через много дней, за много сотен миль от кораллового островка Эниветок.

Завтра...

Летучие рыбки.

Сейчас «Витязь» ушел в свой двадцать восьмой рейс, а я остался на суше. Ведь после каждой экспедиции идет обработка материалов. Это большой труд для многих людей на много дней и недель.

Но теперь океан не отделается от меня! Мы с ним скоро встретимся. Я обязательно снова уйду в плавание на «Витязе».

Ведь я на всю жизнь избрал свой путь. Впереди еще много тропических тайфунов, полярных метелей, медленных часов у бесконечно раскручивающегося троса лебедки, тяжелого труда во время авралов. Все не страшно, когда рядом — товарищи.

В. Минеев

Сорок славных лет

Скоро в отрядах и дружинах зажгутся пионерские костры, звуки горнов возвестят об открытии торжественных сборов, посвященных Ленинскому комсомолу.

И, наверно, именно в эти дни подготовки к празднику вам особенно захочется побольше узнать о тех, кто шел в рядах первых комсомольцев, кто создавал его трудовую и боевую славу,— о комсомольцах-героях, на которых так хочется походить хоть немного каждому из нас.

И здесь вам на помощь придут книги, которые выпускает к 40-летию комсомола издательство Центрального Комитета ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Вот, например, небольшая книжка молодых журналистов Б. Панкина и В. Ганюшкина, которая называется «Почему на знамени комсомола пять орденов». Не надо пояснять содержание этой книжки: оно ясно из названия. Эта книжка небольшая по объему, но на ее страницах, по существу, кратко изложена вся история комсомола, потому что каждый орден, полученный комсомолом,— это славная страница его деятельности.

А вот другая книга, которая также поможет вам подготовиться к торжественному сбору или вечеру. Это очень большая иллюстрированная книга, которая рассказывает о замечательных традициях комсомольской организации. Она так и называется «Славные традиции». О некоторых делах комсомола в ней говорится скупыми строчками документов, о других событиях вы узнаете из живых воспоминаний очевидцев и участников. В этом сборнике много стихов и комсомольских песен, которые можно разучить к празднику.

Может быть, кого-нибудь из вас особенно интересуют первые годы существования комсомола, те годы, когда целые райкомы уходили на фронт гражданской войны, чтобы отстоять завоевания революции. Тогда возьмите книжку «Юность боевая»: в ней комсомольцы тех лет рассказывают о себе и своих товарищах, о том, как плохо одетые, подчас голодные, но сильные духом юноши и девушки помогали большевистской партии в борьбе с контрреволюцией, голодом и разрухой.

Юным пионерам адресована книга «Твои старшие товарищи».

«С доверием и любовью отнесись, юный пионер-ленинец, к этой книге...— обращается к вам в предисловии писатель Аркадий Первенцев.— Ты много найдешь не только интересного, но полезного для себя». В книге помещены отрывки из лучших художественных произведений советских писателей и поэтов о комсомоле.

Некоторые из этих произведений: «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Сердце Бонивура» Д. Нагишкина, «Повесть о суровом друге» Л. Жарикова,— может быть, уже давно, и даже не раз, прочитаны вами. Но есть в этом сборнике рассказы и стихи, которые вы прочтете впервые, и, может быть, они тоже станут вашими любимыми произведениями.

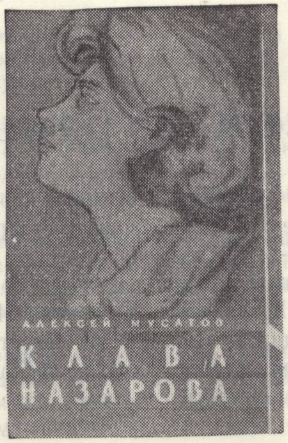
«Вечно живые» — так называется сборник, посвященный памяти юных героев, погибших в борьбе за счастье советских людей, за свободу и независимость Родины. Всем вам хорошо известны имена героев-комсомольцев: Олега Кошевого, Зои Космодемьянской, Саши Чекалина, Лизы Чайкиной и многих других. О них написаны книги, стихи и песни. А знаете ли вы что-нибудь о герое гражданской войны Анатолии Попове или о подвиге одного из первых комсомольцев Узбекистана, Абдуллы Набиева? Знакомы ли вам имена юной героини литовского народа партизанки Маритэ Маргитэ и Героя Советского Союза летчика Анатолия Добродетского? Вероятно, не многие из вас слышали об этих людях. О них вы впервые прочитаете в книге «Вечно живые».

Недавно стало известно об отважных юных подпольщиках, действовавших во время Великой Отечественной войны на оккупированной врагом территории в украинском городе Хотине. О героических делах этих комсомольцев написали повесть М. Канюка и А. Набатчиков. Она называется «Крепость».

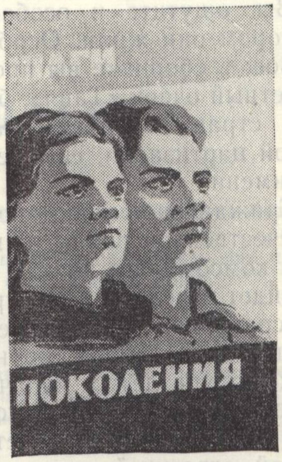
Советуем вам также прочитать повесть Вл. Николаева и А. Щербакова «Когда смерть не страшна». В ней рассказывается о юных подпольщиках, действовавших в белорусском городе Оболи.

В маленьком городе Острове, где жила семья Назаровых, не было большей выдумщицы, затейницы, более веселой пионервожатой, чем Клава Назарова! Чего только не придумывала Клава со своими пионерами! Все у нее получалось как-то интереснее, чем у других. Если поход, то такой, что каждый участник на всю жизнь запомнит; если военная игра, то у ребят дух захватывает; показывают Клавины пионеры самодеятельность—весь город любуется.

Но вот началась война. Недетская серьезность легла на лица ребят в эти страшные дни. А Клава? Нет, не в ее характере было унывать, опускать руки. Не прошло и месяца после оккупации врагами Острова, как в городе уже действовала боевая подпольная группа. О делах этой группы, о замечательной русской девушке Клаве Назаровой и ее помощниках — пионерах и комсомольцах прочтете вы в повести Алексея Мусатова «Клава Назарова».

Вот еще одна книга, которая выходит к сорокалетию комсомола, она называется «Шаги по-

коления». Посмотрите на ее обложку. Это и есть герои книги— поколение молодежи, которое осваивает целину, строит шахты и домны, заводы и гидроэлектростанции. Это книга о ваших старших братьях и сестрах, о тех, кто живет и трудится рядом с вами. Не будем перечислять имена тех, о ком говорится в этом большом, красочно оформленном сборнике. Лучше почитайте его сами, и каждая страница расскажет вам о вдохновенном, радостном труде, о подвиге наших будней, о тех делах, продолжать которые предстоит вам, юные пионеры.

З. Яхонтова

Горящие сердца

Книга «Мы — молодая гвардия» правильно называется сборником: ведь она состоит из многих, как будто совершенно самостоятельных рассказов, очерков, отрывков из повестей и романов. И все же мы советуем вам, ребята, читать ее, как повесть,— подряд, страницу за страницей, не пропуская и тех мест, которые вы, может быть, уже знаете, читали раньше.

И вот, когда вы прочитаете таким образом эту книгу о комсомольцах, вы почувствуете ход времени, дух времени. И не только новых героев,— а их здесь много,— но и старых, давно любимых, вы воспримете по-новому. И первых комсомольцев из повести Николая Островского, и молодогвардейцев, и Сашу Матросова, и Маресьева, и Зою...

Вы ощутите и особенности времени, в котором они жили. Особенно это относится к Зое: в сборнике вы прочитаете тот самый газетный очерк «Таня», благодаря которому вся страна впервые услыхала о подвиге юной партизанки, еще не зная ее настоящего имени.

Гражданская война, первые стройки, годы Отечественной войны, наши дни — вся история комсомола в живых, красочных образах пройдет перед вами на страницах этой книги. И, сравнивая юных героев первых лет революции — чудесных, но не очень-то грамотных, полураздетых мальчиков и девочек — с героями наших дней, с условиями их жизни, вы с необычайной отчетливостью увидите, какой огромный, поистине сказочный путь совершила наша страна, как она выросла, преобразилась.

Да, герои этой книги различны по характерам, различны события, о которых здесь рассказывается, но все же у этих юношей и девушек есть нечто общее, как у братьев и сестер.

Как же это сходство точнее определить?

Всем людям, едва они подрастают, жизнь предлагает один и тот же вопрос. Времена меняются, и форма вопроса меняется, но смысл его неизменен. «Какой путь изберешь: трудный или полегче?» — спрашивает жизнь. В зависимости от решения и делятся потом люди на тех, кого мы называем «настоящими», и на людей «так себе», средненьких людей...

Легкий путь может иной раз даже показаться более ярким и интересным. Скажем, на первый взгляд, жизнь в большом городе, где много театров и музеев, может представиться куда ярче, чем жизнь в скромном, маленьком городке. Но вот много позднее останется как-нибудь такой «житель» наедине с самим собой и, пораздумав, вдруг поймет, какую невыгодную — да, именно невыгодную! — сделку он совершил: ведь он упустил, безвозвратно и непоправимо, лучшее из того, что ему представлялось,— действенную, творческую, своими силами завоеванную жизнь!

Никто из действующих лиц этой книги не снизошел до такой сделки — этим и схожи все они между собой. И жизнь у них у всех — хоть у иных она была и очень короткая! — оказалась насыщенной, яркой.

— А какой путь выберешь ты, читатель? — спрашивают у вас герои этой книги.

Не лучше ли не только на словах, но всеми своими делами следовать девизу героев Николая Островского «Да здравствует пламя жизни!»

Ю. Новикова

Советской страны пионер

Пионер — всем ребятам пример. О настоящих пионерах вы прочитаете в сборнике «Советской страны пионер». Этот сборник Государственное издательство детской литературы выпускает к 40-летию комсомола.

В книге помещены рассказы и очерки Николая Богданова, И. Василенко, М. Коршунова, Юрия Нагибина, Л. Пантелеева, Константина Паустовского, Бориса Полевого, Ю. Сотника, Миколаса Слуцкиса, отрывки из повестей Аркадия Гайдара, Николая Дубова, Л. Кассиля и М. Поляновского и других знакомых вам писателей.

Читая этот сборник, вы встретитесь вновь с ребятами — вашими сверстниками, которые и в большом и в малом стараются быть достойной сменой комсомола.

КНИЖНАЯ ВИТРИНА

Веселый отдых

Веселый отдых помогут организовать вам, ребята, книги, помещенные на нашей книжной витрине.

С их помощью вы интересно проведете праздничный вечер, спектакль или карнавал в школе, повеселитесь в гостях или в свободные часы у себя дома.

Вот они, эти книги:

«Школьный праздник». В этом сборнике вы найдете не только интересные и несложные пьесы для школьных постановок. Каждая пьеса сопровождается здесь указаниями режиссера, поясняющего, как ставить спектакль, распределять роли, как делать декорации и костюмы.

«Пионерский театр», сборник, выпущенный издательством «Молодая гвардия», заключает в себе четыре волшебные сказки-пьесы и одну пьесу из жизни венгерских школьников. И в этой книге пьесы снабжены режиссерскими пояснениями.

«Веселый вечер» и **«Веселая эстрада»** тоже помогут вам в организации программы вечера. В этих сборниках много веселых басен, сценок, песенок для школьных эстрадных концертов.

Л. Богаткова «Хоровод друзей». Эта книга может служить руководством для танцоров, в ней вы прочитаете описание танцев восемнадцати разных стран. К описаниям приложены рисунки и ноты.

«Пионерский театр теней». Об этом увлекательнейшем и простейшем виде театра, который существует с XI века, вы узнаете из сборника, выпущенного издательством «Молодая гвардия». В книге рассказано, как сделать из бумаги куклу-актера и заставить ее двигаться. Здесь же помещены и пьесы для теневого театра.

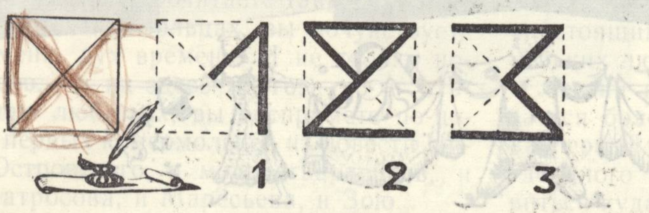
«Всегда всем весело». Прочитайте эту книгу, и вам тоже станет весело. В ней описано множество подвижных и познавательных игр: литературных, географических, математических... Здесь вы найдете целые игровые программы и узнаете, как сделать пионерскую игротеку.

«Веселая мастерская». Ознакомьтесь с этой книгой, и вы сможете сделать такую мастерскую у себя дома. Книга научит вас делать костюмы и маски для карнавала и мастерить игрушки из бересты, ореховой скорлупы, корней деревьев, фасоли, пробки, лоскутков, репьев, яичной скорлупы и других материалов, которые всегда найдутся под рукой.

В часы досуга

КВАДРАТ И ЦИФРЫ

Откуда, каким путем возникла и как развивалась форма современных арабских цифр? Во многих странах различными людьми выдвигалось немало оригинальных гипотез, которые могли бы послужить ответом на этот интересный вопрос. И, пожалуй, самой остроумной и существенной из них была догадка, высказанная великим русским поэтом А. С. Пушкиным, предполагавшим, что форма цифр, которыми мы привыкли пользоваться, вначале возникла из частей квадрата с двумя диагоналями. Например:

Мы предлагаем вам самим продолжить этот пример и попытаться вписать в квадрат с диагоналями все остальные цифры: 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 0, как это в свое время сделал наш соотечественник.

А. Скачинский

ПЯТЬ ВОПРОСОВ-ШУТОК

1. Что без головы выше, чем с головою?
2. Как далеко можно зайти в лес?
3. Когда автомобиль движется точно со скоростью поезда?
4. Что принадлежит вам, а вы пользуетесь им реже, чем другие?
5. Три человека прятались под одним зонтом и все оказались сухими. Как это удалось им?

Перевел с английского **М. Гогин.**

КОГДА ЭТО БЫЛО?

События, описанные в комедии, происходили 8 апреля 1825 года. Это подтверждается следующими репликами действующих лиц:

1. Жевакин, хваля качество сукна своего мундира, говорит: «Суконце-то ведь аглицкое!» Он рассказывает о том, что сукно это купил в 1795 году и сшил из него мундир. «В 801... сукно было совсем новешенькое... в 815 вышел в отставку, только перелицевал: уж десять лет ношу, до сих пор почти что новый». (Действие первое, явление XVI.)

Отсюда: 1815 + 10 = 1825.

2. Подколесин в беседе с Агафьей Тихоновной говорит ей: «Сегодня восьмое число».

Вспоминая о предстоящих екатерингофских гуляньях, которые устраивались в XVIII и XIX веках в Екатерингофском парке (в окрестностях Петербурга) ежегодно 1 мая, Подколесин подсчитывает на пальцах, сколько дней до этих гуляний осталось: «Девятое, десятое, одиннадцатое... через двадцать два дня». И далее добавляет: «Я сегодняшнего дня даже не считаю». (Действие второе, явление XIV.)

3. День был будний. Яичница говорит: «...Отлучился ведь только на минутку из департамента». (Действие первое, явление XIV.)

ОТВЕТЫ на задачи, помещенные в № 9

ВАНИН ПРОЕКТ

Вот основные недостатки, допущенные Ваней в его проекте одноквартирного дома:

1. В чертеже нет ни масштаба, ни размеров. 2. Северная часть здания должна находиться вверху чертежа. 3. Нерационально распределены помещения: кухня занимает самую большую площадь, столовая изолирована от кухни и т. д. 4. Рабочий кабинет не имеет дверей, а единственное окно из этой комнаты выходит в кухню. 5. Печи расположены крайне непродуманно: часть их выходит на улицу, они не могут обогревать все комнаты. 6. В детской комнате две двери, причем одна из них наружная. 7. Двери везде открываются не внутрь помещений, а из комнаты в комнату — в меньшую. 8. Некоторые входные двери по размерам менее внутренних. 9. Одна половина дома не связана дверьми с другой половиной. 10. Рабочий кабинет, столовую и детскую комнату следовало расположить не на северной, а на южной, солнечной, стороне. 11. Некоторые внутренние перегородки толще наружных стен.

СЕМЬ ГОРОДОВ

1. Рамы — Мары. 2. Остров — Ростов. 3. Кисти — Тикси. 4. Кушак — Кушка. 5. Веки — Киев. 6. Варан — Нарва.

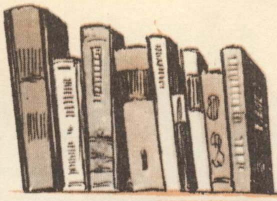
Вписав новые слова в клеточные ряды, вы прочитаете по вертикали в выделенных клетках: М о с к в а.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

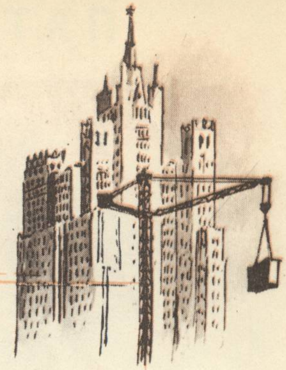
Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **О. Швова.**

А 08812. Подписано к печати 24/IX 1958 г. Тираж 405 000 экз. Изд. № 1071. Заказ 2063.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Новые книги

СКОРО ВЫЙДУТ ИЗ ПЕЧАТИ:

АМУНДСЕН Р. **Моя жизнь.** Записки известного полярного исследователя Руала Амундсена о своей жизни, путешествиях, приключениях. Географгиз. Цена 3 руб.

БЕЗВЕРХНИЙ Д. и ГРАЧ А. **От пещеры до высотного здания.** Цветная книжка-картинка об эволюции жилища и о современном строительстве жилых домов. Детгиз. Цена 1 р. 10 к.

ГУСЕЛЬНИКОВ И. **В стране меди и золота.** Приключенческая повесть на документальном материале. Автор — геолог, многие годы посвятивший разведке недр. Географгиз. Цена 3 руб.

ДАВЫДОВ Ю. **Капитаны ищут путь.** Рассказы о мореплавателях. Детгиз. Цена 3 р. 80 к.

ДОРОХОВ А. **Как гайка толкнула грузовик.** Фотокнижка об автомобильном заводе. Детгиз. Цена 3 р. 15 к.

ИВИН М. **По следу бешеной реки.** Очерки о пустынях, о природе и жизни, существующей в труднейших условиях, об освоении пустынь. Детгиз. Цена 2 р. 80 к.

КУЗНЕЦОВ А. **У золотых ворот.** Книга о древней Руси. Детгиз. Цена 4 р. 40 к.

ЛУНДБЕРГ Е. **Повесть тысячелетий.** Научно-фантастическая повесть о людях каменного века. Географгиз. Цена 6 руб.

ЛУКИНА Е. **Птичий городок.** Очерк о наблюдении за жизнью птиц. Детгиз. Цена 1 р. 35 к.

МОГИЛЕВСКАЯ С. **Повесть о кружевнице Насте и великом актере Федоре Волкове.** Повесть о первом русском театре. Детгиз. Цена 2 р. 60 к.

ПАНКРАТОВ Б. и РУДОВА М. **Страна Хань.** Книга по истории культуры древнего Китая. Детгиз. Цена 8 р. 15 к.

ПРИЛЕЖАЕВА-БАРСКАЯ Б. **В северном причерноморье.** О скифах. Детгиз. Цена 2 р. 35 к.

РАКОВСКАЯ Н. **Кружка молока.** Рассказ о молочном хозяйстве. Детгиз. Цена 3 р. 15 к.

РУБИНШТЕЙН Л. **Приключения двух Ванов.** Повесть о восстании в 1850—1864 гг. крестьян в Китае (восстание тайпинов). Детгиз. Цена 3 р. 75 к.

Рассказы об электричестве. Сборник. Серия «Школьная библиотека». Детгиз. Цена 9 р. 90 к.

СВЕРДРУП Х. **Во льдах на подводной лодке.** О плавании известного норвежского путешественника Х. Свердрупа к Северному полюсу. Географгиз. Цена 3 руб.

СМИРНОВ А. **По сибирской тайге.** Детгиз. Цена 2 р. 80 к.

УСПЕНСКИЙ Л. **Наши имена.** О происхождении имен и географических названий. Детгиз. Цена 4 р. 15 к.

ФРАДКИН Н. **Путь к югу от Небесных гор.** Очерки об исследовании Центральной Азии. Детгиз. Цена 3 р. 10 к.

ШЕР С. **По страницам каменной летописи.** Книга очерков о геологическом прошлом нашей Родины. Детгиз. Цена 3 р. 35 к.

Все эти книги скоро поступят в магазины книготорга и потребительской кооперации, и вы сможете их купить. Цены на книги указаны ориентировочно.

«СОЮЗКНИГА»

Цена 2 р. 50 к.

ПЯТЬ ОРДЕНОВ КОМСОМОЛА

Пять высоких наград, завоеванных в бою и в труде. В этих пяти орденах отражена вся история Ленинского комсомола за четыре десятилетия.

Первые годы революции, гражданская война, борьба с армиями белых генералов и иностранных захватчиков. На полях сражений гражданской войны заслужил комсомол орден Красного Знамени.

Первая пятилетка. Советский народ начинает великую стройку, и на фронте труда отличается комсомол. Орден Трудового Красного Знамени — награда молодым ленинцам за их доблестный труд.

Кровавые фашистские полчища вторглись на советскую землю, и снова комсомол идет в бой. Подвигами бессмертной славы в Великой Отечественной войне завоевал он орден Ленина.

Еще один орден Ленина — четвертую награду — комсомол получил в свое тридцатилетие за активное участие в строительстве социализма.

Пятый орден дан комсомолу за покорение целины.

О великих подвигах комсомола рассказывают пять плакатов — дипломная работа молодого художника К. В. Туренко, выпускника Художественного института имени Сурикова.

